

**ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ**

№ 3

2006

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА РАН
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А. М. ГОРЬКОГО

ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ

2006. № 3

Издаётся с 2004 года

ЕКАТЕРИНБУРГ
Издательство Уральского университета
2006

Редакционная коллегия

Главный редактор

A. K. Матвеев (Екатеринбург)

Заместители главного редактора

E. L. Березович (Екатеринбург),

M. Э. Рут (Екатеринбург)

Ответственный секретарь

L. A. Феоктистова (Екатеринбург)

Члены редколлегии

M. B. Голомидова (Екатеринбург), *H. B. Васильева* (Москва),

A. Ф. Журавлев (Москва), *H. B. Кабинина* (Екатеринбург),

I. И. Муллонен (Петрозаводск), *E. H. Полякова* (Пермь),

B. И. Супрун (Волгоград), *C. M. Толстая* (Москва),

K. Хенгст (Лейпциг)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов.....	5
--------------------	---

СТАТЬИ

<i>Молчанова О. Т.</i> Проприальная номинация в свете когнитивизма.....	7
<i>Топорова Т. В.</i> На пути от имени нарицательного к имени собственному: др.-исл. <i>hallr</i> ‘камень’ в Старшей Эдде.....	19
<i>Фролова О. Е.</i> Прецедентный антропоним в функции семантического предиката.....	27
<i>Чайкина Ю. И.</i> Именования женщин в новгородских берестяных грамотах XI–XIV вв.....	33
<i>Хелимский Е. А.</i> Северо-западная группа финно-угорских языков и ее субстратное наследие.....	38
<i>Шилов А. Л.</i> Топонимические свидетельства языческого прошлого Москвы.....	52
<i>Напольских В. В.</i> <i>Вятка, Джулман, Югра и Сибирь</i> в арабском источнике первой половины XIV в....	65
<i>Романова Т. П.</i> Эволюционные процессы в области современной российской эргономической терминологии.....	76

МАТЕРИАЛЫ

<i>Воронцова Ю. Б.</i> Материалы к Словарю коллективных прозвищ жителей Архангельской области I. A–K.....	84
---	----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференции, съезды, симпозиумы.....	110
XXII Международный ономастический конгресс (<i>О. Т. Молчанова</i>).....	110
Ономастическая проблематика на X Международном конгрессе финно-утроведов (<i>Т. Н. Дмитриева</i>)... Полемика.....	114
Об интерпретации некоторых материалов полевых сборов (<i>А. Л. Шилов</i>).....	116
Рецензии.....	121
<i>Родионова И. В.</i> Рецензия на книгу И. Э. Ратниковой «Имя собственное: от культурной семантики к языковой».....	121
<i>Коновалова Н. И.</i> Полесский народный календарь в контексте традиционной культуры.....	125
<i>Иванова Е. Э.</i> Рецензия на книгу В. М. Воробьева «Тверской топонимический словарь. Названия населенных мест».....	129
<i>Дмитриева Т. Н.</i> Рецензия на книгу Г. Н. Чагина «Пермь Великая в топонимических доказательствах».....	134
<i>Рут М. Э.</i> Русская ономастика в энциклопедии славянской ономастики.....	137
Новые книги.....	144
Новые диссертации по ономастике.....	148
Кузьмин Д. В. Ареальная дистрибуция топонимных моделей Беломорской Карелии (<i>А. Н. Куклин</i>)... Диссертации 2003–2005 гг.....	148
Экспедиции.....	155
Топонимические экспедиции Петербургского университета (<i>А. С. Герд</i>).....	155
Памяти ученого.....	158
Алексей Сильвестрович Стрижак (1925–2006).....	158
СОКРАЩЕНИЯ.....	160

CONTENTS

Editorial.....	5
----------------	---

ARTICLES

<i>Moltchanova O. T.</i> Proprial nomination in light od cognitivism.....	7
<i>Toporova T. V.</i> On the path from common to proper name: Old Icelandic <i>hallr</i> ‘stone’ in Elder Edda.....	19
<i>Frolova O. E.</i> Precedent anthroponym in the function of semantic predicate.....	27
<i>Tchaikina Yu. I.</i> Women naming in Novgorod elm writings of the 11 th –14 th centuries.....	33
<i>Khelimsky E. A.</i> Northwestern group of Finno-Ugric languages and its substratal heritage.....	38
<i>Shilov A. L.</i> Toponymical evidence of the pagan past of Moscow.....	52
<i>Napol'skikh V. V. Vyatka, Julman, Yuhra and Siberia</i> in Arabian source of first half of the 14 th century....	65
<i>Romanova T. P.</i> Evolutional processes in the field of Russian modern ergonomic terminology.....	76

MATERIALS

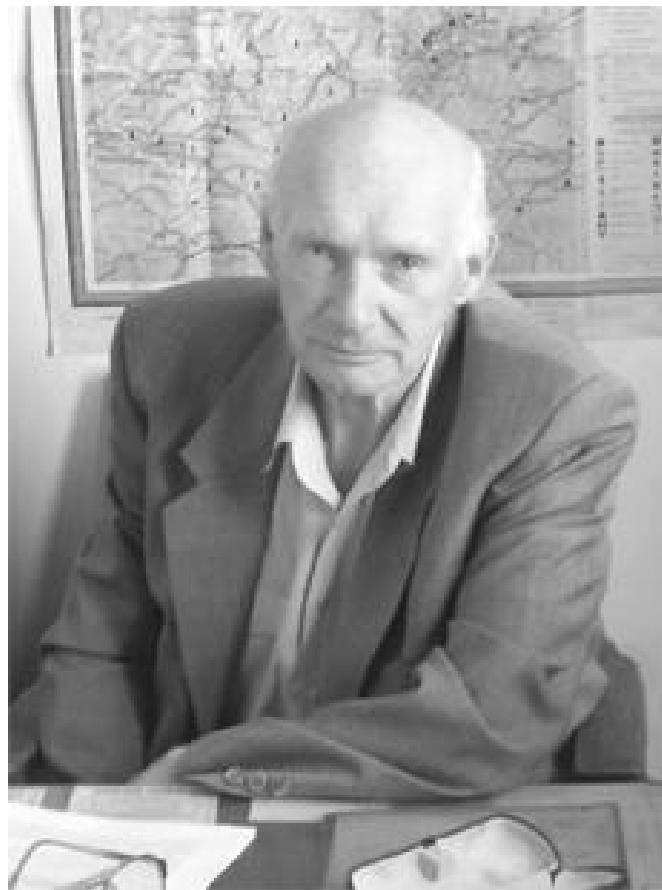
<i>Vorontsova Yu. B.</i> Materials for the Dictionary of collective nicknames of Archangelsk region people I. <i>A–K</i>	84
--	----

SCIENTIFIC LIFE

Conferences, congresses, symposia.....	110
<i>The XXII International Onomastic Congress (O. T. Moltchanova)</i>	110
Onomastic problems at the X International Finno-Ugric experts Congress (<i>T. N. Dmitriyeva</i>).....	114
Discussion.....	116
On interpreting of some field collecting materials (<i>A. L. Shilov</i>).....	116
Reviews.....	121
<i>Rodionova I. V.</i> Review on the book of I. E. Ratnikova «Imya sobstvennoye: ot kulturnoy semantiki k yazykovoy».....	121
<i>Konovalova N. I.</i> Polesskiy folk calendar in the context of traditional culture.....	125
<i>Ivanova E. E.</i> Review on the book of V. M. Vorobyova «Tverskoy toponimicheskiy slovar’. Nazvaniya naselyonykh mest».....	129
<i>Dmitriyeva T. N.</i> Review on the book of G. N. Tchagin «Perm’ Velikaya v toponimicheskikh dokazatelstvakh».....	134
<i>Rut M. E.</i> Russian onomastics in the encyclopedia of Slavic onomastics.....	137
New books.....	144
New dissertations on onomastics.....	148
<i>Kuz’mín D. V.</i> Areal’naya distribuciya toponimnykh modeley Belomorskoy Karelii (<i>A. N. Kuklin</i>).....	148
Dissertations of 2003–2005 years.....	152
Expeditions.....	155
Toponymic expeditions of the St.-Petersburg’s University (<i>A. S. Gerd</i>).....	155
In the name of Scientist.....	158
Aleksey Sil’ vestrovitch Stryzhak (1925–2006).....	158
ABBREVIATIONS.....	160

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Редколлегия сердечно поздравляет с 80-тилетием главного редактора журнала *Александра Константиновича Матвеева*, члена-корреспондента РАН, профессора кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького, заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук.

С Т А Т Ъ И

ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ
2006. № 3

О. Т. Молчанова

ПРОПРИАЛЬНАЯ НОМИНАЦИЯ В СВЕТЕ КОГНИТИВИЗМА

Among many theoretical issues facing onomastic studies in this paper I pointed to one and made an attempt to consider it on the basis of one of the Turkic languages. Thus, the paper is concerned with the application of some concepts and findings of cognitive linguistics to a variety of onomastic tasks. The idea of treating proper names on the basis of a different approach was prompted in particular by the recent growth of cognitive semantics dealing with the multiformity of the meaning of human experience conceptualised in language.

Многие лингвисты, психологи и философы сходятся во мнении, что во взаимодействии между языком и объективным физическим миром существует промежуточный уровень, называемый когнитивным, природа которого стала относительно недавно предметом серьезного изучения, а также темой многочисленных споров, как внутри-, так и междисциплинарных.

Современные теории языка отвергают формальную семантику на том основании, что в ней игнорируется человеческий фактор. Сторонники когнитивной семантики утверждают, что язык вплетен в познавательную деятельность, а такие ее составляющие, как опыт, понимание и воображение, необходимы не только для осмыслиения языка как такового, но и для развития теории языка.

Теория когнитивной семантики пользуется перечисленными ниже познавательными схемами из мира восприятия: 1) база, профиль; 2) сканирование; 3) точка наблюдения; 4) распределение внимания; 5) силовая динамика; 6) барьер [см.: Albertazzi, 2000, 125]. Самыми фундаментальными являются схемы 1 и 2.

Для того чтобы ввести познание в процесс имянаречения, нам нужны дополнительные интерпретирующие операции, предложенные психологами [см.: Croft, Wood, 2000, 57]. Они могут быть представлены как:

1. Внимание (выделенность): а) селекция (включая метонимию), б) масштабная адаптация (абстрагирование), в) схематизация, г) суммарное или последовательное сканирование, д) профилирование.

II. Суждение (сравнение): а) фигура/фон, б) метафора, в) категоризация.

III. Расположение (перспектива): а) точка наблюдения (наблюдательный пункт и ориентация), б) дейксис, в) общий фон и эмпатия, г) субъективность/объективность.

IV. Построение (*Gestalt*): а) сущность/взаимосвязанность; б) структурная схематизация (границы, внутренняя взаимосвязанность, дистрибуция и т. д.); в) силовая динамика (сила, сопротивление и т. д.).

Из всех перечисленных составляющих когнитивной деятельности остановимся на процессах, лежащих в основе номинации. Это прежде всего распределение внимания, включающее в себя способ фиксации на месте действия (в том числе уровень, центр, переключение, фокус обозрения). Внимание выражается в степени активации концептуальных структур в неврологической сетевой модели сознания. Оно считается сложной психической способностью: например, в фокусе внимания может быть один либо другой объект. Фокус внимания предполагает селективное обозрение: можно бегло осмотреть место действия в целом, но можно и в деталях; можно задержать взгляд на месте действия, можно просто пробежать по нему глазами [см.: Croft, 2004, 46–47]. Хотя в целом феномен внимания исходит из когнитивных способностей человека, существуют также свойства окружающего мира, которые усиливают притягательность для людей определенных отличительных черт объектов. Это привлечение внимания к каким-то чертам объекта чрезвычайно важно для выбора как мотивирующих признаков объектов, так и соответствующих лексем для их обозначения, результатом чего становится номинация, нарицательная и проприальная. Геераертс различает 7 основных случаев лексикологической выделенности или «зажепки» внимания (это то, что более всего притягивает наше внимание): 1) перспективная выделенность, 2) парадигматическая семасиологическая выделенность, 3) синтагматическая семасиологическая выделенность, 4) формальная ономасиологическая выделенность, 5) глобальная категориальная ономасиологическая выделенность, 6) локальная категориальная ономасиологическая выделенность, 7) структурная выделенность [см.: Geeraerts, 2000, 94]. Среди перечисленных наиболее интересной для нас является формальная ономасиологическая выделенность (4), которая предполагает как предпочтения, отдающиеся одной отдельно взятой черте по сравнению с другими характерными признаками объекта, так и предпочтения в пользу тех лексических единиц, которые выбираются в качестве основы номинации.

Считается, что знание о пространственном положении объекта – это информация о его форме, размере и структуре частей. О признании за объектом статуса такового свидетельствует наделение его именем. Наричательное имя, данное объекту, – это базовый уровень категоризации. На этом уровне объекты в пределах объединяющей их категории обладают общими чертами, которые отсутствуют у объектов другой категории. В частности, все объекты на базовом уровне обладают некоей усредненной формой, которую можно рассматривать как прототипическую.

Психологи, занимающиеся визуальным распознаванием объектов, указывают, что структура объекта – расположение краев, верхних точек, поверхностей и частей в пространстве – является первостепенной при установлении идентичности объекта на том уровне, который чаще всего используется при номинации. Доступ к информации о структуре, особенно же о форме, лежит в основе процесса визуальной идентификации объекта. Для категоризации объекта люди выбирают атрибуты из замкнутого перечня: все черты

объекта предсказуемы в силу его принадлежности именно к данной категории. Такими атрибутами могут быть твердость, текстура, вес, температура, размер, форма, строение каждой части и ее движение. Часть осознается как секция объекта, независимо от любых параметров, воспринимаемых человеком, таких, например, как форма. Форма, размер и строение частей определяются на базовом уровне, другие атрибуты, используемые для идентификации объектов, обнаруживаются в первую очередь на дополнительном уровне, хотя их можно ожидать и на базовом. В общем, информация о структуре важна для установления нарицательного имени объекта [см.: Klatzky, Kederman, 1993, 191–193].

Широко известно, что из всех черт объекта лингвистически закодированными оказываются те, которые максимально дифференцируют этот объект среди всех других объектов, независимо от того, воспринимаются ли данные черты непосредственно или опосредованно. Как указывают психологи, «вертикальность» по отношению к «горизонтальности» играет главенствующую роль в идентификации черт, приковывающих («цепляющих») внимание. Например, человек из своей вертикальной позиции выделяет объекты как с вертикальной (водопады, возвышенности, горы, холмы и т. п.), так и с горизонтальной (болота, долины, котловины, овраги, озера, реки и т. д.) ориентацией. При фиксации в алтайских топонимах вертикальной и горизонтальной протяженности (длина, ширина, высота) наибольшую частотность приобретают следующие признаки (даны в порядке убывания их частотности в топонимиконе Горного Алтая, представленном в качестве базы данных 3 143 географическими именами)¹: *узкий₄₁, широкий₂₁, длинный/долгий₁₉, высокий₁₁, вытянутый₃, низкий₃, короткий₂*.

Можно сказать «здесь», «вон там», «сзади», «перед холмом», «налево по мере того, как вы продвигаетесь к центру», «задняя часть горы» и т. п., когда мы размещаем объекты и ситуации в пространстве. Каждое из этих выражений имеет различную степень уточненности в кодировании референтов в пространстве. Уточненность включает в себя взвешенную релевантность постигаемых элементов ситуации для говорящего. «Здесь» имеет самую низкую степень уточненности, потому что говорящий рассматривает свое знание позиции просто как адекватную информацию о расположении в пространстве названного объекта и целиком опирается скорее на подтекст, чем на сложную лингвистическую специфику.

В самой природе человека заложена способность локализации одних объектов по отношению к другим. Можно проследить за локализацией физических объектов на психофизиологическом уровне и описать лингвистически только с обращением к другим, смежным с ними объектам. Известно также, что само взаимное размещение объектов включает в себя признание некоторого рода асимметрии между объектом, который мы хотим локализовать, и другим, относительно которого мы локализуем первый. Мы можем установить асимметричность размера, сдерживания, поддержки, ориентации, порядка, направления, расстояния, движения или их всех, вместе взятых. Так, возможно пространственное соотношение между поляной и горой, когда поляна расположена на горе. Как правило, горы по размеру больше полян, что соответствует условиям асимметрии и позволяет локализовать поляну.

При описании асимметричных отношений между объектами в пространственной ситуации Талми заимствовал из *Gestalt*-психологии термины «фигура» и «фон» для об-

¹ Для упрощения восприятия материала алтайские названия в статье даются в русском переводе.

значения объекта, который должен быть локализован (фигура), и объекта референции (фон) [Talmy, 2000; см. также: Svorou, 1994]. В литературе предлагались и другие термины: *locans* vs. *locatum*, *trajectory* vs. *landmark* [Langacker, 1987; см.: Svorou, 1994], *relans* vs. *relatum* и т. д. [Svorou, 1994, 9].

Лингвистически пространственное соотношение двух объектов может быть описано разнообразными способами, каждый из которых реализуется через конструкцию пространственного размещения, предложенную говорящим. При этом фон обычно воспринимается как соотношение статичных объектов, а фигура локализуется по отношению к фону. Описание основывается на представлении пространственных отношений объектов с ближайшим окружением, а от него – с другими объектами.

Важным является также определение понятия внешнего пространства для какого-то конкретного объекта. Например, в понятие «остров» включается площадь водного пространства, которая должна окружать массу суши с тем, чтобы последняя могла называться *островом*. Многие объекты рассматриваются как имеющие внешнее пространство. Так, горы, деревья и даже люди взаимодействуют с другими объектами через свои внешние границы; поля, континенты и страны обычно трактуются не как имеющие пространство, а скорее как сами пространства. Физические границы таких объектов являются также границами обычного взаимодействия людей с ними.

Иного рода объекты (озера, пруды, города, здания, комнаты, пещеры, дворы, телефонные будки и т. п.) в силу своих физических и функциональных характеристик могут восприниматься двояким образом: во-первых, как внутренние пространства, поскольку люди осуществляют различного рода деятельность в пределах их границ, т. е. эти объекты выполняют функцию контейнеров; во-вторых, как имеющие внешнее пространство, поскольку такого рода объекты могут взаимодействовать с людьми за пределами своего внутреннего пространства.

Локализация объекта по отношению к другим объектам, имеющим внутреннее пространство, допускает взаимоотношения двоякого рода: когда фигура включается во внутреннее пространство фона и когда локализуется за его пределами. Таким образом, объекты, имеющие внутреннее пространство, могут быть использованы как объекты референции для локализации других объектов в их внутреннем или внешнем пространстве.

Существует несколько способов локализации объектов по отношению к внешнему пространству фона. Каждый представляет тот или иной параметр деления внешнего пространства на части. Одним из таких параметров является расстояние, отделяющее фигуру от внешнего пространства фона. Оно может варьировать от контакта фигуры с фоном (при этом фигура находится в пределах расширенного пространства фона) до нахождения ее на значительном расстоянии от фона. Таким образом, по отношению к расстоянию общее пространство объекта может рассматриваться как ближайшее и удаленное.

Людей интересует описание не только локализации предметов в окружающей среде, но и ориентации движения предметов в пространстве. Движение в пространстве воспринимается как имеющее направленность. Восприятие направленности движения всегда связано с фоном, относительно которого это движение фиксируется. Движение – это восприятие периодических изменений пространственных отношений, таких как локализация, топология и форма объектов, а также изменение угла зрения при наблюдении за объектами. Например, асимметрия возникает от подвижности корабля по отношению к неподвижной гавани. Именно такого рода асиммет-

рия присутствует во всех ситуациях движения по отношению к стабильной окружающей среде. Движущиеся объекты являются центром внимания и основным предметом дискурса. Тот факт, что движение осознается через восприятие, указывает на существование пункта наблюдения, который дает точку отсчета для определения направленности движения объекта. Таким образом, под направленностью мы понимаем путь, предоставляемый нашими познавательными системами. Объекты направляются к нам или удаляются от нас в зависимости от того, воспринимаем ли мы их как постоянно меняющие позицию в пространстве от нас или к нам.

То, как движение описывается лингвистически, отражает, с одной стороны, релятивистский, зависящий от перспективы способ восприятия движения, а с другой – различные степени детализации, которые включаются в описание. Таким образом, описание движения от отправной точки до конечного пункта имеет более низкую степень специфичности, чем описание самого пути, и даже еще более низкую, чем разговор о самом пути и конечном пункте или об отправной точке и пути. В более детальных описаниях отправная точка и конечный пункт всегда упоминаются, что свидетельствует об их базовом характере.

Реки обладают природной направленностью, определяемой потоком воды; холмы тоже имеют направленность за счет своей асимметрии вдоль вертикальной оси, а также за счет направления движения для достижения конечных точек (вершины и основания).

Выделяя в объектах мотивирующий признак «расположение в пространстве», человек, как правило, сопоставляет объекты друг с другом, исключая себя, т. е. ориентация обращена к окружающим предметам, будучи отторгнута от самого человека. Так, алтайцы при указании на расположение объекта в пространстве вводят в географические имена следующие семантические признаки: *верхний₈₅* (в основном о географических реалиях с горизонтальным расположением), *нижний₇₄*, *средний₂₃*, *между₂₃*, *противоположный₇*, *задний₆*, *отдельный₄*, *близкий₂*, *правый₂*, *северный₂*, *в истоке₁*, *внизу₁*, *районный₁*, *левый₁*, *напротив₁*, *один за другим₁*.

Эстетика механики подчеркивает роль точек, линий, углов при восприятии какой-то целостности с тенденцией к перпендикулярности и прямоугольности фигур в визуальном пространстве, о чем свидетельствуют оптические иллюзии. Углы считаются сильно притягивающими факторами. Сама по себе форма оказывается существенной отличительной чертой объекта, поскольку при ее изменении наступают радикальные изменения самого объекта.

Предполагается, что мы имеем дело с трехмерными объектами, удерживая как двухмерные их абстрактные образы (это было одним из утверждений *Gestalt*-психологии). Поскольку мы воспринимаем форму объектов не только визуально, но и осязательно, можно утверждать, что информация, которую мы получаем, обусловлена тем, как мы знакомимся с объектами посредством разных каналов восприятия. Представление о форме объектов, помимо того, что мы видим или касаемся их, может быть получено и тогда, когда мы сами физически перемещаемся вдоль границ объектов или обозреваем их. Конфигурация объектов, заданная природой, представляет их как симметричные и асимметричные [см.: Svorou, 1994, 18].

Симметричные объекты, такие как шары, не имеют никаких разграничительных частей на своей поверхности. Асимметричные объекты, напротив, могут быть разделены на несколько частей. Асимметрии рек, например, размещаются вдоль горизонталь-

ной оси, а потому у них есть верх (исток) и низ (устье). Если асимметрии размещаются вдоль вертикальной оси, то тоже можно сказать, что объекты имеют верх и низ (например, горы, холмы), если же их асимметрии размещаются еще и горизонтально, то это происходит вдоль оси «перед – зад» и/или лево-правой оси. У лингвистов и психологов деревья считаются классическим примером предметов только с одной асимметричной осью (верх – низ).

В географических именах алтайцев оказались зафиксированными следующие атрибуты категории формы: *сжатый₂₉, куцый₂₀, отвесный₂₀, крутой₁₉, обрывистый₁₇, тупой₁₄, плоский₁₃, кривой₁₁, круглый₁₁, прямой₁₀, продолговатый₉, извилистый₇, изогнутый₇, острый₇, стройный₇, висячий₆, мешковатый₆, торчащий₆, бесхвостый₅, загнутый₅, конусообразный₅, разветвляющийся₅, растопырившийся₅, согнутый₅, шарообразный₅, широко раскрытый₅, вонзенный₄, воткнутый₄, вывороченный₄, косой₄, остроконечный₄, слоистый₄, вытянутый₃, кособокий₃, лохматый₃, покосившийся₃, прямолинейный₃, вздутый₂, кургузый₂, переплетенный₂, пологий₂, пышный₂, прижатый₂, раздутый₂, растопыренный₂, скрученный₂, выпяченный₁, дугообразный₁, зигзагообразный₁, извилающийся₁, клинообразный₁, комолый₁, крючкообразный₁, лежащий₁, навыденный₁, наклоненный₁, обрезанный₁, однобокий₁, петлеобразный₁, придавленный₁, приземистый₁, пушистый₁, разветвленный₁, раскинувшийся₁, ровный₁, сдавленный₁, спрессованный₁.*

Категория формы, представленная в топонимии Горного Алтая многочисленными атрибутами, расширяется за счет включения в процесс проприальной номинации антропоморфных переносов.

Интересны антропоморфные пространственные параллели в непроприальном употреблении. Например, расположение лица относительно тела и его коммуникативная значимость соответствуют расположению и функции передних частей объектов. Как правило, это та часть объекта, с которой человек сталкивается при взаимодействии (например, передняя часть телефонного аппарата – это часть, где расположено приспособление для набора цифр). Для обозначения переда используются лексемы *глаз, грудь, лоб* и т. д. Такого рода деление является крайне важным по своей функции: обычно мы взаимодействуем друг с другом лицом к лицу, а не спиной к спине.

Показательно, что термины, используемые для обозначения спины четвероногого животного, могут переноситься на верхнюю часть объектов. Подобное происходит не только потому, что спина, наряду с головой, является самой высокой частью тела животного, но и потому, что с точки зрения восприятия она оказывается функционально самой приковывающей наше внимание, поскольку некоторые четвероногие домашние животные используются человеком для ношения тяжестей на спинах.

Перечислим названия частей тела и внутренних органов человека, участвующие проприальной номинации алтайцев, обращенной к географической среде. Это макушка *головы₅₆, внутренности₃₄, голова₂₈, поясница₁₈, зад/задняя часть₁₇, бровь₁₅, стопа₁₅, спина₁₄, лысина₁₂, туловище₁₁, кишка₁₀, грудь₉, сердце₉, предплечье₇, ухо₇, плечо₆, промежсток/перепонка между пальцами₆, шея₆, рот₅, женская грудь₄, пуп₄, ребро₄, борода₃, лоб₃, глаз₂, локоть₂, нога₂, подмышка₂, ягодица₂, артерия₁, безымянный палец₁, висок₁, голень₁, зуб₁, коленная чашечка₁, легкие₁, лопатка₁, мужская коса₁, нос₁, щека₁ и язык₁.* Кроме того, в алтайских топонимах присутствуют названия частей тела животных: *грива у лошади/загривок₄, рога₄, волос из гривы или хвоста лошади₂, нижняя*

часть передней ноги лошади₂, хвост₂, волосы/шерсть/мелкие перья₁, горб верблюда₁, задняя часть шеи животного₁, копыто₁, малый желудок₁, сычуг₁.

Часть перечисленных единиц в их метафорическом переосмыслении приобрела статус географических терминов. Таковыми являются алтайские *арка* ‘спина; северная сторона горы, покрытая лесом; лес на горе’; *арт* ‘зад, задняя часть; задняя часть перевала хребта, а также то, что находится за перевалом и хребтом; сам перевал’; *баш* ‘голова; вершина горы, начало; верховье, исток реки, озера’; *бел* ‘спина, поясница, талия; седловина; широкий и низкий перевал в горах; слаженная невысокая возвышенность’; *бут* ‘нога, стопа; отрог горного хребта’; *jal* ‘грива; насыпь, вал’; *յүрек* ‘сердце; маленькая округленная сопка’; *ийин* ‘плечо; речка; рукав’; *кабак* ‘бровь; вытянутая в длину возвышенность с пологими склонами и ровной вершинной поверхностью, которая по своей вытянутости в длину лишь немного уступает основанию’; *кабырга* ‘ребро, бок; косогор’; *калjan* ‘лысина; куполовидная вершина средневысокой горы’; *каши* ‘бровь; окраина; рубеж; опушка леса’; *кёс* ‘глаз; отверстие, углубление, дыра’; *кулак* ‘ухо; ответвление оросительного канала; ответвление арыка’; *мёён* ‘кишка, которая имеет свое дно, свой конец; глубокое место на реке (затон, омут); глубокая протока с очень медленным течением, соединяющая два озера или озеро с рекой’; *мурун* ‘нос; мыс’; *oос* ‘рот; устье’; *орой* ‘макушка; вершина, самая высшая точка’; *öздök* ‘внутренность, нутро, желудок, пищевод; лог, долина, низина’; *салаа* ‘промежуточка, перепонка между пальцами; рукав, разветвление реки в устье или истоке; приток (реки)’; *сын* ‘рост, стан, туловище, спина; хребет горный, его гребневая линия’; *тас* ‘лысина; голая вершина горы’; *тöббö* ‘макушка головы, темя; вершина горы; небольшое возвышение; холм, пригорок’; *тöми* ‘грудь; низина, низменное место; склон, скат горы’; *чоку* ‘макушка головы; вершина высокой горы’; *шенек* ‘локоть; мыс; выступ горы’.

Во всех перечисленных выше случаях перенос лексической единицы, изначально обозначавшей часть тела человека, осуществлялся не только с опорой на ассоциации по форме, но и по функциональной нагрузке. Единицы, не получившие статуса географических терминов, указывают на форму реалий и могут быть интерпретированы как «похожий на безымянный палец», «как лопатка», «напоминающий лоб», «похожий на коленную чашечку» и т. п. В проприальной номинации для данной категории наиболее задействованной оказывается самая верхняя часть географического объекта, для обозначения которой используется несколько лексем: *орой*, *тöббö* и *чоку*.

Если учитывать меронимические соотношения единиц, представляющих части тела в алтайской топонимии, следует отметить, что наибольшее количество приходится на группу «Туловище» (*поясница₁₈*, *зад/задняя часть₁₇*, *спина₁₄*, *грудь₉*, *предплечье₇*, *плечо₆*, *шея₆*, *женская грудь₄*, *пуп₄*, *ребро₄*, *подмышка₂*, *ягодица₂*, *лопатка₁*), далее следуют «Лицо» (*бровь₁₅*, *рот₅*, *зуб₁*, *язык₁*, *борода₃*, *лоб₃*, *глаз₃*, *нос₁*, *щека₁*), «Голова» (*макушка головы₅₆*, *лысина₁₂*, *ухо₇*, *висок₁*, *мужская коса₁*), «Внутренности» (*кишка₁₀*, *сердце₉*, *артерия₁*, *легкие₁*), «Нога» (*стопа₁₅*, *голень₁*, *коленная чашечка₁*), «Рука» (*промежуточка/перепонка между пальцами₆*, *локоть₂*, *безымянный палец₁*).

С точки зрения осевой пространственной ориентации, закрепленной в географических именах алтайцев, преобладает верх, ассоциируемый с головой и ее частями, за ним следует передняя сторона, ассоциируемая с лицом и его частями, а также некоторыми частями туловища, последнее место занимает задняя сторона, ассоциируемая с некото-

рыми частями туловища. Примечательно участие в географических именах названий внутренних органов, соотносящихся с понятием внутреннего пространства.

По сравнению с категорией формы категория размера в топонимии алтайцев представлена небольшим числом атрибутов, среди которых наиболее частотным оказывается *большой₁₂₁*; отмечены также *малый₆₃*, *маленький₂₃*, *тесный₂₀*, *тонкий₁₆*, *просторный₄*, *низкий₃*, *крупный₂*, *обширный₂* и *толстый₂*.

Не менее важное, чем форма, место в проприальной номинации алтайцев занимает цвет. Известно, что восприятие цвета является функцией центральной нервной системы, связанной с корой головного мозга. Все цвета, как чистые, так и составные, обладают четкими характеристиками, выводимыми из их положения в цветовом пространстве. Цвета характеризуются насыщенностью и тоном. Одна и та же максимальная насыщенность существует для всех чистых цветов, однако не все насыщенные чистые цвета одного и того же тона (красный и желтый, например, ярче, чем зеленый и голубой). Помимо насыщенности и тона, цвета обладают еще одним свойством: существуют теплые и холодные их тональности. Желто-красные цвета передают теплую тональность (например, огонь, солнце), тогда как зелено-синие цвета – холодную (например, снег, вода, листья). Эти качества оказываются эмоциональными. Морфогенетически их относят к первичным, поскольку они обладают способностью наделять поверхности дополнительными качествами: более удаленные объекты реально кажутся холоднее, чем те, что ближе к нам. То же самое происходит с непрозрачными предметами по сравнению с прозрачными. Смешанные цвета, близкие к наблюдателю, создают впечатление большей непроницаемости на фоне других цветов. Более того, цвета могут быть сгруппированы по полярности или контрасту: теплые – холодные, прозрачные – непрозрачные, успокаивающие – возбуждающие, близкие – удаленные, легкие – тяжелые, влажные – сухие и т. д. В этом смысле цвета наделены динамикой.

Анализ восприятия цвета показывает, что цвета образуют непрерывное разнообразие; это поле, где каждый элемент неотделим от другого – того, который непосредственно к нему примыкает, – и непохож на все остальные.

Первое разграничение вещественности объектов задается светотенью: контраст является первой ступенью в индивидуализации объектов, он образует границу, на которой может появиться цвет. В терминах феноменологии граница – это профиль самого воспринимаемого объекта, а также его частей, который в той мере, в какой он отмежеван и очерчен по отношению к фону, проявляет некоторые из характерных свойств объекта, таких как форма, связность и индивидуальность. Цвет, который мы воспринимаем на поверхности, в значительной степени независим от длины волны света, отраженного поверхностью, и от его интенсивности. Считается, что цвет обрабатывается глазом, а воспринимается разумом.

Как указывалось выше, в алтайских географических именах особое место занимает категория цвета, представленная 25 атрибутами. Все они являются высокочастотными единицами, общее же количество имен с цветовыми компонентами в алтайском топонимиконе составляет более 14 %. Наиболее представительной оказалась категория чистых черных цветов (*кара*, *бараан* и *караңүй*), затем идут категории чистых белых цветов (*ак*), желтых цветов (*сары*, *куба*, *куу*, *алтын*, *чибит* и *булан*), красных цветов (*кызыл* и *күрең*), синих цветов (*көк*, *чаңқыр*), серых цветов (*боро*, *сур*, *буурыл*, *кер*, *чал*, *кула*), смешанных цветов (*ала*, *ölö* и *chookыр*) и промежуточных цветов (*jeeren* и *коңыр*).

Ведущий атрибут цветовой категории в алтайском языке многозначен. Прилагательное *кара*, наиболее частотное в топонимах, может обозначать ‘черный; обильный; родниковый, питающийся подземными водами, иногда прозрачный; густой; с густым (часто хвойным) лесом’. *Ак* – вторая по частотности тополексема, реализует в географических именах следующие значения: ‘белый; мутно-белый, ледниковый; чистый, хороший, пресный, текущий, проточный; голый, лишенный растительности, леса’. *Сары* в гидронимах представлено всеми оттенками желтого (‘совершенно желтый, желтоватый, рыжий, палевый, желто-бурый, бежевый, бледный, соловый, сероватый’), а также нецветовыми обозначениями – ‘весенний, снеговой, талый, песочный, мутный, илистый’; в именах неводных объектов *сары* реализует значения ‘степной, сухой, выгоревший’. Какие-то дополнительные оттенки *кызыл* в алтайской топонимии не обнаруживаются, оно неизменно выступает со значениями ‘красный, ярко-оранжевый, красновато-рыжий, кирпично-красный, бурый’. Будучи, по-видимому, тесно связанным с др.-турк. *кёк* ‘небо’, анализируемое прилагательное сохранило свои старые качества цветообозначения – ‘небесный, небесно-голубой’, а также ‘синий, синеватый, отливающий голубым цветом, светло-синий, темно-синий, сине-зеленый, купоросный, сизый, зеленый; возвышенный, славный, величественный и др.’. *Боро* в алтайских географических именах могло иметь значения ‘серый, сероватый, серый с оттенками белого, черного, желтого тонов; темно-серый с сединою (о масти) = сивый; бурый’; *ала* – ‘разноцветный, пестрый, испещренный пятнами, пегий, с крапинками, чубарый, пятнистый; разномастный’, в оронимах может приобрести дополнительное значение ‘снежный’, *jeeрен* – ‘рыжий, каштановый; красно-желтый; коричневый’.

Алтайские географические термины в составе топонимов проявляют определенную избирательность к цветовым атрибутам. Так, *айры* ‘приток реки; река; маленький ручей’ в основном употребляется с прил. *ак* и *кара*²; *ачык* ‘открытое место, поляна’ – с *сары*; *баш* ‘верховые, исток реки, озера; вершина горы, начало’ – с *куу*, *кёк*, *ак*; *бел* ‘седловина; широкий и низкий перевал в горах; слаженная невысокая возвышенность’ – с *сары* и *кара*; *боом* ‘узкое место между горой и рекой, где пролегает дорога; скалистый обрыв; крутой обрывистый берег’ – с *ак*; *ярык* ‘трещина в земле, теснина, ущелье’ – с *кара*; *жол* ‘дорога, путь, след, тропа’ – с *ак*; *жул* ‘река’ – с *кара* и *сары*; *кайа* ‘скала, утес’ – с *ак*, *кара*, *кызыл*, *куу* и *кёк*; *кат* ‘твёрдый складчатый грунт, поверхность’ – с *кызыл*; *кем* ‘река’ – с *кара* и *ак*; *кобы* ‘лог, ложбина, лощина’ – с *сары*, *ак*, *булан*, *кара*; *коол* ‘речное русло; река’ – с *ак*, *кара*, *бараан*, *сары*; *кёл* ‘озеро’ – с *кёк*, *ак*, *кара*, *сары*; *кујур* ‘солонцовский грунт земли, солончак, солонец’ – с *кара*, *кызыл*; *ой* ‘низина, котловина, впадина’ – с *ак*; *ойык* ‘котловина, лог, углубление на вершине горы’ – с *кара*, *кызыл*; *özök* ‘лог, долина, низина’ – с *кара*, *кёк*, *сары*, *ак*; *özön* ‘протока’ – с *сары*; *салая* ‘рукав, разветвление реки в устье или истоке; приток реки’ – с *ак*; *сас* ‘болото’ – с *ак*, *кара*, *сары*; *сүү* ‘вода; река’ – с *кара*, *кёк*, *ак*, *сары*; *сүугаш* ‘маленькая речка’ – с *ак*, *боро*, *кара*; *тайга* ‘снежное высокогорье; гора, покрытая лесом’ – с *ак*, *буурыл*, *кара*, *кызыл*; *таш* ‘камень, гора, сопка, возвышенность, сложенные из твердых пород с их обнажениями’ – с *кара*, *ак*, *кызыл*, *алтын*, *куу*; *туу* ‘высокая гора’ – с *ак*, *кара*, *алтын* и т. д.

² Прилагательные перечислены в порядке убывания количества образований с ними.

Возможно, что такая избирательность объясняется физико-географическими особенностями самих реалий. Помимо этого, интерес представляет анализ восприятия цвета более высоких реалий по сравнению с низкими – см., например, выше атрибутивную сочетаемость терминов *туу*, *таш*, *кайя* и *тайга*. Некрупные орообъекты в топонимии оказываются окрашенными более пестрой гаммой цветов, указывающих и на цвет породы, – мотив, отсутствующий в номинации высоких гор, для которых предпочтение отдается указанию на снежный покров или лес, а также хвалебным эпитетам. Для водных объектов с цветовым компонентом в имени ведущим атрибутом оказывается не столько цвет воды, сколько признак «прозрачный/непрозрачный».

В тесной связи с вопросом о том, какие отличительные черты географических объектов привлекают к себе внимание и затем фиксируются в топонимах, находится вопрос об этнолингвистической специфике данного процесса. Например, предпочтения русских в выборе мотивирующего признака для проприальной номинации видны в том, что они обращают внимание на: 1) естественные свойства земной поверхности (28,6 %); 2) форму (9 %); 3) расположение в пространстве (6 %); 4) виды растительности (5 %); 4) размер (3 %); 6) отличительные черты животного мира (3 %); 7) цвет (2,6 %, более всего белый, черный и красный); 8) экономическую деятельность людей (2,5 %) [см.: Ковалева, 1973, 65]. Общие черты английских рек, учитывавшиеся при их наименовании, – извилистость, быстрота, сила, производимые звуки, длина, прозрачность, цвет, положительные и отрицательные характеристики [см.: Ekwall, 1929, L].

Интересно восприятие человеком количества. Известно, что наше внимание цепляется за нечет, к тому же человек четко дифференцирует количество от 1 до 7. Все то, что выходит за пределы 7, теряет свое цифровое обозначение (если не присутствует счет) и воспринимается как «много», «сравнительно много», «бессчетно много» и т. п. Именно поэтому цифра 7 во многих культурах считается магической. Счетные слова присутствуют в 4,07 % географических названий Горного Алтая с преобладанием нечета, т. е. 3, 5, 7, но не единицы. Естественно, что такие имена принадлежат узкой сфере референции. Особую роль при иминаяречении играют понятия «пара», «парой», «двойной», «сдвоенный, расположенный по два». Они обладают повышенной кодируемостью в именах, ибо больше, чем другие квантификативы, притягивают наше внимание, особенно в сравнении с лексемами, обозначающими ‘один’ или ‘единичный’.

Восприятие объекта как фигуры связано с относительно более детальным анализом информации по сравнению с восприятием объекта как фона. Для того чтобы понять, что за объект находится в поле внимания, индивид должен не просто отделить его от фона, объединить элементы в некоторый целостный образ, но и отнести этот образ к определенной категории, к типу или виду объектов, ранее опознанных и воспринятых.

Семантисты рассматривают различия в масштабной адаптации в рамках мелкозернистой (*fine-grained*) и крупнозернистой (*coarse-grained*) концептуализации человеческого познания, например, *стул – мебель*. На уровне топонимов это может выглядеть как корреляция между топографическим термином, используемым для обозначения целостного природного объекта (реки, озера, лога, перевала, долины, оврага и т. п.), и лексической единицей, служащей для наименования той характерной черты объекта, которая привлекает к себе внимание человека. Выделенный атрибут является частью единого концепта, представленного топографическим объектом и соответствующим ему термином.

Его можно рассматривать как абстрагирующую масштабную адаптацию, основанную, например, на визуальном восприятии объекта как интегрированного целого. Так, в континууме алтайских географических имен крупнозернистая концептуализация включает 126 топографических терминов в качестве компонентов более чем 50 % названий, данных элементам рельефа на этой территории.

Существует два вида сканирования: одно – последовательное, когда внимание сосредоточено на переходе от одной ситуации к другой; второе – добавляющее, при котором все события рассматриваются как сосуществующие и одновременные. Процесс сканирования связан с профилированием, которое, как нам удалось обнаружить, имеет прямое отношение к номинации. Среди огромного многообразия терминов, используемых для описания процесса, мы будем придерживаться двух – «база» и «профиль». Под профилем подразумевается обозначаемая сущность, а под базой – такая часть места действия, которая требуется для характеристики данной сущности. Профилируемая сущность в нашем случае – это географический объект, который нужно назвать и который должен быть когнитивно цепляющим для носителя языка. База располагается за профилем и служит неким контекстом референции, необходимым для характеристики профиля. Как правило, база исключается из проприальной номинации и только профиль наделяется именем, например: *Светлый ручей*, *Крутой перевал*, *Соленое озеро* и др. В некоторых случаях (их незначительное число) база может быть включена в проприальное обозначение, например: *Долина Голубого озера*, *Острые вершины Красной горы*.

Еще одной концептуальной операцией является метафора, которая включает в себя отношение между источником прямого значения языковой единицы и метафорическим его переосмысливанием. Когнитивные лингвисты считают метафору фундаментальным способом концептуализации и стержнем семантической структуры слова [см.: Langacker, 2000, 27]. Алтайские топонимы могут служить существенным доказательством этому, так как одна треть всех однословных топонимов построена на основе метафорических ассоциаций и сравнения, например: *айруш* ‘вилы; вилообразный’ → похожий на вилы > р. *Айруш*; *аптыра* ‘ящик, сундук’ → похожий на сундук > г. *Аптыра*; *арајан* ‘водка из молока’ → напоминающий водку из молока > р. *Арајан*; *баарчык* ‘скворец’ → маленький, поющий > р. *Баарчык*; *боошкон* ‘ставшая стельной, жеребой’ → напоминающий стельную корову или кобылицу > р. *Боошкон*; *боскун* ‘бродяга’ → меняющий свое русло > р. *Боскун* и мн. др. (см. также выше антропоморфные метафоры).

В данной статье подняты лишь некоторые вопросы взаимодействия окружающего мира и человека, его воспринимающего, связи этого восприятия с категоризацией, в которую вплетается номинация как апеллятивная, так и проприальная.

Ковалева Н. Б. Русская топонимика бассейна реки Ини (семантический анализ). Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1973.

Albertazzi L. Directions and perspective points in spatial perception // Meaning and Cognition / Ed. by L. Albertazzi. Amsterdam; Philadelphia, 2000.

Croft W. Conceptualization and construal operations // Croft W. & Cruse D. Cognitive Linguistics. Cambridge, 2004.

- Croft W., Wood E.* Construal operations in linguistics and artificial intelligence // Meaning and Cognition / Ed. by L. Albertazzi. Amsterdam; Philadelphia, 2000.
- Ekwall E.* English river names. Oxford, 1928.
- Geeraerts D.* Salience phenomena in the lexicon. A typology // Meaning and Cognition / Ed. by L. Albertazzi. Amsterdam; Philadelphia, 2000.
- Klatzky R. L., Kederman S. J.* Spatial and non-spatial avenues to object recognition by the human haptic system // Spatial Representation. Problems in Philosophy and Psychology / Ed. by N. Eilan, R. McCarthy, B. Brewer. Oxford; Cambridge, 1993.
- Langacker R.* Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Theoretical Prerequisites. Stanford, 1987.
- Langacker R.* Why a mind is necessary. Conceptualisation, grammar and linguistic semantics // Meaning and Cognition / Ed. by L. Albertazzi. Amsterdam; Philadelphia, 2000.
- Svorou Soteria.* The Grammar of Space. Amsterdam; Philadelphia, 1994.
- Talmy L.* Toward a Cognitive Semantics. Concept Structuring System. Vol. 1. Typology and Process in Concept Structuring. Vol. 2. A Bradford Book. Cambridge; L., 2000.

* * *

Ольга Тихоновна Молчанова – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Щецинского университета (Польша).

Т. В. Топорова

НА ПУТИ ОТ ИМЕНИ НАРИЦАТЕЛЬНОГО
К ИМЕНИ СОБСТВЕННОМУ
В МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА:
ДР.-ИСЛ. *HALLR* ‘КАМЕНЬ’ В СТАРШЕЙ ЭДДЕ

*This article aims to show that the Old Icelandic common noun **hallr** ‘stone, boulder’ has the attributes of a proper noun. The Old Icelandic **hallr** has only nominative singular grammemes as well as animate allusions. Such selective grammatical forms are due to the actualization of the mytho-poetic status of its denotation – the millstone of the magical mill Grotti on which the giantesses Fenja and Menja grind riches and happiness for the king Frodi, who is iso-functional to the demiurge in the creation myth.*

Интерес исследователей к ономастике вызван и поддерживается комплексом причин: 1) как известно, именно в маргинальных областях сохраняются архаизмы, утраченные в языке, а также возникают инновации,рабатываются новые тенденции языкового развития, т. е. ономастику можно рассматривать как экспериментальную языковую лабораторию; 2) имя собственное занимает в языке особое положение, заключающееся в его промежуточном характере: связь имен с системой того или иного языка проявляется в их оформлении в рамках грамматических и словообразовательных категорий соответствующего языка, реализации в них лексем языка; вместе с тем имена, возникающие на основе апеллятивов, представляют собой самостоятельную сферу с присущими ей закономерностями.

При изучении ономастики нельзя не отметить принципиальное отличие в функционировании имени в демифологизированной и мифопоэтической традициях. В современном обществе имя собственное как член классификационной системы номинации выполняет основную назывательную функцию, проявляющуюся в двух аспектах: дистинктивном (выделяющем индивида из коллектива) и интеграционном (объединяющем носителей одного имени в общий класс). В мифопоэтической модели мира наряду с этими функциями имя приобретает аксиологический статус: оно воспринимается не как ярлык,

этикетка, а как символ, сложным образом соотносимый с природой индивида и в конечном счете определяющий судьбу его носителя¹. В рамках теории «нужд» (*needs*) Б. Малиновского, имя, как и другие элементы, составляющие культуру архаичного племени, возникает как ответ на определенный вопрос, продиктованный настоящей потребностью. Исходя из этой концепции, наименование трактуется как абсолютная необходимость, связанная с экспликацией глубинной сущности человека [см.: Malinowsky, 1944].

Специфика мифопоэтической модели мира заключается в размытости границ между именем собственным и нарицательным, подвижностью их статуса. Как продемонстрировали теоретические исследования Гардинера [см.: Gardiner, 1910] и его последователей в области символической логики и семантической философии, свойство быть именем собственным относительно: оно определяется сочетанием различных лингвистических и экстралингвистических факторов. В зависимости от меры проявления «номинационности» существует градация имен, причем наименьшая мотивированность имени обуславливает наибольшую «номинационность». На шкале с полюсами «имя собственное» и «имя нарицательное» наблюдаются противоположные явления – переход апеллятива в разряд имен и десакрализация, демифологизация имени. Примеры перехода имен нарицательных в разряд имен собственных неоднократно оказывались в фокусе внимания исследователей. Как правило, механизм этого явления заключается в преобразовании в имя собственное апеллятива, иногда сопровождаемого эпитетом, при этом в качестве денотата выступает уникальный в данной мифопоэтической модели мира объект. Для иллюстрации этого тезиса достаточно привести на редкость показательный эддический контекст. Ср.: «Leica Míms synir, enn miqtuðr kyndiz / at ino gamla *Giallahorni*; / hátt blaess Heimdallr, **horn** er á loptí» [Vsp. 46] <Играют сыновья Мимира, возвращается судьба² / в старый Шумящий *rog*; / громко дует Хеймдалль, *rog* в воздухе>³. В цитируемой строфе «Прорицания вёльвы» актуализируется внутренняя форма имени собственного, представленного композитом, благодаря столкновению одного из элементов сложного слова с однокорневым апеллятивом. С большой степенью вероятности на основании подобных примеров можно реконструировать процесс превращения имени нарицательного, обозначающего единственный в своем роде предмет (как, в частности, *rog*, атрибут бога Хеймдалля в древнеисландской мифопоэтической модели мира) или деятеля, в имя собственное. Противоположное явление – обнаружение в имени нарицательном признаков имени собственного – оставалось практически не изученным; именно оно находится в центре внимания в настоящей статье.

Описание семантики слова древнего языка – а точнее, какого-либо архаичного памятника письменности – имеет весьма длительную и славную историю, истоки которой кроются в попытках интерпретировать ту или иную лексему. В русле исследовательской традиции намечаются два подхода: ономасиологический, акцентирующий внимание на денотативном компоненте значения, и лексико-семантический, который

¹ Ср. имена типа *Святослав*, которые можно интерпретировать как императив «пусть он обладает святой славой», пожелание его носителю реализовать именно это качество.

² Судьба, т. е. конец мира, «гибель богов».

³ Здесь и далее тексты цитируются по изданию [Edda, 1962], переводы текстов – по изданию [Старшая Эдда, 1963].

в рамках теории поля занимается осмыслиением сигнifikативного компонента значения. Оба этих направления, систематизировавшие колоссальный конкретный материал, как правило, почти всецело ориентированы на диахроническое изучение языковых фактов, прежде всего на анализ семантических изменений и сравнение, что, естественно, накладывает определенные ограничения и на получаемые результаты, поскольку факты синхронии нередко оказываются вне поля зрения специалистов. Нельзя не согласиться с высказыванием о том, что «в исторической семасиологии, как и в других областях лингвистики, явно сказался тот перевес “языка” над “речью”, который приводил к пренебрежению речевой деятельностью и ее произведениями (текстами)» [Гвоздецкая, 2003, 28]. Однако в последнее время пренебрежение синхронией явно преодолевается и появляется все больше исследований, в которых слово изучается в самой среде своего существования – конкретном произведении, причем объектом анализа становится семантика отдельного словаупотребления, устанавливаемая на основании контекста, понимаемого весьма широко – как «все категории художественного текста, которые влияют на формирование и актуализацию лексико-семантических тождеств и различий в нем» [Там же, 29]. В качестве примеров чисто синхронного изучения лексического значения слов в современной отечественной лингвистике можно привести лексикологические штудии с позиций «грамматики текста»⁴ широкого круга концептов в Ригведе (дома, жертвенной общине/места жертвоприношения, пути – дороги, леса – деревьев, поля – луга – пастбища, воды, горы – скалы – камня, крепости) Т. Я. Елизаренковой [1999], а также тезаурусное описание фольклорного слова [см.: Никитина, 1997; Фольклорная лексикография, 1994].

Для иллюстрации значения эпического слова подошла бы любая лексическая единица, однако наш выбор остановился на одном из элементов семантического поля «Гора – скала – камень», потому что в древнеисландской мифopoэтической модели мира и в значительной степени отражающем ее памятнике – Старшей Эдде гора рассматривается не только как элемент ландшафта, наряду с реками, долинами, лесами и пр., но и занимает важное место в древнескандинавских космогонических представлениях (ср. образ мировой горы в скандинавском мифе творения).

Др.-исл. *haugr* ‘холм, курган’ описывается по стандартной схеме, включающей 31 пункт и с максимальной полнотой фиксирующей информацию о слове [подробнее об обосновании этой схемы см.: Топорова, 2004]. Эта схема состоит из нескольких блоков: фонетического, или морфонологического (1–2); текстового (3–5); экстралингвистического, содержащего сведения о денотате (6); грамматического (7); этимологического (8); деривационного (9–16), внутри которого выделяются параграфы, посвященные комплексному изучению композитов (10–16); семантического (17–21); синтаксического (22–29); поэтического (30–31).

⁴ «Под грамматикой текста в интересующем нас случае подразумевается описание засвидетельствованной в тексте парадигмы падежей рассматриваемого имени существительного: какова структура парадигмы, особенности выражения ею грамматических категорий, употребительность отдельных форм; с какими предикатами, атрибутами, определениями сочетается данное существительное, какие производные основы образованы от него и в составе каких сложных слов оно встречается. Таким образом, создаются своего рода маленькие словарики узуса данного существительного в гимнах РВ. Параллельно эти результаты лингвистического анализа всегда соотносятся с типами мифологических контекстов и со стилистическими особенностями текста» [Елизаренкова, 1999, 16–17].

1. Заглавное слово: *HALLR* ‘камень, глыба’.

2. Фонетические (морфонологические) варианты: *hall-*.

3. Контексты:

а) в мифологических песнях: отсутствуют;

б) в героических песнях: «Kœmi-a Grótti ór griá fjalli, / né sá inn harði *hallr* ór jörðo, / né mæli svá mær bergrisa, / ef vissi vit vætr til hennar» [Grt. 10] <Гротти не вышла б из серой скалы, / камень бы твердый земли не покинул, / так не мололи бы великанов девы, / если б не знали мы ничего о ней>; «Hendr skolo hvílaz, *hallr* standa mun, / malit hefi ek fyr mik mitt of leiti» [Grt. 17] <Рукам дать покой бы, камень должен стоять, / смолола я, чем было мне сказано>; «Mólo meyjar, megins kostóðo, / óro ungar í jötunmóði, / skulfo skapré, skauz lúðr ofan, / hraut inn höfgi *hallr* sundr í tva» [Grt. 23] <Девы мололи, меряясь силами, / юные были как ётуны⁵ в гневе; / балки тряслись, основа слетела, / надвое тяжелый камень раскололся>.

4. Количество словоупотреблений:

а) в мифологических песнях: 0;

б) в героических песнях: 3.

5. Толкование: ‘Felsblock (Grt.)’ [Kuhn, 1968, 87]; ‘block of stone (Grt., etc.)’ [La Farge, Tucker, 1992, 102]; ‘a slope, hill; a big stone, boulder, Grt. (of a millstone); of a precious stone, a gem; *metaph.* a stain, colour, *meton.* from *stein*’ [Cleasby, Vigfusson, 1954, 235]; ‘каменная глыба, кусок скалы’.

6. Денотат: жернов мельницы Гротти.

7. Грамматическая информация:

тип основы: -i- основа;

мужской род;

nom. sing.: «Kœmi-a Grótti ór griá fjalli, / né sá inn harði *hallr* ór jörðo» [Grt. 10] <Гротти не вышла б из серой скалы, / камень бы твердый из земли>; «*hallr* standa mun» [Grt. 17] <камень должен стоять>; «hraut inn höfgi *hallr* sundr í tva» [Grt. 23] <надвое тяжелый камень раскололся>; *gen. sing., dat. sing., acc. sing., nom. pl., gen. pl., dat. pl., acc. pl.*: отсутствуют.

8. Этимология: др.-исл. *hallr* ‘камень; цвет’⁶, готск. *hallus* ‘скала’, др.-англ. *heall* ‘камень, скала’ (наряду с *hyll* ‘холм’); этимология спорная: 1) к лат. *collis* ‘холм’, лит. *kálnas* ‘гора’; 2) к и.-е. **kōi* ‘точить, заострять’; 3) к и.-е. *(s)*kel*- ‘резать, раскалывать’, рус. *скала* и др. [Vries, 1977, 205].

9. Словообразование: отсутствует.

10. Словосложение в мифологических песнях:

а) композиты с первым компонентом *hall-*: отсутствует;

б) композиты со вторым компонентом *-hallr*: отсутствует.

11. Количество словоупотреблений в мифологических песнях:

а) в качестве первого элемента композита: 0;

б) в качестве второго элемента композита: 0.

⁵ Ётуны, т. е. великаны.

⁶ Значение ‘цвет’ засвидетельствовано только в скальдической поэзии и трактуется как вариация *steinn* ‘камень; цвет’, ср. др.-в.-нем. *staimbort* ‘раскрашенный щит’ с семантическим развитием ‘камень’ > ‘минеральная краска’, т. е. не имеет отношения к лат. *color* ‘цвет’ [Vries, 1977, 546, 205].

12. Словосложение в героических песнях:

- а) композиты с первым компонентом *hall-*: отсутствуют;
- б) композиты со вторым компонентом *-hallr*: *HQFGA-HALLR* ‘тяжелый камень’ < др.-исл. *hqfugr* ‘тяжелый’; наряду с **habugaz* также **habigaz*, как в др.-англ. *hefig*, др.-сакс., др.-в.-нем. *hebig*, ср.-нидерл. *hevich* [Vries, 1977, 280], др.-исл. *hallr* ‘камень’ (см. п. 8);

«*Veltom grjóti / of garð risa, / svá at fold fyrir fór skjalfandi; / svá slöngðom vit snúðgasteini, / höfgahalli, at halir tóko*» [Grt. 12] <Камни вздымали / на стену турсов⁷, / так, что вокруг содрогалась земля; / так мы швырнули вертящийся камень⁸, / тяжелый камень, что впору мужам лишь было схватить его>.

13. Количество словоупотреблений в героических песнях:

- а) в качестве первого элемента композита: 0;
- б) в качестве второго элемента композита: 1.

14. Падежи сложных слов с *-hallr* в качестве второго компонента:

- а) в мифологических песнях: отсутствуют;
- б) в героических песнях: *dat. sing.*: «*svá slöngðom vit snúðgasteini, / höfgahalli...*» [Grt. 12] <так мы швырнули вертящийся камень, / тяжелый камень...>.

15. Морфологические модели композитов с *hall-*:

- а) в мифологических песнях: отсутствуют;
- б) в героических песнях: дескриптивные композиты *karmadhāraya: höfga-hallr* ‘тяжелый камень’.

16. Семантика композитов:

- а) в мифологических песнях: отсутствует;
- б) в героических песнях: ‘тяжелый’ + ‘камень’.

17. Синонимы: *fjall* ‘скала’ («*Kœmi-a Grótti ór griá fjalli, / né sá inn harði hallr ór jörðö*» [Grt. 10] <Гротти не вышла б из серой скалы, / камень бы твердый из земли>); *grjót* ‘кусок скалы, камень’, *snúðgasteinn* ‘вертящийся камень; жернов’ («*Veltom grjóti / of garð risa... / svá slöngðom vit snúðgasteini, / höfgahalli, at halir tóko*» [Grt. 12] <Камни вздымали / на стену турсов... / так мы швырнули вертящийся камень, / тяжелый камень...>);

18. Антонимы: отсутствуют;

19. Гиперонимы: см. п. 17.

20. Гипонимы: гипоним по отношению к гиперонимам из п. 17.

21. Ассоциативный комплекс: др.-исл. *hallr* ассоциируется с сюжетом о мельнице Гротти.

22. *Hallr* – субъект (что? – подлежащее): см. ниже предикаты *hallr* как субъекта.

23. *Hall-* – объект (что? – дополнение): отсутствует.

24. Посессоры *hall-*: великанши Фенья и Менья.

25. *Hall-* – локус (где?): отсутствует.

26. *Hall-* – направление, цель (куда?): отсутствует.

27. *Hall-* – инструмент (чем?): отсутствует.

⁷ Турсы, т. е. великанов.

⁸ Вертящийся камень, т. е. жернов, выломанный из скалы.

28. Атрибуты: твердый («*sá inn harði hallr ór jörðo*» [Grt. 10] <камень *твердый* из земли>); тяжелый («*hraut inn höfgi hallr sundr í tvaú*» [Grt. 23] <надвое *тяжелый* камень *раскололся*>).

29. Предикаты *hallr* как субъекта: стоять («*hallr standa mun*» [Grt. 17] <камень должен *стоять*>); возникать (выходить) («*Kæmi-a Grótti ór griá fjalli, / né sá inn harði hallr ór jörðo*» [Grt. 10] <Гротти *не вышла* из серой скалы, / камень бы *твердый* из земли>); раскалываться («*hraut inn höfgi hallr sundr í tvaú*» [Grt. 23] <надвое *тяжелый* камень *раскололся*>).

30. Сравнения: отсутствуют.

31. Аллитерация: «*Hendr skolo hvílaz, hallr standa mun, / malit hefi ek fyr mik mitt of leiti*» [Grt. 17] <Рукам дать покой бы, камень должен стоять>;

звуковые повторы: 1) ***h-r*** «*hraut inn höfgi hallr sundr í tvaú*» [Grt. 23] <надвое *тяжелый* камень *раскололся*>; 2) ***h-a-r*** «*sá inn harði hallr ór jörðo*» [Grt. 10] <камень *твердый* из земли>;

аллитерация компонентов сложного слова: ***hofga-halli*** ‘тяжелым камнем’;

взаимодействие композита с контекстом (анаграмма): «...svá at fold fyrir fór skjalfandi; / svá slöngðom vit snúðgasteini, / ***hofgahalli***, at ***halir tóko***» [Grt. 12] <Камни вздымали / на стену турсов, / так, что вокруг содрогалась земля; / так мы швырнули вертящийся камень, / *тяжелый камень*, что впору мужам лишь было схватить его>.

Уникальность др.-исл. *hallr* ‘камень, каменная глыба’⁹ заключается в том, что данная лексема вообще не засвидетельствована в мифологическом цикле, а в героическом цикле она встречается только в одной песне – «Песне о Гротти» и обозначает жернов волшебной мельницы Гротти, который врашают великанши Фенья и Менья, намалывающие королю Фроди из датского рода Скье́льдунгов богатство и мир. Локальность словоупотреблений *hallr* не позволяет сделать каких-либо существенных выводов на основании сравнительного анализа с другими номинациями горы в Старшей Эдде, однако информация, извлекаемая из четырех контекстов «Песни о Гротти», возникновение которой многие исследователи относят к X в., т. е. к языческой эпохе [см.: Стеблин-Каменский, 1963, 254], несомненно заслуживает внимания.

Специфика др.-исл. *hallr* состоит в принадлежности этого существительного к *-i*-основам мужского рода (в отличие от *-a-* основ среднего рода – др.-исл. *berg, fjall, grjót*). Другой особенностью *hallr* можно считать тот факт, что падежная парадигма представлена исключительно формами единственного числа, причем встречается только граммема именительного падежа. Продуктивность *nom. pl.* (пять раз на фоне отсутствия других падежей во множественном числе в Старшей Эдде) типична для *berg*, с которым *hallr* объединяют также предикаты горы как субъекта, распределяющиеся по двум группам: «тетические», маркирующие появление элементов вселенной в результате первоначального акта установления (‘стоять’, ‘возникать’ для *hallr*), и эсхатологические (‘раскалываться’). Черты подобия, обнаруживаемые для *hallr* и *berg*, позволяют выдвинуть предположение об их сходной роли в мифопоэтической модели мира. Сведения, почерпнутые из сюжета о Гротти, убедительно доказывают, что в героическом цикле

⁹ В одном случае др.-исл. *hallr* фигурирует в качестве второго компонента сложного слова, сп. ***hofga-hallr*** ‘тяжелый камень’ [Grt. 12].

эта мельница выполняла функцию демиурга, производя основные блага, соответствующие данной модели мира – богатство и мир, выступая в качестве аналога творца в космогоническом мифе. В составе композита *hallr* употребляется в дательном падеже и имеет значение инструментальности, уподобляясь *grjót* ‘куски скал, глыбы’, в семантической структуре которого преобладает значение орудийности.

Особого внимания заслуживает большой удельный вес атрибутов, сочетающихся с *hallr*: на 4 словоупотребления 3 прилагательных, отражающих представления об основных признаках денотата – твердости скалы (ср. «*sá inn harði hallr*» [Grt. 10] <камень твердый>) и ее тяжести (ср. «*inn höfgi hallr*» [Grt. 23], *höfga-halli* [Grt. 12] <тяжелый камень>); при этом отсутствует какая-либо ценостная характеристика скалы, как это наблюдалось у *fjall* ‘гора’ (‘священный’ – *hélug*) или *grjót* ‘куски скал, глыбы’ (ср. *regin-grjót* ‘богов камни’ > ‘божественные камни’). Наличие поэтической организации в виде сложных повторов ряда фонем, анаграмм, звуковом взаимодействии с контекстом также сближает *hallr* с *fjall* и *grjót*, гипертрофированная форма которых контрастирует с менее развитой аранжировкой *berg* ‘гора’. Судя по материалу Старшей Эдды, можно сделать вывод о том, что *hallr* в рамках мифопоэтической модели мира изофункционален *berg*, выступая в качестве аналога демиурга в героических песнях, а в плане выражения тяготеет к *fjall* и *grjót*, обнаруживая гипертрофию формы в эддических контекстах.

Подводя итог описанию др.-исл. *hallr* ‘камень, глыба’ в Старшей Эдде, можно констатировать изофункциональность этой лексемы имени собственному, реализующуюся, в частности, в наличии у нее только граммем единственного числа. Нельзя считать случайными и другие отклонения (например, презентацию всего лишь одного падежа – именительного) в парадигме *hallr* как эпического слова, контрастирующего с соответствующим словом древнеисландского языка, нейтральным с точки зрения принадлежности к какому-либо жанру. Специфику *hallr* в Старшей Эдде можно объяснить сохранением его мифопоэтических истоков: денотат, обозначаемый данной лексемой, представляет собой магический объект – жернов, мелющий богатство и мир и выполняющий функцию демиурга в космогоническом мифе¹⁰, именно по этой причине он наделяется чертами одушевленности (ср. фиксиацию исключительно функции субъекта). Судя по материалу, обнаруживается фундаментальная оппозиция «слово эпоса – слово языка», при этом именно в узком эпическом контексте – в пределах одной песни Старшей Эдды – удается установить отдельные черты сходства между именем собственным и апеллятивом (др.-исл. *hallr* ‘камень, глыба’), которые заключаются в наличии у последнего граммем только единственного числа именительного падежа, аллюзий на одушевленность и обусловлены актуализацией мифопоэтического статуса соответствующего денотата, маркирующего волшебный жернов – аналог демиурга в мифе творения.

¹⁰ Ср. предикаты *hallr* в функции субъекта – *возникать, стоять, раскалываться*, характеризующие три ипостаси элемента вселенной в соответствии с мифом первотворения и отражающие различные этапы деятельности творца во время космогенеза, существования космизированной вселенной и конца мира.

- Гвоздецкая Н. Ю.* Пролегомены к текстоцентрическому описанию семантики древнеанглийского поэтического слова // *Philologica Scandinavica*: Сб. ст. к 100-летию со дня рождения М. И. Стеблин-Каменского. СПб., 2003. С. 28–42.
- Елизаренкова Т. Я.* Слова и вещи в Ригведе. М., 1999.
- Никитина С. Е.* О многозначности, диффузии значений и синонимии в тезаурусе языка фольклора // Облик слова: Сб. ст. памяти Д. Н. Шмелева. М., 1997. С. 360–373.
- Старшая Эдда.* Древнеисландские песни о богах и героях / Пер. А. И. Корсуня. Ред., вступ. ст. и коммент. М. И. Стеблин-Каменского. М.; Л., 1963.
- Стеблин-Каменский М. И.* «Старшая Эдда» // *Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях* / Пер. А. И. Корсуня. Ред., вступ. ст. и коммент. М. И. Стеблин-Каменского. М., Л., 1963. С. 181–213.
- Топорова Т. В.* О семантической структуре эпического слова на примере концепта горы в «Старшей Эдде» // Языковые значения: методы исследования и принципы описания: Сб. ст. памяти О. Н. Селиверстовой. М., 2004. С. 284–298.
- Фольклорная лексикография* / Отв. ред. А. Т. Хроленко. Вып. 1. Курск, 1994.
- Cleasby R., Vigfusson G.* An Icelandic-English Dictionary / Initiated by R. Cleasby; rev., enlarg. and compl. by G. Vigfusson. 2-nd ed. with a supplement by Sir W. A. Craigie. Oxford, 1954.
- Edda.* Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern / Hrsg. von Gustav Neckel. I. Text. Viert., umgearb. Aufl. von Hans Kuhn. Heidelberg, 1962.
- Gardiner A. H.* The theory of proper names. L., 1910.
- Kuhn – Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern / Hrsg. von Gustav Neckel. II. Kurzes Wörterbuch von H. Kuhn. Dritte umgearb. Aufl. des kommentierenden Glossars. Heidelberg, 1968.
- La Farge B., Tucker J.* Glossary to the Poetic Edda. Based on Hans Kuhn's, Kurzes Wörterbuch // Skandinavistische Arbeiten hrsg. Von K. Von See. Bd. 15. Heidelberg, 1992.
- Malinowsky B.* A scientific theory of culture and other essays. Chapel Hill, 1944.
- Vries J. de.* Altnordisches etymologisches Wörterbuch. 2. Aufl. Leiden, 1977.

Сокращения в названиях глав Старшей Эдды

- Grt. – *Grottasǫngr* «Песнь о Гrottii»
Vsp. – *Völuspá* «Прорицание вёльвы»

* * *

Татьяна Владимировна Топорова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языкоznания РАН (Москва).

О. Е. Фролова

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ АНТРОПОНИМ В ФУНКЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРЕДИКАТА

*The article deals with the use of the so called embodied proper names. They are used in positions of comparison (*N is like EMBODIED NAME*) and predicate (*N cop real (second, new, just) EMBODIED NAME*). The main idea of the article is to demonstrate the difference in the usage of embodied proper names. Proper names of real people in a position of a predicate are used with the numeral “second”, as far as the proper names of literary personages they need an adjective “real” in the same position in a sentence. So the origin of a proper name determines its non referential usage.*

Интерес к функционированию антропонимов в речи побуждает прежде всего рассматривать имя в диахронном и синхронном планах. В диахронном плане любое имя собственное имеет значение, которое восходит к некоторому прототипу, поэтому присвоение имени семантически мотивировано, в синхронном плане эта мотивированность обычно отсутствует.

Дж. Милль полагал, что имя собственное называет, но не имеет значения. Б. Рассел, выделяя имена классов (нарицательные имена) и имена собственные, рассматривает последние как сокращенные дескрипции [см.: Рассел, 1982]. Кроме того, он считает, что в предложении имя собственное может занимать только позицию субъекта [см.: Рассел, 1997, 85].

А. Гардинер, а вслед за ним М. Кронгауз предложили выделять два класса имен собственных: воплощенные (*embodied*) и невоплощенные (*disembodied*) [см.: Gardiner, 1956, 73; Кронгауз, 1987]. «В экстенсионал невоплощенного имени собственного входят все носители данного имени» [Кронгауз, 1987, 125]. В этом смысле невоплощенное имя сближается с местоимением. «Воплощенное имя собственное – это такое имя, которое связано с конкретным объектом, т. е. присвоено ему» [Там же, 127]. М. Кронгауз показал, что имя собственное способно к интенсиональному употреблению в выражениях *новый Пушкин, второй Пеле*, «при котором говорящий предицирует некоему объекту часть свойств известного и говорящему и адресату обладателя данного имени» [Там же, 130].

При экстенсиональном употреблении имя собственное референтно и тяготеет к позиции актанта (актантов) предиката, при интенсиональном – имя собственное нереферентно и может быть семантическим предикатом.

Д. Б. Гудков разбивает имена собственные на две большие группы: имена «общие» и индивидуальные. «Мы называем общим именем имя, область определения которого состоит из бесконечного числа элементов. Этим оно отличается от индивидуального имени, область определения которого состоит лишь из одного элемента, экстенсионального имени включает лишь один объект» [Гудков, 1999, 60–61]. Кроме того, Д. Б. Гудков вводит разделение индивидуальных и собственных имен. Термин «индивидуальное имя» приложен к конкретному имени, месту, событию. Возвращаясь к типологии имен собственных А. Гардинера, Д. Б. Гудков замечает: «“Воплощенные” имена собственные обладают денотатом, “развоплощенные” (так он переводит англ. *disembodied*. – О. Ф.) – нет» [Там же, 62]. Прецедентные имена образуют группу внутри индивидуальных имен и выделяются на основании особенностей функционирования этих единиц в дискурсе. Прецедентное имя способно к экстенсиональному и интенсиональному употреблению. Во втором случае оно используется «не для именования, а для характеристизации» [Там же]. Таким образом, прецедентные имена как единицы языка выделены по общеизвестности и широкой воспроизведимости в речи.

Наша цель – показать особенности функционирования прецедентного имени в речи и таким образом продемонстрировать неоднородность группы прецедентных имен. Ограничимся лишь антропонимами. В качестве источника мы взяли подготовленный коллективом авторов Института русского языка им. А. С. Пушкина «Лингвострановедческий словарь национальных реалий России (словарь базового уровня)», в который включено более 170 антропонимов. В словаре представлены антропонимы, называющие как реальных людей – государственных деятелей, представителей науки и культуры, – так и персонажей известных литературных произведений. Речевой потенциал и культурная семантика этих единиц не одинаковы.

Анализ материала сразу же обнаруживает его неоднородность: здесь представлена, с одной стороны, довольно большая группа единиц, тяготеющих прежде всего к экстенсиональному употреблению: *Александр Первый, Александр Невский, Алексий Второй, Анна Андреевна Ахматова, Борис Годунов, Леонид Ильич Брежнев, Иосиф Александрович Бродский, Николай Иванович Вавилов, Наташа Ростова, доктор Живаго*; с другой стороны, малочисленная группа имен, способных и к экстенсиональному, и к интенсиональному употреблению: *Александр Сергеевич Пушкин, Виктор Михайлович Васнецов, Федор Михайлович Достоевский; Баба-Яга, Дед Мороз*. Антропонимы первой группы несут значимый для носителя языка и культуры объем информации. За каждым именем стоит некое «досье», фиксирующее набор достижений его рефера. Имена второй группы, кроме того, олицетворяют сформировавшиеся в языковом и культурном сообществе типовые представления о некоторых ситуациях и качествах [см.: Гудков, 1999]. Употребление прецедентных антропонимов первой группы требует узнавания и апеллирует к экстралингвистическим знаниям носителя языка. Прецедентные имена обоих групп активно употребляются в языке средств массовой информации, но этот фактор не разграничивает антропонимы двух групп. Наблюдения показывают, что единицы именно второй группы значительно активнее воспроизводятся в повседневном устном общении. Именно эта группа антропонимов способна к семантическим переносам.

Продемонстрируем различие в функционировании прецедентного имени в экстенсиональном и интенсиональном «режиме». Энциклопедический словарь фиксирует такую информацию о носителе имени: «Сусанин Иван Осипович – крестьянин Костромского уезда. Зимой 1613 г., спасая царя Михаила Федоровича, завел отряд польских интервентов в непроходимое лесное болото, за что был замучен. Подвигу Сусанина посвящена опера М. И. Глинки “Жизнь за царя” (“Иван Сусанин”)» [БЭС, 1166]. Что касается интенсионального употребления, в конструкции *Ты – Сусанин* носитель русского языка и культуры, условно говоря, становится на точку зрения поляков, потому что Сусаниным называют человека намеренно или ненамеренно заведшего кого-либо туда, куда ведомый не хотел попасть, что оценивается говорящим отрицательно. Таким образом, экстенсиональное и интенсиональное употребление могут апеллировать к различным, в том числе диаметрально противоположным, семантическим представлениям носителя языка.

Рассмотрим функционирование второй группы прецедентных антропонимов в обиходной речи.

На наш взгляд, позиция семантического предиката в высказывании является критерием, определяющим степень включенности воплощенного антропонима в речь и культуру.

В позиции семантического предиката прецедентный антропоним встречается в следующих конструкциях (где *S* – субъект предложения, *N* – прецедентный антропоним, *cop* – связка): *S cop N*; *S cop настоящий N*; *S cop типичный N*; *S cop второй N*; *S cop будущий N*; *S cop новый N*; *S cop просто N (какой-то)*; *S cop прямо N (какой-то)*; *S cop наши N*; *S cop как N*.

Возможность употребления антропонима в изолированном предложении разделяет антропонимы первой и второй группы. Даже предварительный анализ показывает, что не все единицы второй группы прецедентных антропонимов могут употребляться во всех перечисленных конструкциях.

Конструкция *S cop N* требует употребления в позиции предиката прецедентного антропонима, который в сознании носителя языка и культуры обладает одной или несколькими ярко выраженнымми характеристиками, проявляющимися в какой-либо ситуации: *Пушкин*, *Сусанин*, *Плюшкин*, *Казанова*, *Дон Жуан*.

Конструкция *S cop как N* может быть названа универсальной, однако антропоним второй группы не нуждается в обосновании, тогда как употребление единицы первой группы требует выделения аспекта сравнения и его экспликации (о разделении метафоры и сравнительного оборота см.: [Арутюнова, 1979, 156]). Фраза *S cop как Пушкин* не требует пояснения, предложение *S cop как Королев* нуждается в продолжении, так как непонятно, что имеет в виду говорящий: звание академика, факт награждения медалью «Герой Социалистического Труда», причастность к первым запускам космических аппаратов в СССР, развитие космической промышленности, блестящие организаторские способности, пребывание в местах заключения в конце 1930-х – 1940 гг. Ср.: *Он пишет пейзажи, как Поленов; Она гибка, как Плисецкая; Она миниатюрна, как Екатерина Максимова; Она неувядаема, как Гурченко; Он энергичен и напорист, как Каспаров*.

Уже конструкция *S cop настоящий N* накладывает ограничения на функционирование прецедентного антропонима: позицию предиката, как правило, занимают имена литературных персонажей, значительно реже – имена реальных исторических лиц:

S cop настоящий Плюшкин (*Собакевич, Сусанин, Казанова*), но не **S cop настоящий Пушкин* (*Достоевский, Толстой, Чехов*). Сочетаемость с прилагательным *настоящий* требует от прецедентного антропонима выявления семы интенсивности одного или нескольких качеств. На наш взгляд, в составе предиката прил. *настоящий* выступает в значении ‘действительно такой, какой должен быть; представляющий собой лучший образец, идеал чего-либо’ [Ожегов, 394]. Затрудненность сочетаемости в позиции предиката антропонима, называющего реальное историческое лицо, с прил. *настоящий* – в невозможности сведе́ния многообразных проявлений человека к «монохромности» – одному или нескольким качествам. Видимо, не случайно в конструкции *S – настоящий N* употребляется инокультурное имя *Казанова*, сводимое в сознании носителя к одной (главной) характеристику – неутолимому женолюбию. Вхождение в состав словосочетания с прил. *настоящий* антропонима *Сусанин* объясняется тем, что прецедентность этого имени связана только с одной ситуацией. Сочетаемость прил. *настоящий* с именем литературного персонажа также не универсальна: для последнего необходимо максимальное проявление какого-либо качества, чаще отрицательно маркированного. Как правило, *настоящий* не сочетается с именами психологически сложных персонажей. Без экспликации основания предикатии нельзя сказать: **S cop настоящая Наташа Ростова*; **S cop настоящий Печорин* (*Пьер Безухов, Чацкий, Онегин, дядя Ваня*).

Возможен только один случай, когда корректно употребление прилагательного *настоящий* с именем «сложного» литературного персонажа, когда речь идет об экранизации или театральной постановке. Только тогда можно сказать: *Эта актриса – настоящая Наташа Ростова; Он настоящий Астров*. Говорящий подразумевает, что его внутреннее видение литературного образа совпало с театральным или киновоплощением. При таком употреблении логическое ударение будет падать на прилагательное, а не на имя собственное, как во фразе *Он – настоящий Плюшкин*.

Следует оговорить употребление имен реальных исторических лиц в сочетании с прил. *настоящий*. В таких случаях позиция субъекта чаще всего занята местоимением *это*: *Это – настоящий Левитан* (*Поленов, Феллини, Параджанов, Рахманинов, Малевич*), где референт местоимения – не человек, а произведение искусства.

Подобно прил. *настоящий* в сочетании с антропонимом ведет себя прилагательное *типичный*, принимая по преимуществу имена литературных персонажей дель арте и лишь ограниченное число имен реальных исторических лиц: *S – типичный Плюшкин* (*Казанова*), но **S – типичный Андрей Болконский* (*Пушкин*).

В составе предиката числительное *второй* сочетается с прецедентным антропонимом, называющим реальное лицо: *S – второй Пушкин* (*Достоевский, Толстой, Чехов*). Несочетаемость числительного *второй* с именами литературных персонажей можно объяснить тем, что они мыслятся как уникальные создания чьей-то авторской воли и не допускают повторения.

Предикат «*второй* + прецедентный антропоним» можно интерпретировать как присыпание субъекту тех же качеств в развитии, что и у носителя прецедентного имени. При этом существуют некоторые ограничения, накладываемые на выбор сравниваемого реального исторического лица: обязательно наличие таланта, высокого уровня мастерства, ведущей темы творчества или узнаваемой стилистики. Поэтому возможно: *S cop второй Серов* (*Шаляпин, Рихтер, Плисецкая*), но невозможно: **S cop второй*

Поленов (Флоренский, Сергей Радонежский). Фраза, в которой некто назван *вторым Поленовым*, непонятна, так как этот художник известен как автор и «Московского двора», и бытовых картин («Больная»), и картин на исторические и религиозные темы («Христос и грешница») – таким образом, не выделена та доминанта наследия художника, на основании которой можно было бы осуществить предикацию.

Числительное *второй* предполагает счетность, поэтому невозможна сочетаемость с именами, воплощающими духовные искания, которые мыслятся как уникальные.

Аналогично ведут себя предикаты «*новый + антропоним*», «*будущий + антропоним*», которые, как правило, содержат имена реальных исторических лиц: *S cop новый Пушкин (Рихтер)*, *S cop будущий Пушкин (Рихтер)*. *Новый* в редких случаях может принимать антропоним, называющий литературного персонажа: *S cop новый Остап Бендер* – однако мы можем предположить, что в этом случае в составе предиката «*будущий + антропоним*» органичнее имя литературного персонажа, развитие качеств которого связано с его сознательными усилиями, поэтому значительно хуже звучит **S cop будущий Плюшкин*.

Универсальной сочетаемостью в составе предиката обладают наречия *просто, прямо*, употребляясь и с именами реальных исторических лиц, и с именами литературных персонажей: *S – просто Пушкин, S cop просто Дон Жуан; S cop прямо Баба-Яга, S cop прямо Суриков*. Словарь толкует частицу *просто* как: ‘а) обладающую усиливающим эффектом по отношению к слову и высказыванию, к которым она относится’, и ‘б) имеющую значение: то, что легко объяснить и нетрудно понять’ [Ожегов, 622]. Частица *прямо* трактуется как выражение однозначности, несомненности [Там же, 629].

Предикаты «*просто + антропоним*», «*прямо + антропоним*» принимают в пре- и в постпозиции неопределенное местоимение *какой-то*, что все же позволяет с известной осторожностью отнести их к таксономическим. В эту же группу можно включить предикаты «*типичный + антропоним*», «*второй + антропоним*», «*будущий + антропоним*».

Притяжательное местоимение *наш* в составе предиката с антропонимом предполагает, во-первых, сопоставление «своего» и «чужого»: *наш Гете, наш Наполеон* (к этой позиции тяготеет антропоним, заимствованный из чужого языка и чужой культуры); во-вторых, сопоставление общего и локального в рамках одной культуры: *наш (уральский, сибирский и т. п.) Пушкин*.

Среди антропонимов, называющих реальных исторических лиц, исторических деятелей и правителей государства в группу имен, способных и к экстенсиональному, и к интенсиональному употреблению, проникают лишь единицы: **S cop настоящий (типичный, второй, новый, будущий) Сталин, *S cop прямо (просто) Сталин какой-то*. Так же «неохотно» входят в состав семантического предиката антропонимы *Ленин, Хрущев, Брежnev, Чубайс: *S cop настоящий Ленин, *S cop второй Хрущев, *S cop наш Чубайс*. В качестве исключения можно назвать антропонимы *Суворов, Сусанин, Пугачев*, ассоциирующиеся у носителя языка с одним качеством, одной характеристикой или с одной ситуацией: *S – настоящий Суворов, S – настоящий Пугачев, S – настоящий Сусанин*. Способность реального имени собственного сочетаться с прил. *настоящий* свидетельствует также о мифологизации подобного антропонима. То, что антропонимы *Дон Жуан* и *Казанова* могут одинаково успешно сочетаться с прил. *настоящий*, говорит о том, что они равнозначны в сознании носителя языка.

Количество антропонимов, принимающих в составе предиката определители *настоящий, второй, наш*, ограничено: *Казанова, Дон Жуан, Пугачев, Сусанин*. В этом

случае подразумевается максимальное проявление лишь одного-двух качеств, которое может быть воспроизведено и может быть обнаружено либо в своей культуре как аналоге чужой, либо в микросоциуме как аналоге макросоциума.

Подведем итоги. Способность прецедентного антропонима включаться в состав семантического предиката заставляет вновь вернуться к расселовской интерпретации имени собственного как сокращенной дескрипции. Наблюдения над функционированием прецедентного антропонима в бытовой устной речи свидетельствуют о неоднородности состава группы имен собственных, способных и к экстенсиональному, и к интенсиональному употреблению. С определителями *новый*, *будущий*, *второй* сочетаются имена реальных исторических лиц, при этом такие предикаты подразумевают возможность повторного развития тех качеств, которые приписываются субъекту. Имена литературных персонажей сочетаются с прил. *настоящий*, *типичный* и также предполагают воспроизводимость доминантных черт носителя прецедентного имени в характеризуемом субъекте.

-
- Арутюнова Н. Д.* Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 147–173.
БЭС – Большой энциклопедический словарь. М., 1997.
- Гудков Д. Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999.
- Кронгауз М. А.* «Воплощенное» и «невоплощенное» имя собственное: некоторые аспекты референции // Экспериментальные методы в психолингвистике. М., 1987. С. 118–135.
- Лингвострановедческий словарь национальных реалий России (словарь базового уровня). М., 1999.
- Ожегов – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1999.
- Рассел Б.* Дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика: (Проблемы референции). М., 1982. С. 41–54.
- Рассел Б.* Человеческое познание, его сферы и границы. Киев, 1997.
- Циммерлинг А. В.* Имена собственные как логико-семантические функции // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст: Тез. науч. конф. Ч. 1. М., 2001. С. 23–25.
- Gardiner A.* The theory of proper names. 2-nd ed. L., 1956.

* * *

Ольга Евгеньевна Фролова – кандидат педагогических наук, научный сотрудник лаборатории фонетики и речевой коммуникации филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Ю. И. Чайкина

ИМЕНОВАНИЯ ЖЕНЩИН В НОВГОРОДСКИХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТАХ XI–XIV ВВ.

The given article is dedicated to the feminine personal names analysis in Novgorod elm writings which were disregarded until now. The structure and ways of women's naming in old Novgorod (by means of proper, calendar or noncalendar names, or by name of a husband), nomination characteristics underlying apocryphal women's names as well anthroponyms functioning (both canonical, and noncanonical; not only female but also male – as the generating basis for female name) as are examined in detail in the article.

В работах отечественных ономастов (А. М. Селищева, В. К. Чичагова, С. И. Зинина, А. Н. Мирославской и др.) личные имена, отчества, прозвища и фамилии изучаются по памятникам XV–XVIII вв. Речь главным образом идет об именованиях мужчин, поскольку женские антропонимы в источниках отмечаются намного реже. Это положение справедливо и по отношению к новгородским берестяным грамотам. Исследователи древненовгородского антропонимикона посвятили свои работы в основном мужским календарным и некалендарным личным именам [см., например: Роспонд, 1965, 1979; Подольская, 1977, 1979; Зализняк, 1995]. Считаем, однако, что оставить без внимания анализ пусть и ограниченного количества женских личных имен мы не вправе: речь идет о таком отдаленном историческом периоде (XI–XIV вв.), что каждый дошедший до нас лингвистический факт имеет исключительную ценность для исторической ономастики и шире – исторической лексикологии. Хотя такой небольшой материал не дает возможности сделать какие-то обобщающие выводы о составе и структуре женского именника древнего Новгорода.

Материалы для статьи в основном извлечены из книги А. А. Зализняка «Древненовгородский диалект» [1995], где приводятся тексты всех грамот, найденных до конца 1994 г. В исследовании А. А. Зализняка опубликованы тексты грамот, обнаруженных в ходе раскопок не только в Новгороде Великом, но и в ряде других городов – прежде

всего Старой Руссе (далее – Ст. Р.), Звенигороде (Звен.), Смоленске (См.), Пскове. На наш взгляд, особенно интересны материалы по антропонимии Старой Руссы.

Судя по источникам, женщины в древнем Новгороде именовались двумя способами: личным именем (календарным или некалендарным) и по имени мужа. Состав именования был представлен одним антропонимом (синтетические номинации). Обратимся к первому способу – именованию с помощью личных имен. В составе некалендарных личных имен (всего их 15) два имени двуосновные (композиты), остальные – одноосновные. К композитам относится полное имя *Передслава* (№ 328)¹ и неполное – *Сторонька* (Ст. Р., № 5). По мнению А. А. Зализняка, *Сторонька* восходит к *Сторонислава*, в др.-польск. *Stronisława* и *Stronisław* [см.: Зализняк, 1995, 278]. Одноосновные личные имена характеризуют внешний облик именуемой: *Милка* (Ст. Р., № 216), *Страхота* (Ст. Р., № 20), *Безубая* (Ст. Р., № 21), *Миляна* (№ 541); ее характер: *Нежска* (№ 644); обстоятельства рождения ребенка: *Втора* (Ст. Р., № 20), *Недълька* (Ст. Р., № 21); национальность: *Чудка* (Ст. Р., № 22). Как видно, большинство женских некалендарных личных имен отмечено в берестяных грамотах Старой Руссы, в новгородских источниках они встречаются крайне редко.

Календарных женских имен в исследуемых грамотах около 40. Частотность их различна. Большая степень частотности отмечена у имен *Anastasия* (15), *Мария* (12), *Христина* (7), *Ефимья* (7), *София* (6), *Яна* (6); менее частотны *Евдокия* (5), *Ульяна* (5), *Федосья* (5), *Феврония* (4), *Марфа* (4), *Маремьяна* (3), *Домна* (3), *Анна* (2), *Фекла* (2), *Марина* (2), *Мирофа* (2), *Катерина* (2); единично употребление имен *Ефросинья*, *Улита*, *Антонина*, *Ириния*, *Федора*, *Аксинья*, *Акулина*, *Евгения*, *Граврия*, *Олисава*, *Фетинья*, *Харитония*, *Анисья* и др. Если учесть самые частотные женские имена в святыцах: *Мария* (16), *Анна* (14), *Ульяна* (12), *Евдокия* (6), *Марфа* (7), *Настасья* (5) [см.: Чайкина, 2002, 29], – можно заключить, что имена в древнем Новгороде в основном давались с учетом православного календаря.

Почти все женские имена употребляются в полной форме, отсутствуют полуимена с формантами *-ица* или *-ка*, как это отмечено, например, в источниках более позднего времени. Ср. именования женщин низшего сословия в Белозерье в документе 1455 г.: *Татьянка*, *Хоронка*, *Понарка*, *Ульянка*, *Федосыца*, *Офимъица*, *Анница* и др. [ACBP, № 168]. Отметим только несколько исключений в берестяных грамотах: *Настка* (№ 102), *Янка* (№ 731), *Танья* (№ 129), *Фима* (Ст. Р., № 11). Большинство календарных личных имен оканчиваются на *-ика* (-ия) или *-ья*: *Anastasия* (№ 508), *Еугънина* (№ 62), *Ириния* (№ 545), *София* (№ 682), *Харитания* (№ 682); *Ефимья* (№ 368), *Марья* (№ 595), *Овдотья* (№ 7, 10), *Оксънья* (№ 411), *Олфимья* (№ 657), *Понарья* (№ 161), *Федосья* (№ 508) и др. Ряд имен выступают с конечной частью основы на *-на*: *Домна* (№ 134), *Катерина* (№ 551), *Маремьяна* (№ 578), *Окулина* (№ 560), *Онтонина* (№ 541), *Улицана* (№ 508), *Христина* (№ 522).

Полные формы имен и отсутствие формантов *-ица* и *-ка* во многом объясняются тем, что в текстах берестяных грамот в большинстве случаев приводятся имена монахинь, а ряд антропонимов встречается в составе поминальных списков (церковное поминание). По всей вероятности, большинство женщин, календарные имена которых

¹ При каждом антропониме указывается номер берестяной грамоты.

зафиксированы в поминальных списках, имели вторые имена, некалендарные, употребляемые в повседневном бытовом общении, поскольку единичные примеры некалендарных женских имен отмечены нами и в древнем Новгороде.

В связи с тем, что календарные личные имена в XI–XIV вв. только еще входили в широкое употребление, заметна их значительная вариативность.

Начальная часть женских календарных личных имен подвергалась в тот период фонетической адаптации: 1) звуки *e* и *a* заменялись звуком *o*: *Овдокия* (№ 506, 508), *Овдотыя* (№ 7, 10, 506), *Оксенья* (№ 411), *Окулина* (№ 560), *Офросенья* (№ 717), *ОНтонина* (№ 541), *Олисава* (№ 503), *Огafья* (№ 10); 2) происходило выпадение начального гласного в именах *Настасья* (№ 557, 595), *Катерина* (№ 555, 551); в личном имени *Понарья* (№ 161) произошли более глубокие изменения – выпадение начального звука *a* и целого слога *-ли-* в середине слова: *Понарья* ← *Апполинарья*; 3) звук *o* заменяется звуком *a* в середине слова: *Харитания* (№ 682); звук *i* заменяется звуком *e* или *u*: *Хрестина* (№ 522, 523, 554 и др.), *Онусия* (№ 560); *и* заменяется *ъ*: *Оксенья* (№ 411), *Офросенья* (№ 717) и др.

Второй синтетический способ именования (по имени мужа) представлен в берестяных грамотах более широко. Имя мужа могло выступать в полной форме притяжательного прилагательного с суффиксом *-j- (-aja)*: *Давыжая* (№ 222) ← *Давыдъ*, *Тѣшая* (Ст. Р., № 21) ← *Тѣхъ*, *Иваняя* ← *Иванъ*, *Полюжая* ← *Полюдъ*. Имена по мужу также могли быть образованы от притяжательных прилагательных на *-овъ/-евъ, -инъ*: *Хыловая* (Ст. Р., № 22) ← *Хыль*, *Ивановая* (Ст. Р., № 11) ← *Иванъ*, *Гюрьевая* (Ст. Р., № 21) ← *Горгий*, *Путьшина* (Ст. Р., № 22) ← *Путьша*, *Тайшина* (Ст. Р., № 22) ← *Тайша* и др. Уменьшительно-ласкательные имена на *-ъко* и *-ько* также получали в форме притяжательного прилагательного суффикс *-ов-* (*-ев-*): *Надѣиковая* (Ст. Р., № 22) → *Надѣико* → *Надѣи* (№ 348), *Боришковая* (Ст. Р., № 21) ← *Бориско* ← *Бориславъ* и др.

По своей грамматической природе это были притяжательные прилагательные местоименного склонения, но употреблялись они в функции имени существительного. О субстантивации такого рода прилагательных писали многие историки языка. Причину перехода имен прилагательных в имена существительные В. И. Борковский видит в том, что при таких прилагательных нет необходимости в определяемом слове. На определенное лицо указывает сама местоименная форма прилагательного [см.: Борковский, 1963, 252; Мароевич, 1981, 107].

Именования по мужу могли быть образованы как от канонических мужских личных имен, так и от неканонических, причем последних больше. Рассмотрим женские именования от неканонических мужских имен. Отмечены женские именования от не полных сложных мужских имен (композитов): *Яръшковая* (№ 228) ← *Ярошко* ← *Ярославъ*; *Путковая* (№ 630) ← *Путко* ← *Путиславъ*; *Путьшиная* (Ст. Р., № 22) ← *Путьша* ← *Путиславъ*; *Радоковая* (№ 227) ← *Радко* (№ 168, 710) ← *Радогость* (№ 571), *Боришковая* (Ст. Р., № 21) ← *Бориско* ← *Бориславъ* и др.

Значительное количество женских именований восходит к мужским некалендарным одноосновным именам: а) к первичным непроизводным: *Тѣшая*, *Тѣховая* (Ст. Р., № 21) ← *Тѣхъ*, *Хыловая* (Ст. Р., № 22) ← *Хыль*, *Сыповая* (№ 264) ← *Сыть*; б) к вторичным производным: *Безуовая* (Ст. Р., № 21) ← *Безоуй*, *Повѣжая* (№ 672) ← *Повѣдъ*, *Надѣиковая* (Ст. Р., № 22) ← *Надѣико* ← *Надѣи* (№ 348), *Несдичевая* (Ст. Р., № 22) ← *Несдичъ* (238), *Нѣжаткина* (Ст. Р., № 13) ← *Нѣжатко* ← *Нѣжата* (№ 586, 509, 635, 644, 742), *Говѣновая* ← *Говѣнъ* (Звен. № 2) и др.

Отмечено именование женщины, образованное от прибалтийско-финского по происхождению имени мужа: *Иголандовая* (№ 278) ← *Иголанд*.

Если говорить об именованиях женщин, восходящих к мужским календарным личным именам, то в большинстве случаев они образованы от полных форм имени: *Давыжая* (№ 227) ← *Давыдъ, Павловая* (№ 212) ← *Павель, Васильевая* (№ 67) ← *Василий, Гарьгевая* (Ст. Р., № 21) ← *Гюргий, Ивановая* (Ст. Р., № 11), *Иваняя* (Ст. Р., № 11) ← *Иванъ* и др.

Только однажды отмечено именование жены, в основе которого лежит неполная форма календарного личного имени мужа: *Орьшикова* (Ст. Р., № 21) ← *Орьша* ← *Орьтъмий*. Неясно, от какого мужского имени образовано именование женщины *Филофиная* (№ 261) – может быть, *Филофей*?

Как мы уже указывали, в исследуемых документах женщина обычно именовалась посредством одного антропонима – либо личного имени, либо именования по мужу (синтетические номинации). Только в нескольких случаях имеет место аналитическая двухчленная модель именования: *Тѣшая Недѣлька* (Ст. Р., № 21); *Фомина жена* (№ 55), *Фомина сноха* (№ 263), *Семнунова жена* (№ 8), *Христеянова жена* (№ 70).

Имена по мужу были активны в языке древнерусской народности. В течение XV в. они постепенно вытесняются, а столетием позже окончательно выходят из употребления. Дольше они сохранялись в украинском языке, еще в XV в. представляя собой живую продуктивную категорию, а в древнебелорусском употреблялись и в XVI в. [см.: Мароевич, 1981, 116].

Уже в XV–XVI вв. в языке великорусской народности, в связи с утратой синтетического способа именования женщин, в памятниках письменности Русского Севера широкое распространение получает аналитическая модель именования. В сотной Устюжны Железнопольской 1567 г., например, женское именование состоит из личного имени, притяжательного прилагательного с суффиксом *-овъ/-евъ, -инъ*, образованного от имени мужа, и существительного *жена*: *Марфица Гридина жена, Окулинка Негодяева жена* [Сот. Уст. Жел., 138–153]. В ряде случаев притяжательное прилагательное в составе таких именований выступает с суффиксом *-овск-/евск-*: *Каптелинка Яковлевская жена, Соломейка Ивановская жена* [см.: Чайкина, 1994, 67].

В XVII–XVIII вв. официальная аналитическая модель именования женщины еще более усложняется: в состав ее дополнительно входит притяжательное прилагательное, образованное от имени отца, притяжательное прилагательное, образованное от имени мужа, полуотчество мужа, фамилия или фамильное прозвание мужа: *Евдокия Патрикакиева дочь Ивановская жена Савельева сына Хомутникова, Прасковья Панкратова дочь Прокофьевская жена Никифорова сына Лактева* [ПК Вол.]. В данных конструкциях наблюдается полное именование мужа – имя, полуотчество и фамилия: *Иван Савельев сын Хомутников, Прокофей Никифоров сын Лактев* [см.: Там же, 68–69].

Только в начале XIX в. под воздействием трехчленной модели именования мужчин формула именования женщин в письменной речи также становится трехчленной.

- ACBР – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. 2. М., 1958.
- Борковский В. И. Лингвистические данные новгородских грамот на бересте // Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте. М., 1963.
- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Зинин С. И. Русские антропонимы XVII–XVIII вв.: Автoreф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1969.
- Мароевич Р. Оппозиция определенных и неопределенных форм притяжательных прилагательных // Вопр. языкоznания. 1981. № 5. С. 106–118.
- Мирославская А. Н. О древнерусских именах, прозвищах и прозваниях // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980.
- ПК Вол. – Книга переписи и меры г. Вологды 1711 г. // ГАВО, ф. 2Р, № 7847.
- Подольская Н. В. Некоторые вопросы ономастики в связи с анализом берестяных грамот // Историческая ономастика. М., 1977. С. 49–71.
- Подольская Н. В. Антропонимикон берестяных грамот // Восточнославянская ономастика: Исследования и материалы. М., 1979. С. 201–242.
- Роспонд С. Структура и классификация древневосточнославянских антропонимов (имен) // Вопр. языкоznания. 1965. № 3. С. 3–21.
- Роспонд С. Miscellanea onomastica Rossicka // Восточнославянская ономастика: Исследования и материалы. М., 1979. С. 5–47.
- Селищев А. М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Селищев А. М. Избр. труды. М., 1968. С. 97–128.
- Сот. Уст. Жел. – Сотная на посад Устюжны Железнопольской 1567 // Социально-правовое положение северного крестьянства. Вологда, 1981. С. 136–177.
- Чайкина Ю. И. Женские имена // Русская ономастика и ономастика России. М., 1994. С. 66–74.
- Чайкина Ю. И. Женские календарные имена на Русском Севере во второй половине XVII–XVIII вв. // История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси. Вып. 1. Вологда, 2002. С. 28–35.
- Чичагов В. К. К истории русских имен, отчеств и фамилий. М., 1959.

* * *

Юлия Ивановна Чайкина – доктор филологических наук, профессор Вологодского государственного педагогического университета.

Е. А. Хелимский

СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ ГРУППА ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ И ЕЕ СУБСТРАТНОЕ НАСЛЕДИЕ

The results of the toponymic and dialectological studies in the Russian North recently summarised by A. K. Matveev make it possible to replace the notion of the “Finn-Lappic” group with that of a “Northwestern” (or “Upper Volga”, according to the probable localisation of the proto-home) group of Finno-Ugric languages, comprised of the following branches: Baltic-Finnic, Saami, Lop’, Toima, probably also Merya and Tver’. Projecting some forms of the attested daughter languages, as well as of some Finno-Ugric reconstructions, on the Northwestern, resp. Late Northwestern (Lop’ and Toima) levels helps to refine some old etymological explanations and to suggest several new ones. The origin of the element -ньга in river names, as well as of the hydronyms and geographical terms Ухта, Ундо, Лача, Воже, потча, Вага, Кенозеро, etc. is discussed in the paper.

Вступительные замечания

В свете исследований по топонимии и диалектологии, обобщенных А. К. Матвеевым в первых двух томах «Субстратной топонимии Русского Севера» (далее – СТРС), представляется целесообразной следующая характеристика северо-западной (СЗ, к обозначению см. ниже) группы финно-угорских (ФУ) языков – той группы, прайзык которой в традиционной классификации фигурирует как «финно-саамский» или как «раннеприбалтийско-финский» (*(varhais)kantasuomi*):

- В пределах группы можно разграничить по территориальным и отчасти лингвистическим критериям следующие ветви (по состоянию на конец I тыс. н. э.):
 - прибалтийско-финская (ПФ), возникшая, возможно, путем частичной конвергенции двух близких друг другу ветвей, продолжением одной из которых является ливский язык, а другой – все прочие ПФ языки;
 - саамская (собственно саамская), генезис которой связан с сильным воздействием неуральского субстратного языка населения Северной Фенноскандии (“*Protolappisch*” [см.: Хелимский, 2000, 202–217]);

– лопская («лопь») – данная ветвь соответствует «саамам» Белозерья и севера Архангельской области у А. К. Матвеева; она не испытала или почти не испытала субстратного воздействия, характерного для собственно саамской ветви и, по-видимому, не пользовалась самоназванием **sāmē*¹. Дофинское население Южной и Центральной Финляндии и Карелии (*lappi*) по признаку наличия в языке неуральского субстрата сближается, однако, не с «лопью», а скорее с собственно саамами [см.: Шилов, 1999, 103; Saarikivi, 2004];

– тоймская («тойма») в южной части бассейна Северной Двины, что примерно соответствует «северофиннам» А. К. Матвеева и заволочской чуди; обозначение «тойма» предлагается с учетом данных «Слова о погибели Русской земли» («...от корѣлы до Оустюга, гдѣ тамо бяхо тоимици погани...» [Насонов, 2002, 252]), летописей («И поиде тои зимъ Семыонъ ъминъ въ 4 стѣх на Тоймокары...», Новгородская первая летопись под 6727 г.) и топонимии (*Верхняя, Нижняя Тойма*).

Принадлежность к СЗ группе мерянской ветви в современной Ярославской области и на сопредельных ей территориях представляется мне, как и Г. Берецки [см.: Вегецкі, 1998], вероятной, хотя и не бесспорной. Большая часть идентифицированного как мерянский лексического и топонимического материала находит прямые соответствия в других ветвях данной группы. Отдельные мерянско-марииские сближения хорошо объяснимы былой смежностью территорий (с границей в районе Унжи и Ветлуги) и вряд ли оправдывают рассмотрение мерянского языка как близкородственного мариискому [см.: Vasmer, 1935; Напольских, 1997, 42–43] и даже как промежуточного звена между волжскими и финно-саамскими языками [см.: СТРС, 1, 286]. Можно, однако, допустить, что мерянский язык претерпел фонетическую эволюцию (редукция в суффиксальных слогах и др.), более характерную для «центральных» ФУ языков, чем для ПФ и саамского [см.: Там же, 300]. Немаловажно и то обстоятельство, что предположительно мерянский материал выявлен и систематизирован значительно полнее, чем лопский или тоймский, что, конечно, обусловливает наличие заметного числа этимологически неясных, «специфически мерянских» основ².

Следует считаться с возможностью существования еще одной территориальной группировки (ветви) – тверской. Сильным аргументом в пользу ее существования

¹ Ср., впрочем, известное, хотя и ненадежное, объяснение этнонима *самоед* как результата переноса самоназвания саамов на ненцев [см.: Хайду, 1985, 124]; подобный перенос мог произойти только в мезенско-печорской зоне лопско-ненецких контактов.

² В ряде работ последних лет продолжено начатое М. Фасмером вычленение набора топонимических детерминантов, особенно типичных для территории былого расселения мери [см.: Матвеев, 1996, 1998; СТРС; Шилов, 2001; Альквист, 1997; 2001]. Единственный детерминант, находящий вероятное объяснение только через привлечение марийских данных – *-ингирь* (-нгирь, -ньгирь, -енгеръ, -енгаръ и т. д.; неоднократно в самостоятельном топонимическом употреблении: *Ингирь*, *Ингеръ*, *Ингаръ*), ср. мар. *ejər* ‘речка, ручей’. Показательно, однако, что этот детерминант представлен только в восточной и южной частях мерянского ареала, а также в районе поздней мерянской (восточно-мерянской?) колонизации на р. Устья (правый пр. Ваги, бас. Северной Двины) [см.: Матвеев, 1996, 11; СТРС, 1, 284–285] и не фиксируется на территории Ярославской области [см.: Матвеев, 1996, 8], что отвечает его трактовке как адстратного марийского (или, возможно, муромского) наслложения [см.: Попов, 1974, 24–25]. Необходимость или недостоверность ряда этимологий топонимов на бывшей мерянской территории, апеллирующих к материалу марийского языка, продемонстрирована А. Л. Шиловым [1997, 5–8].

служит отмеченное А. И. Поповым [1957, 26, сноска 1] рус. твер. *вίша, виши* ‘речная зелень, *Spongia fluvialis*’ [Даль, 1, 209] (ФУ, С3 **wiša* ‘яд; зеленый’ > ПФ *viha*). Фонетически примечательно сохранение *š (> ПФ *h*) без озвончения š > ž, характерного для субстратной лексики соседнего Белозерья [см.: СТРС, 2, 235].

- Вероятной исходной областью распространения пражзыка данной группы был бассейн Верхней Волги (современные Тверская, Ярославская, Костромская области, юг Вологодской области); окончательное разделение ветвей вряд ли могло произойти ранее первой половины I тыс. до н. э. [см.: Хайду, 1985, 202; Напольских, 1990, 48–51; Манюхин, 2002]. Поэтому можно было бы обозначить северо-западную группу финно-угорских языков и как верхневолжскую. Во всяком случае, от названных выше традиционных обозначений целесообразно воздержаться – как с учетом принципиально новой картины, возникшей в результате исследований последних десятилетий, так и во избежание непонимания и недоразумений, которые способен вызвать тезис о «финно-саамском» или «раннеприбалтийско-финском» субстрате на территориях, где собственно финны (или другие прибалтийско-финские народы) и саамы никогда не обитали.

- Историко-географические и лингвистические данные позволяют предположить особую близость между лопской и саамской, а также, вероятно, между тверской и ПФ ветвями. Кроме того, все ветви могли составлять диалектный континуум по крайней мере изначально [ср.: СТРС, 2, 276], вследствие чего четкое проведение, например, саамско-лопской, лопско-тоймской или тоймско-мерянской границ может оказаться затруднительным или чисто условным³, а изоглоссы отдельных явлений могут не вполне совпадать с границами ветвей. Напротив, присутствие на одной территории как лопских или тоймских, так и ПФ компонентов достаточно однозначно указывает на вторичную ПФ экспансию (феннизацию), составлявшую фактически единый процесс с русской колонизацией Севера и осуществляющуюся преимущественно карелами, вепсами и, видимо, «прионежской емью» (см.: [Насонов, 2002, 85, 111] с далеко не бесспорной интерпретацией летописных источников XI–XII вв.).⁴ То же, по-видимому, можно сказать о территориях на востоке Архангельской области и на северо-западе Республики Коми, где лопско-тоймские элементы могут соседствовать с более поздними – пермскими.

- Диалекты лопи, тоймы и мери, исчезнувшие в результате русификации (а в Архангельской области – и феннизации) к середине II тыс. (самое позднее – к началу XVIII в., когда началось планомерное изучение нерусских народов России), были за несколько столетий до этого в целом существенно более близки прасеверо-западному (правхневолжскому) состоянию, чем современные им – и, тем более, чем современные нам, – ПФ и саамские диалекты. Причина этому – преимущественно имманентное и поэтому сравнительно медленное языковое развитие на территориях, относительно

³ В СТРС соответствующие ареалы определяются лексически – зонами распространения определенных детерминантов и топооснов [см.: СТРС, 1, 123 и след.]. Систематизацию данных о других, в первую очередь фонетических, особенностях отдельных субстратных ареалов следует признать одной из важнейших задач дальнейших исследований.

⁴ Более поздние этнографические и этнолингвистические данные по Обонежью явных указаний на присутствие еми (*Häme*) не содержат (см. статьи И. Ю. Винокуровой, И. И. Муллонен, К. К. Логинова в: [Очерки исторической географии..., 2001]).

более близких к исходной верхневолжской прародине, в сравнении с исключительно большими изменениями под влиянием *Protolappisch*-субстрата (саамская ветвь) или при значительном воздействии индоевропейского, балтийского и германского, субстрата и адстрата (ПФ ветвь). Ввиду этого при интерпретации лексического (в первую очередь топонимического) наследия на соответствующих территориях использование С3 (фактически финно-саамских) и ФУ реконструкций более эффективно и методологически более корректно, чем обращение к данным современных ПФ и саамских диалектов и тем более волжских, пермских, угорских и самодийских языков.

Представленная картина – как и конкретный этимологический материал – лишь дополняют систему представлений, которые сложились в финноугроведении к середине прошлого века, но не противоречат им. Вполне понятно, однако, что они не согласуются – и не должны согласоваться! – с идеями, активно развивамыми на протяжении последних 50 лет рядом эстонских и финских исследователей, археологов и лингвистов (многотысячелетний континуитет прибалтийских финнов в Балтийском регионе, полчища германских и других индоевропейских заимствований в древнейших слоях лексики и т. д.) [см. обзор и критику этих идей в работах: Хелимский, 1985, 291–292; 1997, 232–238; 2000, 499–501, 511–535; Напольских, 1990; 1997, 169–170].

Эти соображения, и в особенности последний пункт, создают предпосылки для излагаемой ниже серии этимологических объяснений и замечаний по топонимии и субстратной лексике. Разумеется, в них учитывается и фонетическое состояние северо-славянских (псковско-новгородских) [см: Зализняк, 2004] и собственно восточно-славянских диалектов в период наиболее интенсивной колонизации Севера – между VII–VIII и XIII вв.

С3 **juka*, *-n *juka* : -(i)ga, -nya

Проблематика, связанная с самым распространенным и «наиболее загадочным» детерминантом или топоформантом речных названий *-nya* и историей соответствующих исследований, достаточно подробно освещена в [СТРС, 1, 261–275; см. также: Матвеев, 1960; Шилов, 1998; Муллонен, 2002, 197–198]. При этом не учитывается одно важное историко-фонетическое обстоятельство, которое убедительно подтверждает этимологию, возводящую *-nya* к генитивной конструкции со словом ‘река’ – эта этимология была предложена А. И. Поповым в 1948–1949 гг. и детально разработана А. К. Матвеевым [1960], хотя в своих более поздних работах, в том числе в СТРС, А. К. Матвеев склоняется к отказу от этой версии.

Данное обстоятельство состоит в том, что С3 слово со значением ‘река’ (равно как и его ФУ и уральские предшественники) исходно выглядело как **juka* [см.: Janhunen, 1981, 223; Sammallahti, 1988, 537]. К этой форме непосредственно восходят фин. диал. *juka* ‘водопад; кильватер’ (ср. также *juva* ‘русло; небольшая речка’), карел. *juka*, эст. *juga* ‘водопад’ [SSA, 1, 245], в то время как ПФ **joki* и саам. **joke* (< **juki*), к которым обычно апеллируют при этимологизации названий северных рек [см.: СТРС, 2, 211], представляют собой результаты неясных фонетических трансформаций данной основы.

Субстратный детерминант *juga* (из **juka* с типичным для субстратных топонимов инлаутным озвончением) должен был стать известен как северным славянам (древне-новгородцам), так и восточным славянам ростово-суздальских земель весьма рано – еще в ту эпоху, когда на месте более поздних редуцированных выступали гласные,

близкие кратким *i* и *i⁵*. Следовательно, фонетически закономерным было развитие *-juga* > (*-jъga*) *-jъga* > *-йга* и далее преимущественно в *-га⁶*, а в тех случаях, когда детерминанту предшествовал показатель генитива *-n* – развитие *-n'juga* > (*-ń'ga*) *-ń'ga* > *-ньга* (в некоторых случаях далее с отвердением в *-нга⁷*), соответственно *-i-n'juga* > (*-иń'ga*) *-иń'ga* > *-иньга* > *-еньга*, *-e-n'juga* > (*-еń'ga*) *-еń'ga* > *-енъга* и т. д.

Частотность данных моделей, сложившихся еще в районах первоначальной колонизации (юго-западные и южные окраины соответствующих топонимических ареалов [см.: СТРС, 1, 263]⁸), привела к установлению прочной корреляции между субстратными топонимами на (*-n*) *juga* и их русскими адаптациями на *-(i)ga*, *-ньга*, что, в свою очередь, обусловило высокую продуктивность моделей в районах существенно более поздней колонизации⁹ и в ту эпоху, когда более естественной с точки зрения успевшей измениться русской фонетики была бы адаптация соответствующих субстратных детерминантов в виде *-юга*, *-нюга* (такие детерминанты также известны, однако представлены в целом заметно реже)¹⁰. Более того, похоже, что благодаря своей распространенности детерминант *-ньга* уже на русской почве приобрел самостоятельность топоформанта –ср. *Бабеньга*, *Пустыньга* [см.: Матвеев, 1960, 97, 102] – и оказался способен оформлять субстратные названия речек, в которых исходный комплекс *-n'juga* содержался в фонетически модифицированном виде (например, *-n'jugə* ~ *-n'jug* на юго-востоке Русского Севера) или вообще отсутствовал [см.: СТРС, 1, 263–364].

Обратим внимание на следующие дополнительные аргументы в пользу данного этимологического решения для детерминанта *-Vньга*; большинство из них служат одновременно аргументами против возведения детерминанта к гипотетическому чудскому **engə* ‘река’ [см.: Шилов, 1998] и других, более ранних объяснений подобного типа.

1. Полное отсутствие употреблений детерминанта в качестве самостоятельного топонима [см.: СТРС, 1, 178, 269]. Логично: никакой субстратный топоним не мог начинаться с окончания генитива.

⁵ Падение неконечных редуцированных (в слабой позиции) мало затрагивало древненовгородский диалект вплоть до 60-х гг. XII в. и сохраняло факультативный характер до 10-х гг. XIII в. [см.: Зализняк, 2004, 58–60]. Таким образом, даже в XII в. неконечные редуцированные – правда, уже расширявшиеся в *ö*, *ë* – оставались фонетической реальностью [ср.: СТРС, 1, 131–133].

⁶ Утрата *й* перед согласным – весьма распространенное явление, отчасти закрепившееся в русском литературном языке (*небось* < *не бойсь* (*не бойся*), *приду* < *прийду*, *поди* < *пойди*) и отраженное в берестяных грамотах и других древненовгородских источниках: *подеть* ‘пойдет’ (Грамоты Великого Новгорода и Пскова, № 14, 1327 г.), *оу Шюги* 689 (XIV в.) (обычно *Шюига*), *переми* ‘перейми’ 463 (XIV в.), *воскои* ‘войской = войсковой’ 254 (XIV в.) и т. п. [см.: Зализняк, 2004, 71]. Данный тип адаптации иллюстрируется, в частности, парой **Enā juga* («большая река») > **Ене́йга* > **Оне́йга* > *Онега*, **Рēni juga* («малая река») > **Рёпъйга* > **Рипъйга* > **Пинега* > *Пинега*.

⁷ Вероятность депалатализации *n* предсказуемо более высока после гласных *a*, *o*, чем после *e*. Это хорошо объясняет соседство гидронимов на *-еньга* и на *-анга*, *-онга* и делает предположение о двух различных, но контаминировавших источниках излишним [см.: СТРС, 1, 264–265].

⁸ Недостоверна, однако, принадлежность к этим ареалам нескольких разрозненных названий на *-нга* на Волжском правобережье [см.: СТРС, 1, 49, 263].

⁹ Ареал наибольшего распространения рассматриваемых детерминантов – Заволочье – вряд ли может считаться исходным.

¹⁰ Сопутствующим обстоятельством могла быть и тенденция к диэрезе гласного после мягких согласных [см.: СТРС, 1, 164]: *-юга* > *-йга* > *-га*, *-нюга* > *-ньга*.

2. Почти полное совпадение ареалов гидронимии на *-Vńga* и на *-Vga* [см.: СТРС, 1, 272]. Случаи параллелизма названий на *-Vga* и на *-nńga* (*Мегрега – Мехренъга* и т. д.) отражают параллелизм атрибутивных словосочетаний аппозитивного и релятивного типов («барсук-река» – «барсука река»), что весьма характерно для уральских языков. Кроме того, предлагаемое здесь совместное рассмотрение *-nńga* и *-Vga* снимает выдвинутое в свое время Б. А. Серебренниковым и отчасти повлиявшее на позицию А. К. Матвеева возражение: «сплошное генитивное оформление первых составных частей гидронимов для прибалтийско-финской гидронимии не типично» [Серебренников, 1966, 59; ср.: СТРС, 1, 271]. В современной финской и карельской гидронимии доля названий с генитивным показателем перед *joki/jogi* составляет, как показывают пробные подсчеты, от 25 до 40 % [см.: Suomi käsikirja, 1968; Каталог озер и рек Карелии, 2001]; ничто не мешает предположению о такой же или еще более высокой доле генитивных конструкций в гидронимах тоймского и соседних ареалов.

3. Статистическое распределение гласных, предшествующих *-nńga* (*e* – 428 случаев, *a* – 95, *o* – 41, *u* – 16, единичные случаи *y*, *ю*, *ы* [см.: СТРС, 1, 262]), весьма близко к распределению ПФ гласных, предшествующих окончанию генитива *-n* (гласный *e* выступает при этом не только в *e/i*-основах, но и в консонантных основах; кроме того, рус. *e* должен был субституировать и гласный *ä*-основ). Для СЗ или тоймского состояния можно предполагать фонотактику, сходную с архаичной ПФ.

4. Западная граница массового распространения детерминанта *-Vńga* фактически совпадает с восточной границей собственно ПФ языкового ареала [см.: СТРС, 1, 340, карта], в пределах которого, соответственно, названия рек оформляются детерминантом *joki/jogi* (а не *juka/juga*). Этот детерминант не должен был (даже после генитивного *-n*) адаптироваться как *-nńga*¹¹.

Следует ожидать, что формант *-nńga* частотен при субстантивных топоосновах (а также при топоосновах неясной этимологии, заметная часть которых может восходить, например, к личным именам, см. ниже) и не встречается при топоосновах, надежно опознающихся как прилагательные (или встречается при таких основах крайне редко, в силу вторичных процессов). Иными словами, нормальной адаптацией многочисленных названий типа **Must(a) juga* («черная речка») должно быть рус. *МустVga*, тогда как название *Мустаньга* или *Мустеньга* должно либо отсутствовать, либо отражать более редкий тип **Mustan juga* («река Мусты = Черного»). Автор, к сожалению, не имеет доступа к полному собранию материала, однако известные ему данные, как кажется, не противоречат этому. Характерно, например, обилие «святых» речек – *Пышенга* (СЗ **rūšä juka*) [СТРС, 2, 156, 354], при том что название **Пышенъга* «пока на РС (Русском Севере. – Е. Х.) не зарегистрировано» [Там же, 156]¹² – и, если приведенное объяснение верно, вряд ли когда-нибудь будет зарегистрировано¹³.

¹¹ Редкие случаи присутствия *-nńga*, *-nǵa* в Карелии и т. д. отчасти обусловлены адаптацией названий с ПФ суффиксом *-nki/-ngi* (*Kiestinki* – *Кестеньга*), что, однако, не оправдывает возведение детерминанта к данному суффиксу [см.: СТРС, 1, 264; Муллонен, 2002, 197–198].

¹² Гидронимы *Пышенка* (приток р. Покшеньга, бас. Пинеги) [WRGN, 3, 830] и *Пыженка* (*Пыжебка*, *Пыжеба*) [СТРС, 2, 234] явно содержат иной суффиксальный элемент.

¹³ А. К. Матвеев с учетом гидронима *Еменъга* допускает, что в «языке топонимии на *-Vn(b)ga*» могла существовать основа **jem-* ‘святой’ (~ хант. *jeməŋ* ‘то же’) [СТРС, 2, 156]. Однако гораздо вероятнее, что в гидрониме *Еменъга* (как и *Емца*) отражен этноним *емъ* (*Häme*).

Нуждается, однако, в объяснении высокая частотность в генитивных конструкциях именно **juka*, в отличие от других географических терминов. Одним из факторов могло явиться обилие оформленных по релятивному типу отантропонимических гидронимов, особенно названий малых речек по имени первого (единственного) промысловика или поселенца в их бассейне. Такая модель номинации преобладала, например, в XVII в. среди селькупских названий малых рек в слабозаселенном бассейне р. Кети (см. данные и пояснения Николая Спафария: [Земля верхнекетская, 1997, 239–256]). В какой-то мере свою роль могли сыграть и фонетические факторы – например, тенденция к ослаблению, выпадению или ассимиляции генитивного *n* в положении перед некоторыми согласными. Так, в названиях на *-нем(a)* (‘мыс’, самый распространенный детерминант в субстратной микротопонимии Русского Севера [см.: СТРС, 1, 203]) отличить исходную генитивную конструкцию от исходной номинативной практически невозможно.

С3 **uktz* : Ухта

Все обоснование данной этимологии фактически уже содержится в работах И. И. Муллонен, установившей, что основа *Uxt-* типична для названий водораздельных, связанных с древними волоками объектов, и высказавшей мысль о том, что топоосновы *uht-* и *matk-* (< ПФ *matka* ‘дорога, путь’), имеющие разные языковые истоки, могут быть семантически идентичны [см.: Муллонен, 2002, 210–212].

Реконструированная И. И. Муллонен основа практически тождественна урал. **uktj* (в [UEW, 546] **utka*; фонетически уточненная реконструкция приведена по [Sammallahti, 1988, 536]), что отражено как венг. *út* ‘дорога, путь’, манс. сев. *āxt* ‘протока’, хант. О *oχət* ‘перешеек, волок’, самод. **iət* ‘дорога, след’. Спирантизация *k* перед *t* характерна как для ПФ языков, так и для всей субстратной топонимии Русского Севера. В финно-пермских языках данная основа до сих пор считалась незасвидетельствованной, однако география распространения *Uxt-* (*Ухта*, *Ухтица*, *Ухтозеро*, *Ухтома*, *Ухтомица*, *Ухтомка*, *Ухтомъярское озеро*, *Ухтюга/Уфтюга* [WRGN, 4, 722–725])¹⁴ показывает, что она сохранялась в С3 языках – в тоймской и, возможно, реликтово (наряду с инновацией *matka*) в ПФ ветвях.

Предлагаемая этимология косвенно подтверждает – с необходимыми корректировками – представленное в работах А. П. Афанасьева [1976; 1979; 2002, 42] сопоставление основы *Uxt-* с мансийскими и хантыйскими словами (‘протока, волок’), которые также входят в число продолжений урал. **uktj*.

Возможно, в некоторых случаях рефлексом данной основы как детерминанта является топоформант *-xta* [см.: Шилов, 2001, 15–16; СТРС, 2, 28–29]; значительно менее вероятна связь с топоформантом *-gda* [Там же], поскольку озвончение кластера из двух шумных типологически малоправдоподобно.

С3 **ōnto* : Ундо, (?) Ондо, (?) Андо; С3 **ōksi* : -(o)кса/-(o)киша

Исходная С3 форма для фин. (устар., диал.) *vuo* ‘поток, русло’ реконструируется с учетом ФУ соответствий [UEW, 544; SSA, 3, 472] как **ō*. Многие дериваты финского

¹⁴ Возможно, к ним допустимо подключить и часть топонимов с основами *Oxmt-*, *Boxmt-* [см.: Шилов, 1999, 106–107; 2001, 15; СТРС, 1, 79], хотя при этом возникает значительный риск смешения с другими топоосновами, в частности с отражениями фин., карел. *ohto* ‘медведь’.

слова выступают в роли географических терминов и используются в гидронимии, ср. *vuoksi* ‘прилив, сильное течение’, р. *Vuoksi*, *vuolle* ‘стремнина’, *vuolas* ‘бурный, многоводный’ и др. С учетом распространенности финского суффикса *nomina loci -nto* [см. о нем, в частности: СТРС, 1, 118] нетрудно предположить существование еще одного деривата (со значением из того же семантического поля) – *vuonto* (**ōnto*). Подобный апеллятив в финских словарях обнаружить не удается, ср., однако, в топонимии Финляндии *Vuonto* в названии порога *Vuonnonkoski* (на р. Торнионйоки, Юлаторнио), и, возможно, также – с родственным суффиксом – *Vuonne* в названии *Vuonteesalmi* (Лаукаа) [Suomi käsikirja, 1968, 1366].

Возможным продолжением субстратного С3 **ōnto* являются распространенные на Русском Севере топонимы с основами *Ундо-* – Ундоzero с р. Ундоша и др. [СТРС, 2, 140]¹⁵ – и, вероятно, *Онд(о)-* (ср. крупное *Онд-озеро* в Центральной Карелии). При этом рус. *у* является закономерным субSTITУТОМ *ō* в относительно ранних заимствованиях – ср. *Suomi* (**Sōmi*) : *сумь*, а дифтонгизацию типа **ō* > фин., карел. *uo* могут отражать как рус. *о*, так и *у* [см.: СТРС, 1, 141]. Если же допустить, что на самых ранних этапах языковых контактов др.-новг. *a* (слав. *ā* < и.-е. **ō*, **ā*) еще «сохраняло память» о своих исторических источниках и поэтому могло субSTITУОВАТЬ иноязычное *ō*¹⁶ или же что для определенных субстратных диалектов было характерно недифтонгическое и достаточно открытое произношение *ō*, то к тому же источнику можно гипотетически возвести и топонимы с основой *Анд(о)-*, в первую очередь *Андозеро* с р. *Андога* в Юго-Западном Белозерье.

Кроме того, за некоторыми (безусловно, далеко не всеми) северно-русскими гидронимами на *-(о)ка/-о)киа* может крыться детерминант **ōksi*, этимологически тождественный фин. *vuoksi* и гидрониму *Vuoksi*, карел. *Vuokši* (относительно других возможностей этимологизации топонимов на *-Vка/-Vкиа* см.: [Муллонен, 2002, 217–222; СТРС, 2, 27–28]).

С3 *lačz : Лача

С учетом инлаутного фонетического соответствия ФУ **č* – фин. *h* (наряду с *t*), саам. **c* [см.: Collinder, 1960, 88; Korhonen, 1981, 159] можно предложить следующее новое финно-саамское сравнение: фин. *laho* ‘трухлявый, гнилой’ (~ вепс. *лаho* ‘гнилое дерево, гнилушка’ и т. д. [SSA, 2, 35]¹⁷), саам. **lōcē-*: сев. *luoccât* ‘get soaked through (from lying in water; of skins, of wooden materials)’ < С3 **lačz* (**lačo*, **lače-*).

¹⁵ Что подтверждает предположение А. К. Матвеева: «Так или иначе, основа *унд-* явно означает нечто гидронимически существенное и, видимо, является финно-угорской по происхождению» [Там же].

¹⁶ Как в случае балто-славянских взаимодействий, в том числе весьма поздних: белор. *gášta* < лит. **gošta* (*góštauta*, *gōštelka*) ‘*Lychnis chalcedonica L.*’, белор. *skaráč*, польск. *skaracz* < лит. *skarōčius* ‘полотенце’ [Непокупный, 1976, 185, 195]. Феномен «языковой памяти» следует учитывать и во взаимоотношениях отдельных ветвей С3 языков (см. примеры фонетически аномальной, но исторически «правильной» финской адаптации саамских заимствований: [Saarikivi, 2004, 193]).

¹⁷ Цитируемая в SSA германская этимология финского слова (к герм. *lēgō(n)* ‘лежать’ > др.-сканд. *lág* ‘gefällter Baum, liegender Baumstamm’, по Й. Койвулехто) внимания не заслуживает; неприемлемо и сравнение с саам. колт. *luess* ‘старый хлам, непригодная к использованию вещь; плохая, прохудившаяся лодка’ (это слово, как и саам. сев. *loasse* ‘то же’, неотделимо от фин., эст. *losa*, фин. *losu* с тем же значением [Itkonen, 1, 218a, 228a; SKES, 304; SSA, 3, 94]).

Можно далее предположить, что с данной финно-саамской основой связано название крупного оз. *Лача* (*Лаче*), из которого вытекает р. Онега: Лача «имеет илистое торфянистое дно и заболоченные берега» [География России, 1998, 322]. Нельзя полностью исключить предложенное А. И. Поповым [1973] объяснение данного лимонима из карел. *lačči* ‘пологий, отлогий; низинный, ровный’. Такое объяснение подразумевает, однако, исходность слова дескриптивного характера со специфически карельским фонетическим обликом (ср. фин. *latsakko* ‘то же’ [SKES, 269]), что для крупного топообъекта, расположенного за пределами этнической территории карел, маловероятно.

Ср. также *Лаго-* < ПФ *laho* в более поздних слоях субстратной топонимии [СТРС, 2, 45, 143], *Laho-* в топонимии Финляндии: *Lahola*, *Laholuoma*, *Lahovaara* [Suomi käsikirja, 1968, 868].

С3 **woše(k)*, **woši* : *Воже*

Фин. *ohi*, диал. *ohe* ‘край, сторона’, *ohi-* ‘мимо, в стороне’ (*ohitie* ‘объездная дорога’), в топонимическом употреблении *Ohemäki*, *Ohennäki*, *Ohenneva*, *Ohensaari*, *Ohenvuori* [Suomi käsikirja, 1968, 1007] не имеет очевидных соответствий в саамском, однако достаточно хорошо этимологизируется из ФУ (урал.) **woša* ‘боковое ответвление, угол, крюк’ [SSA, 2, 259; см. далее: Хелимский, 1976, 117; UEW, 825–826]. Эта ФУ этимология позволяет реконструировать С3 источник данной основы в виде **woše(k)*, **woši*.

К этой основе может восходить – с типичным для субстратных топонимов инлаутным озвончением [см.: СТРС, 2, 235] – название оз. *Воже*. Название, видимо, характеризует положение этого очень крупного озера в сильно заболоченной и до сих пор слабо заселенной местности, в стороне от всех основных путей, соединявших Прионежье с бассейнами Онеги (на крайнем юге которого и расположено оз. Воже) и Северной Двины. Соответственно, впадающая в озеро р. *Вожега* < **Вожейга* < **Wožyjga* (**Wožejyga*) < **Woši juka* (**Woše juka*).

Альтернативные этимологии (*Воже* < *Водје* к водь; к коми *водж* ‘закол для ловли рыбы’) – например, в словаре М. Фасмера – фонетически и исторически несостоятельны. Впрочем, В. А. Никонов [1966, 87] сравнивает *Воже* с коми *вож* ‘приток, исток’, что ближе к истине, поскольку коми слово восходит к ФУ **woša* (см. выше).

С3 **počja* : *потча*

В литературе хорошо известно сопоставление фин. *pohja* ‘дно, основание’ (диал. также ‘узкий конец залива, длинный узкий залив, берег на дальнем краю залива – кареа *lahdenperä*; *pitkä*, кареа *lahti*; *lahden perukan rantoo*, *lahden pohja*, *pohjukka*, *pää*’ [Nissilä, 1939, 53] с саам. **pōššō* ‘задняя часть дома’ [YSS, № 978; Korhonen, 1981, 170; ср.: SSA, 2, 383 – с неуклюжей германской этимологией]. Сложность представляет уникальное соответствие инлаутных согласных; оптимальное объяснение дает реконструкция С3 **počja*: кластер *-čj- в других ПФ и саамских основах не засвидетельствован, но характер рефлексации фонетически сходных кластеров [см.: Korhonen, 1981, 163ff] не противоречит подобному предположению (оно сохраняет силу и в том случае, если саамское слово не исконно родственно финскому, а представляет собой финское заимствование [см.: Там же, 170]).

С3 **počja* (с непалатальным č) или, точнее, его лопское продолжение с ассимиляцией čj > čč (ср. геминату в саамском) следует признать источником рус. диал. (арх., олон.) *потча*, *пocha*, *почча* ‘залив, старица, рукав реки’ и топонимов с этим

детерминантом [см.: СТРС, 1, 222–223], уточнив и подтвердив тем самым догадку А. Л. Шилова [1997, 14–15], который упоминает фин. *rohja* среди возможных источников данного слова (однако дальнейшие сравнения – с вепс. *poze* ‘топкое место, лужа’, рус. диал. *похта, пахта* ‘болото’ – следует отклонить).

С3 *waka : Vaga

Название р. Вага (левый пр. Северной Двины) можно соотнести с С3 *waka, откуда фин. *vaka*, *vakaa*, *vakava* ‘устойчивый, надежный, спокойный’, саам. **vōkē* ‘привычка’ [YSS, № 1428; SSA, 3, 395]. Возможно, название отражает характер течения этой на большом протяжении судоходной, сплавной реки. Исторически несостоительно и семантически сомнительно возведение гидронима *Vaga* к лит. *vagà* ‘борозда; русло реки, речной рукав’ [Поспелов, 1998, 87], фонетически бессмысленно сопоставление с коми *вож* ‘приток’ [Афанасьев, 2002, 18].

Фин. *keno* (С3 **keno?*) : Кенозеро

Лимноним *Кенозеро* представлен в Архангельской области (дважды) [см.: СТРС, 2, 141, 157] и в Карелии (*Кен-озеро*) [см.: Каталог озер и рек Карелии, 2001, 44]. Оба крупных озера с этим названием отличаются своеобразной, сильно изогнутой формой:

Кенозеро (Плесецкий р-н Архангельской обл.)

Кен-озеро (Лоухский р-н Карелии)

Данная особенность позволяет связать основу *Кено-* с фин. диал. *keno* ‘дугообразный, изогнутый, накрененный’ [SMS, 6, 788], фин. *kenossa* ‘откинувшись назад’, эст. *kenus* ‘то же’. Дальнейшая этимология неясна [см.: SSA, 1, 342 – как часто в подобных случаях, с крайне сомнительной германской этимологией], слово может восходить к С3 основе того же фонетического облика.

Название вытекающей из Кенозера р. *Кена* – полноводной и порожистой, но по протяженности почти не превышающей самого озера – является, по-видимому, вторичным.

Заключительные замечания

Представления о С3 языковой группе, изложенные во вступительном разделе, позволяют снять альтернативную постановку вопроса о создателях тех или иных названий на Русском Севере – «прибалтийские финны или саамы?»¹⁸ – и отказаться от поисков

¹⁸ Такая дилемматичность характерна для исследований М. Фасмера [см.: Vasmer, 1936] и, как кажется, не вполне преодолена в части разделов СТРС.

«саамов» на более южных территориях, явно не связанных с саамским этногенезом [см. также: Saarikivi, 2004].

В ряде случаев саамская этимология, которой придерживаются А. К. Матвеев в СТРС и другие исследователи, нуждается, на мой взгляд, в коррекции «на С3 фоне» или замене; укажу лишь на несколько случаев такого рода.

Многочисленные топонимы с основой *Шид-* вполне допустимо связывать не с саам. **sijtę* ‘деревня’ [см.: СТРС, 2, 107, 213–217; Saarikivi, 2004, 211–212], а с С3 **šitı*, **šite*¹⁹ – источником данного саамского слова, как и ПФ **hite-* (фин. *hiisi* ‘кашище, языческое святилище, священная роща; злой дух, черт’) [YSS, № 1132]. Соответственно, отпадает трактовка **sijtę* как единственной дифференцирующей «собственно саамской» основы, которая представлена не только в Финляндии и Карелии, но и на Русском Севере [см.: Saarikivi, 2004, 212]. «Гибридные» же, по мнению Я. Саарикиви [Там же, 194], топонимы типа *Шиднема* (Белозерье) вполне можно рассматривать как восходящие к единому – лопскому или лопско-тоймскому – источнику (С3 **šitı nēti* ~ **šiten nēti*), что хорошо согласуется с трактовкой А. К. Матвеева [см.: СТРС, 2, 226] и с принципиальными сомнениями в реальности подобных гибридов в другом месте статьи Я. Саарикиви [см.: Saarikivi, 2004, 217].

Топоним *Лаконерма* (Чухченемская волость, XV в.) может содержать в качестве детерминанта С3 *nūrti* ‘поле, луг’ (русская адаптация: > (*пърт-*) > *нырт-* > *нерм-*), к которому восходят фин. *nurti* ‘поле’ и саам. **ńormę* ‘заливной луг’ [UEW, 328; SSA, 2, 242–243; ср. СТРС, 1, 240: рус. < саам.]. В названии поля *Немюра* (Мезенский р-н Архангельской обл.), расположенного рядом с пожней *Немы*, можно предположить диссимилятивное усечение из **Nemnūrma* (русская адаптация более позднего времени) и воздержаться от спорного – с учетом характера топообъекта – сравнения детерминанта с саам. **ńōrę* ‘подводная скала, мель’ [ср.: СТРС, 2, 19].

Вслед за М. А. Кастреном и А. Альквистом, А. К. Матвеев склонен видеть саам. **kōlē* ‘рыба’ в целом ряде северных топонимов с основой типа *Кул-*, в том числе, например, в названиях двух крупных рек *Кулой* (река, впадающая в Мезенскую губу; левый прит. Ваги) [см.: СТРС, 1, 180; 2, 85–86]. Спорными моментами такой интерпретации оказываются, во-первых, соответствие саам. **đ* (< ФУ, С3 **a* > ПФ **a*) : рус. *y*²⁰ и, во-вторых, предположение о том, что детерминантой гидронимов *Кулой* служит слово ‘ручей’ (фин. *oja* > саам. *ko vuaj* и т. д.), в данном случае весьма неуместное. Поэтому заслуживают внимания этимологические альтернативы – можно указать, в частности, фин., карел., вод. *kulo* ‘лесной пожар, пал’ [SSA, 1, 431–432]²¹ и, возможно, *kuolo* ‘смерть’ (*resp.* С3 **kolo*, **kōlo*). Добавление к основе -*й* является типичным спо-

¹⁹ Данная основа попеременно возводится к трем (!) различным германским источникам [LÄGLOS, 1, 101–102], но, скорее всего, является исконной, если даже соответствующая уральская этимология [UEW, 499–500] крайне ненадежна. То обстоятельство, что авторы SSA [1, 162], увлеченные одной из этих германских этимологий (из др.-сканд. *hiđ* ‘пещера, берлога’), полностью игнорируют традиционное финно-саамское сопоставление, ничего, кроме недоумения, не вызывает.

²⁰ Ряд других топонимических этимологий с подобным соответствием также небесспорен; типичным случаем является соответствие саам. **đ* : рус. *о* [см.: СТРС, 2, 223–224].

²¹ Согласно одной версии – балтийское заимствование, согласно другой – феннизм, проникший в балтийские языки.

собом русской адаптации ПФ форм с лабиальным гласным в ауслауте [см.: Kalima, 1919, 67, 70; Хелимский, 2000, 344, прим. 7].

Вряд ли реалистично связывать топооснову *Рынд-* и детерминант *-ринда* (*Шандоринда* на Мошозере, 1560) с саам. сев. *rid’do*, *Jok rinta* ‘берег’ [см.: СТРС, 1, 243; 2, 96, 212], поскольку саамское слово представляет собой заимствование собственно саамской эпохи из сканд. **strindō* ‘Seite, Kante, Land’ [Itkonen, 1960, 159; SKES, 804]. Вместо этого следует учесть диалектное употребление фин. *rinta* ‘грудь’ в значении географического термина ‘склон, откос’ (= *rinne*, последнее представляет собой дериват от *rinta*) [SKES, 803; SSA, 2, 80]. ПФ **rinta* и саам. **rēntē* ‘грудь’ [YSS, № 1007] продолжают С3 **rinta* (квалификация данной основы как германизма, связанного с тем же сканд. **strindō*, проблематична [см.: SKES, 803; SSA, 2, 80]).

-
- Альквист А.* Мерянская проблема на фоне многослойности топонимии // Вопр. языкоznания. 1997. № 6. С. 22–36.
- Альквист А.* Субстратная топонимия Ярославского Поволжья // Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны / Под ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. СПб., 2001. С. 436–467.
- Афанасьев А. П.* «Волоковая» лексика на водных путях Поволжья и Европейского Севера // Топонимика и историческая география. М., 1976. С. 21–26.
- Афанасьев А. П.* Исторические, географические и топонимические аспекты изучения древних водно-волоковых путей // Топонимика на службе географии (= Вопросы географии, 110). М., 1979. С. 65–63.
- Афанасьев. А. П.* Топонимия Европейского севера России: Словарь. Сыктывкар, 2002.
- География России: Энциклопедический словарь. М., 1998.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955. Воспроизв. 2-го изд. СПб.; М., 1880–1882.
- Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
- Земля верхнекетская / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск, 1997.
- Каталог озер и рек Карелии / Под ред. Н. Н. Филатова и А. В. Литвиненко. Петрозаводск, 2001.
- Манюхин И. С.* Происхождение саамов. Петрозаводск, 2002.
- Матвеев А. К.* Историко-этимологические разыскания. I. Из опыта изучения севернорусской топонимики на *-ньга* // Уч. зап. Урал. гос. ун-та. Вып. 36. Языкоznание. Свердловск, 1960. С. 85–120.
- Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // Вопр. языкоznания. 1996. № 1. С. 3–23.
- Матвеев А. К.* Мерянская топонимия на Русском Севере – фантом или феномен? // Вопр. языкоznания. 1998. № 5. С. 90–105.
- Матвеев А. К.* Мерянская проблема и лингвистическое картографирование // Вопр. языкоznания. 2001. № 5. С. 32–59.
- Муллонен И. И.* Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.
- Напольских В. В.* Проблема формирования финноязычного населения Прибалтики (к рассмотрению дилеммы финно-угорской предыстории) // Исследования по этногенезу и древней истории финноязычных народов: Материалы XVII Всесоюз. финно-угор. конф. Ижевск, 1990. С. 40–67.
- Напольских В. В.* Введение в историческую уралистику. Ижевск, 1997.
- Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб., 2002.
- Непокупный А. П.* Балто-северославянские языковые связи. Киев, 1976.

- Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. М., 1966.
- Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны / Под ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. СПб., 2001.
- Попов А. И.* Из истории лексики языков Восточной Европы. Л., 1957.
- Попов А. И.* Лача // Рус. речь. 1973. № 4. С. 129–130.
- Попов А. И.* Топонимика древних мерянских и муромских областей // Географическая среда и географические названия. Л., 1974. С. 13–28.
- Поспелов Е. М.* Географические названия мира: Топонимический словарь. М., 1998.
- Серебренников Б. А.* О гидронимических формантах *-ньга*, *-юга*, *-уга* и *-юг* // Сов. финно-угроведение. II. 1966. С. 59–66.
- СТРС – *Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера: В 3 ч. Ч. I–II. Екатеринбург, 2001–2004.
- Хайду П.* Уральские языки и народы. М., 1985.
- Хелимский Е. А.* О соответствиях уральских *a*- и *e*-основ в тазовском диалекте селькупского языка // Сов. финно-угроведение. XII. 1976. С. 113–132.
- Хелимский Е. А.* [Рец. на:] Symposium saeculare Societatis Fennno-Ugricae. (MSFOu 185). Helsinki, 1983. // Сов. финно-угроведение. XXI. 1985. № 4. С. 289–294.
- Хелимский Е. А.* Uralo-Indogermanica. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей // Балто-славянские исследования. 1989–1996. М., 1997. С. 224–249.
- Хелимский Е. А.* Компаративистика, уралистика: Статьи и лекции. М., 2000.
- Шилов А. Л.* Ареальные связи топонимии Заволочья и географическая терминология Заволочской чуди // Вопр. языкоznания. 1997. № 6. С. 3–21.
- Шилов А. Л.* Топонимия Карелии в аспекте проблем субстратной топонимии Русского Севера: К происхождению гидроформанта *-ен(ъ)га* // Вопр. языкоznания. 1998. № 3. С. 107–114.
- Шилов А. Л.* К стратификации дорусской топонимии Карелии // Вопр. языкоznания. 1999. № 6. С. 100–114.
- Шилов А. Л.* О мерянских топонимических индикаторах (голос в дискуссии) // Вопр. языкоznания. 2001. № 6. С. 13–27.
- Bereczki G.* A merjä nyelv helye a finnugor nyelvcsaládon belül // Ünnepi könyv Bereczki Gábor 70. születésnapja tiszteletére. Budapest, 1998. S. 265–269.
- Collinder B.* Comparative Grammar of the Uralic Languages. Stockholm, 1960.
- Itkonen E.* Lappische Chrestomathie mit grammatischem Abriss und Wörterverzeichnis. Helsinki, 1960.
- Itkonen T. I.* Koltan- ja Kuolalappin sanakirja. Wörterbuch des Kolta- und Kolalappischen. Bd. I–II. (LSFU 15). Helsinki, 1958.
- Janhunen J.* Uralilaisen kantakielen sanastosta // JSFOu 77. 1981. S. 219–274.
- Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. (MSFOu 44). Helsinki, 1919.
- Korhonen M.* Johdatus lapin kielen historiaan. Helsinki, 1981.
- LÄGLOS – Kylstra A. D., Hahmo S.-L., Hofstra T., Nikkilä O.* Lexikon der älteren germanischen Lehnwörter in den ostseefinnischen Sprachen. Bd. I. A–J. Bd. II. K–O. Amsterdam; Atlanta, 1991, 1996.
- Nissilä V.* Vuoksen paikannimistö I. Helsinki, 1939.
- Saarikivi J.* Über das saamische Substratnamengut in Nordrussland und Finnland // FUF 58. 2004. S. 162–234.
- Sammallahti P.* Historical phonology of the Uralic languages // Sinor D. (ed.). The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences. Leiden et. al., 1988. S. 478–554
- SKES – Toivonen Y. H. e. a.* Suomen kielen etymologinen sanakirja. I–VII. (LSFU 12). Helsinki, 1955–1981.
- SMS – Suomen murteiden sanakirja.* 1–... . Helsinki, 1985–... .
- SSA – Suomen sanojen alkuperä:* Etymologinen sanakirja / Päätoim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. 1–3. Helsinki, 1992–2000.
- Suomi käsikirja / Toim. J. Keinänen.* Helsinki, 1968.
- UEW – Rédei K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. I–III. Budapest, 1986–1991.
- Vasmer M.* Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. III. Merja und Tscheremissen. (Songerausgabe aus den Sitzungsberichten der Preussischen Akad. d. Wiss., Phil.-hist. Klasse XIX). Berlin, 1935.

- Vasmer M.* Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. IV. Die ehemalige Ausbreitung der Lappen und Permier in Nordrussland. (Songerausgabe aus den Sitzungsberichten der Preussischen Akad. d. Wiss., Phil.-hist. Klasse XX). Berlin, 1936.
- WRGN – *Vasmer M.* Wörterbuch der russischen Gewässernamen. I–V, VI (Nachtrag). Berlin – Wiesbaden, 1961–1973.
- YSS – *Lehtiranta J.* Yhteissaamelainen sanasto. (MSFOu 200). Helsinki, 1989.

* * *

Евгений Арнольдович Хелимский – доктор филологических наук, профессор Института финно-угроведения/уралистики Гамбургского университета (Германия).

А. Л. Шилов

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ЯЗЫЧЕСКОГО ПРОШЛОГО МОСКВЫ

In X–XII c. A.D., territory of the future Moscow was settled by Baltic (Golyad'), Finnish (Merya) and Slavic (Krivichi, Vyatichi) tribes. They were pagans and most of them remained pagans during many centuries. Naturally, both Orthodox Church and State destroyed steadily all material manifestations of pagan cults. However, the folk memory is able to store the place-names related with pagan rituals (e. g., burials), celebrations, objects of worship, etc. Part of them may be fixed in toponymy. Using old documents, chronicles, and folk names of some churches, we've found fourteen such place-names in the territory of modern Moscow. Most of them do not exist now. These place-names were related with: pagan grave mound of both Meryans (Коломенское, Коломенки 2, Паны, Проклятое место) and Slavs (Могильцы 2, Великая Могила); objects of worship – idols, sacred stones (Болвановье, Болвановка, Бабий городок, Синий камень); places of pagan celebrations – sacred groves or springs, hills (Наливки, Кукуй).

До прихода славян на территорию будущей Москвы (и шире – Подмосковья) эти земли были заселены балто- и финноязычными племенами – летописными голядью и мерей соответственно. Славяне проникают сюда начиная с X в.: со стороны Верхней Волги – кривичи (возможно, и какие-то группы новгородских словен), со стороны Оки – вятичи. В XI–XII вв. к ним добавляются переселенцы из Руси – Киевщины, Черниговщины, Переяславщины, в первую очередь – северяне [об археологических свидетельствах см.: Арциховский, 1930; Седов, 1974; Рябинин, 1994; о топонимических: Топоров, 1972; Матвеев, 1998; Шилов, 2001, 2002].

Естественно, население это было языческим. В массе своей оно долго оставалось таковым и после официального крещения Руси. Б. А. Рыбаков писал, что во второй половине XII в. наблюдается возрождение язычества в городах и в княжеско-боярских кругах. По его наблюдениям, с XII по XIV вв., когда Русь испытывала сильный этнический кризис, языческие верования теснили христианство по всей стране [см.: Рыба-

ков, 1988, 688, 774]. Более того, еще в начале XV в. посетивший Москву кардинал Д'Эли писал: «Русские в такой степени сблизили свое христианство с язычеством, что трудно было бы сказать, что преобладало в образовавшейся смеси: христианство ли, принявшее в себя языческие начала, или язычество, поглотившее христианское вероучение» [цит. по: Замалеев, Овчинникова, 1991, 18–19]. Язычество на Руси, уйдя из сферы идеологической, в бытовой сфере продолжало существовать и далее. Недаром церковь на Стоглавом Соборе (1551 г.) принимала специальные постановления против языческих праздников и обрядов [см.: Стоглав, 1862].

Конечно, поскольку с конца X в. православие стало на Руси официальной религией, церковная и светская власти систематически и неуклонно искореняли материальные атрибуты языческих культов. «Храмы идолъскыя и требища всюду раскопа и посече и идолы съкрушил» (Память и похвала мниха Владимиру) [Краткие сообщения..., 1963]. При этом, как правило, на местах языческих святилищ ставились церкви: «повеле (Владимир Святославович. – А. Ш.) рубити церкви и поставляти на местом иде же стояху кумири» [ПСРЛ, 1, стб. 118].

Однако в народной памяти долго держались названия мест, связанных с языческими праздниками, обрядами, объектами поклонения. Многие из них закрепились в топонимии и тем самым дожили до наших дней (см., например, на материале Русского Севера: [Березович, 2000, 199 и след.; Летова, 1982; Кузнецов, 1999]). Не могли ли остаться подобные следы и в Москве? Насколько известно автору, подобных исследований до сих пор не проводилось, если не считать неудачную, на наш взгляд, попытку толкования в «языческом духе» названия *Чертолье* [см.: Рабинович, 1989].

Ниже мы излагаем свои соображения по поводу ряда названий на территории современной Москвы, которые могут считаться свидетельствами ее языческого прошлого (как славянского, так и неславянского, в нашем случае – мерянского): это наименования кладбищ-святилищ, культовых объектов, мест проведения языческих празднеств.

Коломенское, Коломенки

1. Село Коломенское на юге Москвы (в состав города вошло в 1960 г.; ныне историко-архитектурный заповедник). Рядом находится Дьяково (Чёртово) городище со следами поселения и захоронений древнефинских племен (предков летописной мери). Известно с 1336 г. как село *Коломнинское*, завещанное Иваном Калитой сыну Андрею [см.: ДДГ, 8–9].

2. Два села Коломенских, известных по тому же документу 1336 г. (завещаны княгине Ульяне). Эти села находились относительно недалеко друг от друга, но все же в разных местах – на разных речках Коломенках. Согласно плану Московского уезда 1794 г., *Коломенками* называли как верховые реки Граворонки (Нищенки) – левого притока Москвы-реки, так и ее левый приток, протекающий через пруд Садки [см.: Чернов, 1997, 77]. Одно из сел упоминается в 1408 г. как село на *Коломенках* (там располагались войска Едигея) [ПСРЛ, 15 (1), стб. 183]. С 1543 г. оно известно как деревня *Граворонова на Перерве на Коломенке* [см.: Чернов, 1997, 77] (Грайвороновская улица и проезды на юго-востоке Москвы в районе Текстильщики). Второе село известно с XVI в. как *Караачарово*. Центр села определяется положением церкви Живоначальной Троицы «в селе Караачарове на речке Коломенке» (Рязанский пр-т, 3) [см.: Паламарчук, 1995, 4, 197].

Этимология и семантика подобных топонимов убедительно выявлены в работах А. И. Попова [1948] и И. Г. Добродомова [1993]. Ареал названий *Коломенское*, *Коломна*, *Коломно*, *Коломенка*, *Коломино*, *Колмово*, *Коломец*, *Коломица*¹ – это Русский Север от Оки на юге до Невы и Свири на севере, т. е. территория расселения древних финских племен – мери, мещеры, веси, води, чуди. Множество названий приурочено к курганным могильникам «чудских» племен², поэтому они обоснованно были сопоставлены с финской основой *kalm-*: фин., карел. *kalma*, эст. *kalm*, вепс. *koim*, морд. *калма*, *калмо* ‘могила’, фин., карел. *kalmisto*, эст. *kalmistu*, вепс. *koumišt*, *kaamišt* ‘кладбище’ и т. п. [подробнее см.: SKES, 150–151, 239]. Ср. также топонимы прибалтийско-финского (*Kalmasaari*, *Kalmaniemi*) и мордовского (*Калмалей*, *Калмокужси*) происхождения.

Морфологический облик приведенных «московских» названий говорит о том, что в массе своей это древнерусские топонимы, производные от полногласной основы **колом-* (заимствованной из финских языков – существующих ныне или вымерших). О реальности такого заимствования свидетельствует др.-рус. *коломище* ‘чудское (курганное) кладбище’ в грамоте 1534 г. новгородского архиепископа Макария в Водскую пятину об искоренении языческих требищ и обрядов: «Мертвых деи своихъ они кладут въ сѣлахъ по курганомъ и по коломищемъ съ теми же арбуи (языческими жрецами. – A. Ш.) … а умершихъ бы в сѣлахъ по курганомъ и по коломищемъ не клали, а возили бѣ всѣхъ умершихъ похоронити къ церквамъ на погости» [ДАИ, 28–29].

Основа **колом-* отражена в рус. диал. *коломки* ‘деревенское кладбище без церкви’ (Ямбург, Петербургская губ.) [СРНГ, 14, 170]. С. А. Мызников приводит новг. *коломище* ‘центральная часть села’ (в центре села часто находилась церковь с кладбищем, что могло послужить основой для метонимического переноса), ‘холмистые, гористые места’ (здесь явно отразилась память об исходном значении слова – ‘курган’), а также *каломище* (Петербургская губ., 1899 г.) в контексте: «Среди местных названий курганов особенно употребительны сопка, *каломище*, старая куча» [см.: Мызников, 2004, 140–141].

Нам представляется, что *коломище* (равно как и *коломки*) является не прямым заимствованием приб.-фин. *kalmisto* [ср.: Добродомов, 1993, 65], а собственно русским дериватом первоначального **коломя* (gen. *коломен-*) <*kalma*>. С точки зрения фонетики ср. сев. (Карелия, Новгородская обл.) *соломя* ‘пролив’ (< приб.-фин. *salma*), *соломенний* ‘проточный’ (Торопецкий уезд Псковской губ.) [см.: Мызников, 2004, 53] и карельские топонимы *Соломенное*, *Соломенский погост*.

Итак, можно полагать, что на территории бывших сел Каракарово и Гравороново – на Коломенках – находились мерянские курганные могильники (как это доподлинно известно для Коломенского). Заметим, что «*коломища*» мери были, возможно, не просто могильниками, но и культовыми местами. Ср. вепс. *koumišt* ‘священное кладбище, где похоронены предки – покровители рода’. После праздничного выгона скота

¹ Древнейшее упоминание подобного названияходим в берестяной грамоте № 30 из Старой Руссы (последняя четверть XII в.): «Селе ти есмо Коломене на лодию» [НГБ, 2004, 114]. Здесь имеется в виду сельцо на р. Поля.

² Автор сам видел курганныю группу (по сообщению археолога А. Н. Башенькина – «чудские» могильники VII–VIII вв.) в урочище *Коломино* на р. Кобожа (Вологодская обл.).

(в Егорьев день) вепсы шли к священному месту *Koumišt* – высокому холму с группой деревьев. Здесь происходили обрядовые угощения предков и произносились моления с просьбой о даровании различных благ. Подобные ритуалы существовали и у финнов, и у карел, и у пермских и волжских финнов [см.: Винокурова, 1994, 73, 91].

Могильцы

В Москве были известны два урочища с таким названием:

а) в районе пересечения Тверской-Ямской и Васильевской улиц, где стояла церковь Василия Кесарийского, разрушенная в 1935 г. [см.: Паламарчук, 3, 391]. Впервые это название фиксируется в отводной грамоте Ивана III на с. Сущево (1504 г.): «да через ту Юрьевскую улицу (ныне Большая Дмитровка. – А. Ш.) тем же Рождественским переулком до лавок до хлебных, что стоят на той улице, что идет улица от города мимо Василей Святый на *Могильцах*» [СГГД, 1, 349];

б) местность в районе *Большого и Малого Могильцевских переулков* – между Сивцевым Вражком и Остоженкой. Имя местности служило различительным признаком в названии церкви Успения Пресвятой Богородицы *что на Могильцах* [см.: Паламарчук, 2, 326]. Церковь впервые упоминается под 1560 г.: «погоре... по Пречистую Богоматерь на *Могильцах*» [ПСРЛ, 13, 328]. Находится она на стыке Большого Могильцевского и Пречистенского (первоначально – *Мертвого*) переулков.

В древнерусском языке слово *могила* (и его производные) означало ‘холм, могильная насыпь, курган, сопка, яма для погребения’ [Мурзаев, 2, 47–48]. Так, *Черная Могила* под Черниговом (упоминается в летописи под 1147 г. [ПСРЛ, 2, стб. 391]) оказалась курганным могильником со скандинавским характером погребения. В Подмосковье множество домонгольских погребальных памятников местное население называет *французскими и литовскими могилами* [см.: Бойцов, 1997, 53]. На Русском Севере известны легенды о *панских или чудских могилах*, ср. ур. *Могильники* рядом с бол. *Панское* в Каргопольском районе Архангельской области: «там холмы такие – говорили, что *паны* похоронены» [см.: Березович, 2000, 467] (см. ниже **Паны**). Приведем также название *Великая Могила*, обозначающее комплекс из шести вятических курганных могильников в московском микрорайоне Митино [см.: Кренке, 1997, 44]. В свете этих данных весьма вероятно, что и *Могильцы* обязаны своим возникновением существовавшим поблизости курганным могильникам [об иных версиях см.: Улицы Москвы, 41].

Следует отметить, что северно-русские сопки – это не просто погребальные, но и в первую очередь сакральные сооружения (ср. сказанное выше относительно чудских «*коломищ*»), что связано с исключительно высоким социальным статусом немногочисленных лиц, в них погребенных [см.: Буров, 1997, 90]. Славянские сопки представляли собой места отправления языческих культов. В ряде случаев здесь обнаружены деревянные столбы – символизируя Мировое древо, они венчали насыпи; вблизи захоронений зафиксированы следы ритуальной деятельности (костров и жертвоприношений). В условиях христианизации сопки зачастую срывались и на их месте либо возникали христианские древнерусские могильники с погребениями по обряду ингумации, либо строились церкви или монастыри [см.: Кузьмин, 1995]. Таким образом, и московские *Могильцы* были скорее всего не только погребальными, но и культовыми славянскими языческими объектами.

Паны

Паны – местность в Замоскворечье, положение которой фиксируется церковью Марона Чудотворца, что в старых Панех на углу Мароновского и 1-го Бабьевородского переулков. Известна с 1642 г. как церковь Благовещения в Иноземной слободе (придел преп. Марона построен в 1727 г.) [см.: Паламарчук, 2, 290–291]. Название *Паны* впервые встречается в документе 1745 г.: «за Москвой-рекой в приходе церкви Благовещения пресвятые Богородицы что в Панех» [Памятники..., 1981, № 195].

Название обычно связывают с иноземной *Панской слободой*, где якобы были поселены пленные поляки [см., например: Паламарчук, 2, 591]. Иноземная слобода действительно существовала. Однако упоминается она под 1529 г. как *Новая* [ПСРЛ, 13, 46]. Согласно С. Герберштейну, *Новая слобода за рекой* была построена Василием III для своих телохранителей [см.: Герберштейн, 1988]. Гваньини добавляет к этому, что здесь селились приезжие иноземцы (см. ниже ***Наливки***). Впоследствии (очевидно, при Иване IV. – А. Ш.) в слободе были поселены стрельцы и она стала называться *Стрелецкой* [см.: Фехнер, 1949]. Как видно, в документах говорится об иноземной слободе и немцах, шведах, но не о Панской слободе и не о поляках.

В свете сказанного имеет смысл обратить внимание на костр. *паны, панки* ‘курганы’ (судя по данным археологических раскопок – с мерянскими древностями) [см.: Ткаченко, 1985, 143] (ср. и название северного урочища *Круглые Паны*). В ряде местностей Русского Севера записаны предания о пребывании здесь «панов», как внешних врагов или древних жителей, предков, первопоселенцев. Ср. также *Панское болото* рядом с ур. *Могильники* в Каргопольском районе Архангельской области, ур. *Панский Городок* в Вытегорском районе Вологодской области [Березович, 2000, 465, 467]). В диалектах устойчивы выражения *панские сопки, панские могилы*, причем соответствующие объекты содержат предметы не Смутного времени, а гораздо более ранних эпох [примеры и литературу см. в: Шилов, 1997].

Для *паны, панки* ‘курганы, курганные могильники’ предлагалось два объяснения на финской почве. Ю. Мягистэ сопоставлял эти термины с фин., карел. *rappa*, вепс. *panda* ‘класть’, вепс. *mahaapanend* ‘похороны’ (буквально – ‘в землю положение’) [см.: Mägiste, 1966]. Возможна связь с общефин. **rājä* ‘вершина, голова, холм’, имеющим продолжения во всех языках финской группы [см.: Шилов, 1997].

Исходя из всего сказанного, мы полагаем, что местность *Паны, Пане* получила название благодаря былому наличию здесь могильного кургана, соседствующего с языческим святилищем (см. также следующее).

Бабий городок

Местность *Бабий Городок* известна с XVII в. Располагалась она в районе 1-го и 2-го Бабьевородских переулков, где ранее существовало Колычево село (известно с 1472 г.). Версии о происхождении названия, предлагавшиеся ранее [см.: Улицы Москвы, 20–21] малоубедительны.

В связи с соотнесенностью топообъектов Бабий Городок и Паны (см. выше) мы обратили внимание на слово *баба* в значении ‘чурбан, столб, изваяние’, *каменная баба* ‘языческий идол’. В Берендеевом болоте (Переславский р-н Ярославской обл.) известен *Синий Камень* (см.), он же – *Каменная Баба* (ибо напоминает фигуру человека). На Горбищевском урочище (с. Ильинское-Хованское Ивановской обл.) вблизи

курганов стояла Каменная Баба [см.: Альквист, 1995, 12]. Каменные бабы – это и статуи, воздвигавшиеся на половецких могилах.

Трактовка *Бабьего Городка* как места, где находились языческие идолы, позволяет непротиворечиво объяснить и второй компонент названия. На северно-русском материале Е. Л. Березович [2000, 465] отметила, что *городок, городище* у местного населения часто входит в ассоциативное поле «Следы древних поселений или укреплений». Распространенный мотив русских заговоров – упоминание культовой ограды, что соответствует оградам славянских святилищ – реальным или символическим. Обратим внимание и на древнерусские тексты XI в., например: «Уже не капища ограждаем, теперь Христовы церкви возводим» («Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона). О сакральной границе в виде частокола языческого святилища (идола) у волжских славян писал араб Ибн-Фадлан (921 г.) [см.: Путешествие..., 79–80].

Археологи [см.: Русанова, 1997, 47–48] выделяют следующие признаки культовых сооружений языческих славян: расположение за пределами поселений, обычно на возвышенных местах (что отвечает положению Бабьего городка на второй пойменной террасе Москвы-реки. – A. Ш.), иногда около могильника; наличие культовых устройств – жертвенных ям и площадок, капищ и храмов, где стояли идолы («бабы». – A. Ш.); ограда вокруг изображений богов, отделявшая их от окружающего мира («городок». – A. Ш.); расположение поблизости священных колодцев, целебных источников («наливки»? – A. Ш.).

Общинные культовые центры – городища-святилища – существовали у славян до XI–XIII вв. В некоторых общинках вместо городищ-святилищ культовую функцию выполняли городища-убежища, где во время опасности население искало защиты не только за оборонительными стенами, но и обращаясь за помощью к своим богам и предкам. Не отсюда ли версия В. Н. Татищева об обороняющихся от татар бабах, связанная, видимо, с нашествием Тохтамыша 1382 г.?

Таким образом, у нас есть определенные основания (косвенно подкрепленные наличием здесь позднее Иноземной слободы) связывать комплекс названий *Паны – Бабий Городок – ? Наливки* (см.) с объектами древних славянских языческих культов.

Проклятое место

Сейчас Ручьи *Проклятого места* – это овражно-балочная система на правобережье Москвы-реки в Кунцевском лесопарке. По данным И. Забелина, *Проклятым местом* (оно же *Городок*) местные жители называли остатки древнего городища V в. до н. э. – IX в. н. э., соседствующего с могильником [см.: Забелин, 1873] (позднее на дьяковском Кунцевском городище существовало древнерусское поселение [см.: Кренке, 1997, 40]). По преданию, здесь во время богослужения из-за оползня ушла под землю церковь с людьми (в 1638 г. упоминается «место церковное что на Городище») [см.: Улицы Москвы, 147].

Синий камень

Это название камня в ур. Лесок зафиксировано в бывшей деревне Строгино на северо-западе Москвы [см.: Широкова, 1997, 155] (4 км от Великой Могилы).

Надежно установлено, что названия *Синий Камень* служат русскими индикаторами мерянских культовых объектов [см.: Альквист, 1995; Матвеев, 1998], причем их

сакральность осознается и русским населением [см.: Березович, 2000, 437–438]. Подобные названия известны в Архангельской, Вологодской, Костромской, Ярославской, Ивановской, Владимирской, Тверской и Московской областях [см.: Матвеев, 1998; Альквист, 1995; Шилов, 2001; Маланин, 2001, 2004а, 2004б]. Многие из известных *Синих Камней* являются так называемыми чашечниками, т. е. имеют искусственные (или доработанные естественные) углубления на верхней поверхности, в которых скапливается дождевая вода, считающаяся целебной [см.: Маланин, 1990]. К ним относится и *Синий Камень* в Строгине [см.: Маланин, 2004б]. Материалы по мифологии финно-угров позволяют предполагать, что культовые синие камни-чашечники символизируют место (точку) перехода душ умерших в страну мертвых. В Финляндии приношения подобным камням рассматриваются как жертвоприношения умершим, подземным духам, духам-покровителям [см.: Буров, 1997, 87–88].

Заметим, что далеко не все *Синие Камни* имеют синий цвет – напротив, таких меньшинство [см.: Альквист, 1995; Маланин, 2004а]. В связи с этим возникает вопрос: не является ли русское название сакральных камней народно-этимологическим переосмыслением их мерянского названия? Ср., например, мар. *sindža*, удм. *śiń*, коми *sin* ‘глаз’ [SKES, 1027]. Это, естественно, не более чем гипотеза, но, если она подтвердится, возникнет другой вопрос: не связаны ли с бытым существованием мерянских «глазовиков» (*Синих Камней*) названия московских речек: *Синичка* – левый пр. Яузы, *Синичка (Кипятка)* – правый пр. Сетуни, *Синичка (Напрудная)* – левый пр. Неглинной, *Синичка (Пресня)* – левый пр. Москвы-реки.

Болвановка (Болванка, Болвановье)

Таких названий в Москве было известно два – в Замоскворечье и на Таганке.

Положение замоскворецкой *Болвановки* сейчас фиксируют переулки 6-й Монетчиковский (до 1930 г. – *Малый Болвановский*), 1-й и 2-й Новокузнецкие (до 1954 г. – *Большой и Малый Способолвановские*). Существует доныне и церковь *Спаса Преображения на Болвановке* во 2-м Новокузнецком переулке, известная с 1465 г. Под 1490 г. Никоновская летопись называет местность *Болваново за Москвою рекою*. Летописное сообщение 1497 г. упоминает пункт *на Споляи за Болвановем* [ПСРЛ, 39, 171–172]. В некоторых летописях (например, в Никоновской [ПСРЛ, 11, 54]) под 1380 г. в числе дорог, по которым шли из Москвы полки против Мамая, значится *Болвановская*. О дороге на Рязань через *Болвановье* говорится и в документе 1521 г.

Часто указывалось, что при Иване IV *Болвановка* была местом поселения иноземных служилых людей. Во всяком случае, английский посланник Дж. Горсей сообщает: «Войско царя (во время Ливонской войны. – A. Ш.) продвинулось вглубь страны... захватывая многих пленных... Среди пленных было 85 шотландских солдат... а также трое англичан. Я добился разрешения разместить их у *Болвановки* (в оригинале *Bulvan.* – A. Ш.) около Москвы» [Горсей].

Таганская *Болвановка* находилась примерно там, где теперь расположены Верхняя и Нижняя Радищевские улицы, до 1919 г. называвшиеся *Верхняя* и *Нижняя Болвановские улицы*. Верхняя (и большая из них) улица именовалась подчас просто *Болванка* или *Николоболвановская*, а *Нижняя – Николо-Болвановский переулок*, по церкви *Николая Чудотворца на Болвановке* (стоит на углу Верхней и Нижней Радищевских улиц). Церковь документально известна с 1632 г. Но уже под 1547 г. Никоновская лето-

пись сообщает о пожаре, который начался «за Яузою на Болвановье» [ПСРЛ, 13, 152]. Здесь так же, как и в замоскворецкой Болвановке, находилась иноземная слобода. Так, И. М. Снегирев указывает на старое немецкое кладбище в районе церкви Николы на Болвановке [см.: Снегирев, 169]. Г. Штаден (1560–1570-е гг.) пишет: «По другую сторону Яузы на *Bolwan*, *Bolwanne*) живут все немецкие воинские люди, которыми Великий князь пользуется против крымского царя» [см.: Штаден, 67].

Изначально др.-рус. *болванъ* (*бълванъ*) обозначало статую, изваяние (чаще – деревянное) языческих божеств, идолов: «Михаило князь Черниговъский со внуком своимъ Борисом поехаша в Татары и бывшим имъ в станах послы Батыи к Михаилу князю веля ему поклониться огневи и *болваном* ихъ. Михаило же князь не повинуся веленью их но укори и и глухыя его кумиры» (1246 г.) [ПСРЛ, 1, стб. 471]. Эта традиция употребления слова *болван* сохранялась очень долго, ср. текст XVIII в.: «Иноверцы Березовской округи *болванов* имеют деревянных... Перед *болванами* приносят жертвы в лесах и домах» [Описания о жизни и упражнении...].

Логично заключить, что и на московских Болвановках некогда располагались капища языческого населения – славянского или более раннего [о других версиях см.: Шилов, 2004].

Заметим еще, что таганская Болвановка (капище с идолами-болванами), возможно, входила в целый комплекс языческих объектов. Близ нее (у Берниковской набережной) в 1486 г. упоминается *Городище* – очевидно, то, что позднее было известно как *Лыцково городище* [см.: Фехнер, 1949]. Само название *Лыцковой горы* может быть искажением (возможно, сознательным) первоначального *Лысая гора*. Б. А. Рыбаков полагает, что Лысые горы на территории славянского расселения служили священными языческими центрами с ярко выраженной мужской сущностью [см.: Рыбаков, 1988, 140–142].

Наливки

Наливки – урочище в Замоскворечье в районе современных 1-го и 2-го Спасоналивковских переулков (об их названиях в разное время см.: [Улицы Москвы, 275]) между ул. Большая Якиманка и Большая Полянка. С 1642 г. здесь находилась Спасопреображенская церковь, разрушенная в 1930 г. [см.: Романюк, 1992, 262]. Она носила народное название *церковь Всемилостивого Спаса что в Наливках* (1745 г.) [см.: Памятники..., 1981, № 198].

Наливки (*Nalifky*) известны по документам с 1560-х гг. как место расположения «немецкого» кладбища, где хоронили иноземцев западно-европейского происхождения [см.: Штаден, 117, 134]. На кладбище в Наливках найдено надгробие Каспара фон Эльферфельдта 1562 г. [см.: Чернов, 1997, 64]. Иноземная же слобода располагалась к северо-западу от Наливок (см. выше *Паны*).

С язычеством название *Наливки* нам позволяет связать текст одного из постановлений Стоглавого Собора 1551 г.: «В первый понедельник после Петрова поста в рощи ходят и в наливки бесовские потехи деяти. Чтобы в рощи не ходили и в наливках бесовских потех не творили, понеже все то прелесть бесовская, а православным христианам не подобает тако творити» [Стоглав, 142; о других версиях см.: Улицы Москвы, 275].

Заметим, что рощи («рощения») в летописях и иных документах регулярно указываются наряду со священными источниками как места языческих молений и празд-

неств: «и кожно своя норовы прияша по дьяволю очению ови рощениемъ и кладезямъ и рѣкамъ жрях и не познаша Бога» (ПВЛ под 986 г.) [ПСРЛ, 1, стб. 91]. (О почитании славянами-язычниками родников, священных рощ и отдельных деревьев см.: [Максимов, 1995, 426–429, 467–474]).

К сожалению, имеющиеся данные не позволяют уточнить семантику и соответственно этимологию слова *наливки*. Во-первых, напрашивается сопоставление с глаголами *лить*, *наливать*, т. е. *наливки* – это источники, родники (с особо вкусной или целебной водой). Во-вторых, можно предположить, что *рощи* и *наливки* вышеприведенного текста – это синонимы, ср. типологически сходное *по курганам и коломицам* в грамоте Макария (см. *Коломенское*). В многотомной «Истории Москвы» говорится (неизвестно на каких основаниях), что *наливки* – рощи среди полей. Это мнение разделяет С. К. Романюк: «Было бы вполне правдоподобно видеть эти самые наливки-рощи здесь, в Замоскворечье» [Романюк, 1992, 262], т. е. *наливки* рассматриваются как географический термин, не несущий культовой окраски. В связи с этим ср. морд. *нал* (мн. ч. *налехть*) ‘роща’.

Кукуй

Кукуй – историческая местность Москвы на правом берегу Яузы (до относительно недавнего времени существовал ручей Кукуй, протекавший вдоль Плетешковского и Большого Демидовского переулков и впадавший в Яузу близ Елизаветинского переулка). Для жителей Москвы это название было синонимично названию *Немецкая слобода*.

Начало Немецкой слободе на Кукуе было положено во время Ливонской войны, в ходе которой была взята масса пленных. О существовании слободы в конце XVI в. документы свидетельствуют следующим образом. Брат датского короля Иоанн в Москве во время сватовства к дочери Годунова Аксинье заболел. «Королевич же и умре не крещонъ. Царь же Борисъ повель его погрести по ихъ вѣрѣ, и погребоша его въ слободѣ въ Кукуѣ у ропаты Немецкой» [ПСРЛ, 14]. Ср. также: «На севере [Москвы] живут немецкие стрелки и русские стрельцы» [Штаден, 87].

Слобода была сожжена поляками в 1610 г., но вскоре там вновь начали селиться «немцы», о чем свидетельствует документ 1638 г. [см.: Романюк, 2001, 403]. Официально Ново-Немецкая слобода, куда указом Алексея Михайловича были выселены все неправославные иноземцы (католики и лютеране), была образована в 1652 г.

Общепринятое объяснение названия *Кукуй* связывает его с диалектным географическим термином *кукуй* в значении ‘небольшой лесной остров, роща среди полей’ [см.: Смолицкая, Горбаневский, 1982, 38; Романюк, 2001, 405]. Это значение можно, конечно, принять для истолкования относительно поздних топонимов. Многие ойконимы Русского Севера³ объясняются из *кукуй*, *кукуй* ‘конец деревни, расположенный в стороне от других; выселок’ [см.: Березович, 2000, 161; Матвеев, 143–144]; так же, вероятно, следует объяснять и название зеленоградской *Кукуевки* [см.: Улицы Москвы, 146]⁴.

³ О связи московского *Кукуя* с топонимами Русского Севера см.: [Снегирев, 1865, 164].

⁴ Э. М. Мурзаев приводит *кукуй* ‘поле; кладбище’ (Пермская обл.), ‘малоплодородный участок с песчаной почвой’ (Кировская обл.), ‘перелесок’ (центрально-черноземные обл.), ‘выселок’ (Забайкалье), *кукуй* ‘небольшая лесная роща; колок среди открытых степных ландшафтов’ [Мурзаев, 1, 290, 319].

Однако в случае с более ранними названиями дело обстоит, видимо, иначе. Во-первых, приведем рассказ Адама Олеария (первая треть XVII в.): «когда, бывало, жившие там (на Кукуе, т. е. в Немецкой слободе. – *A. III.*) жены немецких солдат увидят что-либо странное в проходящих случайно русских, то говорили обыкновенно между собою “*Kuck, Kucke sie!*!” – “Глянь, глянь сюда!”». Что русские повернули в срамное слово... Немцы жаловались царским дьякам на позорное поношение, те хватали, кнутобойничали, но охальники не переводились» [см.: Романюк, 2001, 405].

Во-вторых, обратим внимание на характер ряда объектов, названных аналогично. *Кукуй* – самая высокая башня Новгородского кремля; деревня *Горка-Кокуй* в Никольском районе Вологодской области и *Кокуй* – народное название высокого обрывистого берега р. Миляш [Кузнецов, 1999, 91]; *Кокуй* – приток р. Серебрянка в бассейне р. Чусовая [Матвеев, 2000, 143–144]. Ср. также горки *Kukoimägi*, *Kukazmägi*, *Кукуй*, д. *Коукой* [Муллонен, 1994, 66–67].

Учитывая эти факты, обратимся к древнейшим значениям слова *кукуй* (*коукой*) и происхождению его в русском языке.

Согласно М. Фасмеру, название *Коукой* – Иванов день (Купала) пришло в русский язык из приб.-фин. **kokkoi*, ср. *kokko* ‘праздничный костер; конусообразная куча’ [Фасмер, 2, 284]. Финские данные Фасмера далеко не полны, о чем ниже.

Купала (Кукуй) был, пожалуй, наиболее эротически окрашенным из всех русских языческих праздников: «Против праздника Рождества великого Ивана Предтечи в ночи и на самый праздник в весь день и ночь мужи и жены и дети в домах и по улицам обходя и по водам глумы творят всякими играми и всякими скоморошествы и песнями сатанискими и плясками гуслми и иными многими виды» [Стоглав, 390]. А вот свидетельство игумена Пимена (конец XVII в.): «Когда придет тот самый праздник, мало не весь град возьмется в бубны и соплы играть... и всякими непотребными играми соганинскими, плесканием и плясанием услаждати. Женам и девкам всескверным – песни, хрептом их вихляние, ногам скакание и топтанье, а мужам и отрокам – великое падение на женское и девичье шатание» [цит. по: Кузнецов, 1999, 47]. Любопытна и запись, сделанная Ричардом Джемсом в Холмогорах в 1619 г.: «*Купальница* – 23 июня, когда совершается большой крестный ход в честь Ивана Крестителя и бывает большое пьянство» [цит. по: Ларин, 2002, 306]. Заметим, что одним из непременных атрибутов праздника был костер, зажигавшийся на возвышенном месте, которое также называлось *Кукуй* (*Коукой*).

Теперь приведем полные финские данные:

~ фин. *kokko* ‘конусовидный, конический предмет, куча, копна; костер под Иванов день; сторожевой костер’, карел. *kokoi* ‘высокий, конусообразный костер под Иванов день’ (> рус. *коукой* ‘Иванов день’); ливв. *kokku*, люд. *kokk*, вепс. *kok*, манс. *kok* ‘penis’ [SKES, 209];

~ фин. *kukku*, карел. *kukkura* ‘конусовидная вершина, макушка’; вепс. **kuk* ‘горка, холм’ [SKES, 232–233].

Финский материал указывает на первоначальное значение основы *kuk-/kok-* ‘(отдельное) возвышение’, из которого и развивается позднейший комплекс значений, объемлющий разные стороны одного языческого обряда: ‘(праздничный) конусовидный костер’; ‘Иванов день (Купала)’ – явно уже под русским влиянием; ‘penis’.

Надо полагать, что русские не «повернули чужую речь на срамное слово» (как полагал Олеарий), а прекрасно знали о том самом значении слова *кукуй*, которое было

среди прочих присущие финским языкам. Здесь же заметим, что приведенное В. И. Далем «Вот тебе кукуй, с ним и ликуй!» скорее всего отражает не название женского головного убора, а то самое срамное слово.

Так или иначе, но весьма вероятно, что московский Кукуй был местом веселых языческих празднеств.

Итак, результаты наших поисков оказались небогаты: только 9 видов топонимов для 14 объектов. Но и эти сведения драгоценны – они свидетельствуют о духовной жизни населения начальной Москвы. Правда и то, что не все приводимые толкования названий бесспорны: к таковым мы уверенно относим лишь интерпретации топонимов *Коломенское* и *Коломенки*, *Великая Могила*, *Болвановки* и *Синий Камень*. Обратим, однако, внимание на то, что все приведенные названия (за исключением *Синего Камня*, *Проклятого Места* и тех, что связаны с курганными могильниками) приурочены к бывшим иноземным слободам. Едва ли это совпадение случайно. Вполне вероятно, что земли для колоний и кладбищ иноземцев, точнее – иноверцев (но не мусульман), сознательно выделялись на территориях, «оскверненных» былыми языческими калищами и местами языческих игрищ.

-
- Альквист А.* Синие камни, каменные бабы // Suomalais-ugrilaisen seuran Aikakauskirja. 1995, V. 81. S. 7–32.
Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930.
Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.
Бойцов И. А. Реконструкция ландшафтов средневековой Москвы // Природа. 1997. № 4. С. 45–60.
Буров В. А. Образ мировой горы у новгородских кривичей и словен // Истоки русской культуры (археология и лингвистика). Материалы по археологии России. Вып. 3. М., 1997. С. 87–98.
Винокурова И. Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX – начало XX в.). СПб., 1994.
Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.
Горсей Д. Записки о России. XVI – начало XVII в. М., 1990.
ДАИ – Дополнения к актам историческим, собранным и изданным археографическою комиссию. Т. 1. СПб., 1846.
ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
Добродомов И. Г. Город Коломна (топонимический этюд с источникovedческими экскурсами) // Топонимия России. М., 1993. С. 55–73.
Забелин И. Кунцево и древний Сетунский стан. М., 1873.
Замалеев А. Ф., Овчинникова Е. А. Еретики и ортодоксы. Очерки древнерусской духовности. Л., 1991.
Кренке Н. А. Москва от века к веку // Природа. 1997. № 4. С. 33–44.
Кузнецов А. В. Болванцы на Лысой горе. Вологда, 1999.
Кузьмин С. Л. Крещение и христианизация Новгородской земли: акт и процесс по данным археологии // Церковная археология. Ч. 1. СПб.; Новгород, 1995.
Ларин Б. А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2002.
Летова И. А. О следах языческих представлений в русской топонимии // Вопр. ономастики. Свердловск, 1982. С. 32–44.
Максимов С. В. Культ хлеба. Нечистая, неведомая и крестная сила. Смоленск, 1995.
Маланин И. Д. Следы языческих времен? // Атеистические чтения. Вып. 19. М., 1990. С. 12.

- Маланин И. Д.* Предварительная проверка некоторых историко-культурных камней в 1999–2000 гг. // Географическое краеведение: (Материалы III Всерос. науч.-практ. конф.). Владимир, 2001. С. 95–102.
- Маланин И. Д.* Материалы разведки Синих камней Подмосковья в 2003 году // Краеведение и регионоведение: Межвуз. сб. науч. тр. Ч. 1. Владимир, 2004а. С. 86–92.
- Маланин И. Д.* В Подмосковье обнаружены петроглифы! // Мир зазеркалья. М., 2004б. № 6. С. 12.
- Матвеев А. К.* Мерянская топонимия на Русском Севере – фантом или феномен? // Вопр. языкоznания. 1998. № 5. С. 90–105.
- Матвеев А. К.* Географические названия Свердловской области. Екатеринбург, 2000.
- Муллонен И. И.* Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994.
- Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов: В 2 т. 2-е изд. М., 1999.
- Мызников С. А.* Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004.
- НГБ – Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские берестяные грамоты из раскопок 1997–2000 гг. М., 2004.
- Описания о жизни и упражнении обитающих в Туруханской и Березовской округах ясачных иноверцев (1782 г.) // Сов. этнография. 1947. № 1.
- Паламарчук П. Г.* Сорок сороков. Т. 1–4. М., 1992–1995.
- Памятники московской деловой письменности XVIII века. М., 1981.
- Память и похвала мниха Владимиру // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. Вып. 37. М., 1963.
- Попов А. И.* Топонимическое изучение Восточной Европы // Уч. зап. Ленинград. гос. ун-та. № 105. Сер. востоковед. наук. Вып. 2. Сов. финно-угроведение. Л., 1948. С. 103–113.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. СПб.; Пг.; Л.; М., 1841–2003. Т. 1–42.
- Путешествие Ибн-Фадлана по Волге / Под ред. И. Ю. Крачковского. М.; Л., 1939.
- Рабинович М. Г.* Урочище Чертолье и древний центр Москвы // Всесоюзная научно-практическая конференция «Исторические названия – памятники культуры» (17–20 апреля 1989 г.): Тез. докл. и сообщ. М., 1989. С. 73–74.
- Романюк С. К.* Из истории московских переулков. М., 1988.
- Романюк С. К.* Утраты. М., 1992.
- Романюк С. К.* По землям Московских сел и слобод. Ч. 1. М., 2001.
- Русанова И. П.* Культовые сооружения и жертвоприношения славян-язычников // Истоки русской культуры (археология и лингвистика): Материалы по археологии России. Вып. 3. М., 1997. С. 47–62.
- Рыбаков Б. А.* Язычество древней Руси. М., 1988.
- Рябинин Е. А.* Меря // Природа. 1994. № 1. С. 28–36.
- СГГД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1–2. М., 1813–1819.
- Седов В. В.* Гидронимические пласти и археологические культуры Центра // Вопр. географии. Вып. 94. М., 1974. С. 20–33.
- Смолицкая Г. П., Горбаневский М. В.* Топонимия Москвы. М., 1982.
- Снегирев И. М.* Москва: подробное историческое и археологическое описание города. Т. 1. М., 1865.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1966–... . Вып. 1–... .
- Стоглав. Казань, 1862.
- Ткаченко О. Б.* Мерянский язык. Киев, 1985.
- Топоров В. Н.* Baltica Подмосковья // Балто-славянский сборник. М., 1972. С. 217–280.
- Улицы Москвы: Старые и новые названия (топонимический словарь-справочник). М., 2003.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1964–1973.
- Фехнер М. В.* Москва и ее ближайшие окрестности в XV и начале XVI века // Материалы и исследования по археологии СССР. № 12. М.; Л., 1949. С. 106–124.
- Чернов С. З.* Округа Москвы в XIII–XIV вв. // Природа. 1997. № 4. С. 61–73.
- Шилов А. Л.* Паны на Русском Севере // Материалы для изучения селений России: (Докл. и сообщ. VI Рос. науч.-практ. конф. Н. Новгород, ноябрь 1997 г.). Ч. 2. М., 1997. С. 89–91.

- Шилов А. Л.* О мерянских топонимических индикаторах (голос в дискуссии) // Вопр. языкоznания. 2001. № 6. С. 13–27.
- Шилов А. Л.* Битца и Гвоздянка // Рус. речь. 2002. № 6. С. 95–97.
- Шилов А. Л.* Московская Болвановка // Рус. речь. 2004. № 3. С. 78–83.
- Широкова И. О.* Материалы по ономастике бывшей деревни Строгино XX века // Материалы для изучения селений Москвы и Подмосковья: (Докл. и сообщ. V Регион. науч.-практ. конф. «Москва и Подмосковье», Егорьевск, 29–30 мая 1996 г.). М., 1997. С. 152–160.
- Штаден Г.* О Москве Ивана Грзного. Записки немца опричника. Л., 1925.
- Mägiste J.* Merjalaisten kansallisusnimi ja merjalaisprobleemi // Virittäjä. 1966. № 1. S. 114–120.
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Osa 1–6. Helsinki, 1955–1978.

* * *

Алексей Львович Шилов – доктор химических наук, ведущий научный сотрудник Института общей и неорганической химии РАН, член Русского географического общества (Москва).

В. В. Напольских

**ВЯТКА, ДЖУЛМАН, ЮГРА И СИБИРЬ
В АРАБСКОМ ИСТОЧНИКЕ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIV В.**

*In the encyclopedia of Egyptian al-^cUmari (the first half of XIV c.) describing the geography of Golden Horde and, in peculiar, its part – the Volga Bulgaria the toponyms **Afatkun**, **Julman**, **Seber** and **Yuhra**. Al-^cUmari's information was received in course of close relations between the Mamluk Egypt and Golden Horde from the people who visited the described lands and obtained therefore something new, reflecting the actual contemporary situation. Basing on the reliable publication of al-^cUmari's work by W. Tiesenhausen and using other sources the author discusses the problem of localization and identification of the toponyms. There is a possibility to connect **Afatkun** with Vyatka (probably it's the earliest appearance of the name in Eastern sources) and **Julman** with the Chulym river in Siberia on the one hand and with Novgorod and Lower Kama region – on the other. The form of the name **Yuhra** by al-^cUmari shows its Old Russian origin.*

Исторический контекст

В 1250 г. власть в Египте захватили мамлюки – представители профессионального полусвободного воинского сословия, в то время преимущественно тюрки, проданные в рабство и воспитанные как профессиональные воины или бежавшие от монголов и ставшие наемниками. Так сложился Каирский (Мамлюкский, Тюркский) султанат, бывший до турецкого завоевания могущественнейшим государством Ближнего Востока. Уже в 1263 г. победитель крестоносцев Бейбарс, ища поддержки в борьбе с хулагидским Ираном, признал формальное подчинение султаната Золотой Орде. Эти связи сохранялись на протяжении всей истории обоих государств и способствовали проникновению в Египет сведений о золотоордынских землях, что называется, «из первых рук», вместе с многочисленными посольствами, купцами, путешественниками и с набираемыми из числа кыпчаков, черкесов, русских и других народов Орды новыми мамлюками. Сведения эти, надо полагать, были весьма востребованы политической и

торговой элитой султаната, они значительно расширили пределы арабской географии и умножили знания арабов о северных странах. Этот приток новой информации нашел отражение в произведениях своеобразного жанра арабской географической литературы – энциклопедиях, составлявшихся с начала XIV в. чиновниками египетского султанского двора [см.: Крачковский, 2004, 399–415; Поляк, 1964, 29–31].

Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что информация, содержащаяся в энциклопедиях мамлюнского времени – по крайней мере в тех случаях, когда сами авторы указывают на происхождение ее от современников, – может быть новой (не восходящей к арабской литературной традиции) и полученной на месте, в Золотой Орде, отражая, таким образом, ситуацию не ранее начала XIV в.

Сведения, послужившие основой для этих заметок, оставил Шихаб ад-Дин Ахмед ибн Яхья ибн Фадлаллах аль-^сУмари ад-Димашки (1301–1349), уроженец Дамаска, получивший образование в Египте. Он был преемником своего отца на должности государственного секретаря султана Египта. Основной труд его – обширная энциклопедия «Масалик аль-абсар…», составленная в 40-е гг. XIV в., высоко оценивалась современниками и исследователями [см.: Крачковский, 2004, 405–411]. Выдержки из нее опубликованы в [Тизенгаузен, 1884], однако, как писал еще в середине прошлого века И. Ю. Крачковский, «следует попутно отметить, что переводы этих материалов и выведены из них Тизенгаузена теперь требуют детальной проверки и уточнения на основе новых источников и изданий, которые стали доступны науке за 60 лет, протекших со времени выхода его эпохального труда» [Крачковский, 2004, 411].

I

Первая из интересующих нас тем в труде аль-^сУмари изложена со слов аль-Гарра Хасана аль-Арбели, который передавал рассказ «странствующего купца» Бадр ад-Дина Хасана ар-Руми (арабский текст и перевод см.: [Тизенгаузен, 1884, 215–217; 236–239]). Здесь и далее в перевод внесены минимальные исправления, прежде всего в части чтения интересующих нас онимов: они даются так, как записаны в арабском тексте, а не так, как их передавал в своем переводе Тизенгаузен¹.

Границы этого государства <<царства Кыпчакского>>, т. е. Золотой Орды> со стороны Джейхуна <Аму-Дарьи>: Хорезм, Саганак, Сайрам, Яркенд, Дженд, Сарай, город Маджар, Азак, Акчакерман, Кафа, Судак, Саксин, Укек, Булгар, области *Себер* и *Ибер*, *Башкард*₂ и *Джулман*₃; потом за *Джулманом* границы владений *Себер* и *Ибер* прикасаются пределов земель *Хатайских*₄. Город Баку, – говорил он, – один из городов Ширванского края, и близ него Железные Ворота, которые тюрки называют Демиркапу. От Железных Ворот, которые означают город Баку, до пределов Хатайских земель со стороны *Себер* и *Ибер* караван бывает в пути 5 месяцев. Это длина этого государства, а от реки Джейхуна до реки Дуная – ширина этого государства. Из больших рек в этом государстве известны Сейхун, Джейхун, Дунай, Итиль, Яик, Дон и Торлу <...>.

Из известнейших городов его <Золотой Орды> – Булгар; самая короткая ночь его 4,5 часа. Хасан ар-Руми рассказывает: «Потом я расспросил об этом Мас^суда, определятеля времени молитв в Булгаре. “Мы исчислили ее, – сказал он, – посредством астрономических инструментов, и нашли, что она – 4,5 часа с небольшим. Это крайняя убыль ночного времени там. Что касается *касабы Афаткун*₅, то мы

¹ Комментируемые онимы выделены курсивом, цифры в нижнем регистре указывают на номер комментария.

и там делали наблюдения над ним и нашли, что самая короткая ночь там длится 3,5 часа, короче булгарской ночи на один час”».

Далее в одной из рукописей – вставка о фетве, присланной в Хорезм и Бухару от жителей *Себера* и Булгара, о том, что ночь у них продолжается всего три часа, так что невозможно успеть совершить и прием пищи и утреннюю молитву в темное время суток во время поста.

«Междуд Булгаром и Афаткуном, – говорит он, – расстояние 20 дней обыкновенной ходьбы. Слово *касаба* по терминологии персов значит ‘маленький город’. За *Афаткуном*, – говорил он, – *Себер* и *Ибер*, потом за ними земля *Джулман*. Когда путешественник едет от *Джулмана* на восток, то он приезжает к городу Каракоруму, а далее – в землю Хатайскую, в которой Великий Кан. Это (одна) из земель китайских (*Син*)⁴. Когда же путешественник, – говорил он, – едет на запад от него <Джулмана>, то он приезжает в землю русских, потом в страну франков и к обитателям Западного моря»». «В настоящее время, – говорю я, – пребывание Великого Канна – Ханбалык». «Страна *Себерская* и *Джулман*, – продолжал он <Хасан ар-Руми>, – прилегают к *башкардам*, В земле *башкардов* <находится> мусульманский кади, пользующийся почетом. В землях *Себерских* и *Джулмане* сильная стужа; снег не покидает их в продолжение 6 месяцев. Он не перестает падать на их горы, дома и земли. Вследствие этого у них очень мало скота. Это обитатели сердца Севера. Приезжает к ним мало людей, и пищи у них мало. Рассказывают про них, что наберет кто-нибудь из них kostи какого бы то ни было животного, потом варит их, сколько ему понадобится, и затем бросает их. После семи раз в них не остается никакого жира. Несмотря на стесненную жизнь <их>, – говорил он, – нет между (разными) родами рабов красивее их телом и лучше их по близи. Фигуры их – совершенство создания по красоте и удивительной прелести; глаза у них голубые».

Комментарии и выводы

1. *Себер* и *Ибер* (سَبَر وَابِر). Такой вариант встречается трижды, перед этим названием встречается слово ‘области’ (أَعْمَال) во множественном числе, благодаря чему ясно, что речь идет о нескольких объектах, поэтому букву «вав» в этом комплексе следует понимать как обозначение арабского союза ‘и’. Таким образом, чтение *Себер* и *Ибер* правомерно считать основным (ср. *Сибирь* и *Ибирь* у Тизенгаузена; см. также ниже). На полвека позже аль-‘Умари баварский рыцарь Иоганн Шильтбергер, попавший в плен к туркам и проведший на Востоке более 30 лет с 1394 г., сообщает о находящейся где-то в северо-восточных пределах Золотой Орды стране *Ibissibur*, где люди ездят на собаках, запрягая их в санки, и куда ездили *Obermann* Золотой Орды *Edigi* (имеется в виду основатель Ногайской Орды беклербек Эдиге, *Идегей* татарского эпоса [см. о нем: Трапавлов, 2002, 72 и след.]). «В той стране имеется гора *Arbuss*, за которой тянется пустыня до конца мира. Там обитают дикие люди, бегающие по горам и питающиеся подножным кормом, все сплошь заросшие шерстью. Там также имеются лошадиростом с ослов» [Schiltberger, 74–75]. *Ibissibur* Шильтбергера и *Себер* и *Ибер* аль-‘Умари скорее всего имеют один и тот же ономастический прототип-композит, компонент *-sibur* /*c-b-r* которого должен считаться одним из ранних упоминаний названия *Сибирь*. Компонент *Ibis-/u-b-r* (чтение первого «алифа» у аль-‘Умари как *i* подтверждается данными Шильтбергера) пока не идентифицируется.

Речь идет во всяком случае о юге Западной Сибири, Тобольско-Тюменском регионе.

2. *Башкард* (بَاشْقَرْد). Имя *башкард* (у аль-‘Умари дана форма, практически совпадающая с приводимой еще Ибн Фадланом) в арабско-персидской средневековой географической литературе может служить для обозначения предков венгров и башкир. Традиция объединения этих двух этнонимов под одним именем, связанная с фонети-

ческим их сходством, вхождением в состав обоих народов одних и тех же компонентов и с версией происхождения венгров с территории Башкирии, восходит как минимум к началу X в.: Ибн Русте (начало X в.) называет жителей страны между печенегами и булгарскими Эск-л (т. е. примерно территории современной Башкирии) *мадъарами – м-дж-з-р* (مجـرـ، у Mac^cуди (середина X в.) европейские венгры названы *б-дж-з-р-д* بـجـرـد), у аль-Балхи (сер. X в.) уже и мадъары, и башкиры – *б-и-дж-р-д* (شـجـرـد) и т. д. [см.: Хвольсон, 1869, 103–115; Marquart, 1903, 515–517; Левицкий, 1978]. Соответственно, *башкард* – не обязательно именно башкиры, но возможно также и венгры. Наличие уважаемого мусульманского кадия более вероятно среди мусульман в Венгрии, чем среди башкир, у которых ислам в те времена еще не укоренился.

Ниже, уже в другой теме, аль-Умари со слов Шуджа ад-Дина Абд ар-Рахмана аль-Харезми сообщает о том, что «пределы всего царства Узбекова <простираются> в длину от Дергана Хорезмского на востоке до *Башгарда*, а в ширину от Хорезма до крайних пределов земли Сибирской, из которой вывозятся соболь да серая белка» [Тизенгаузен, 1884, 221, 243]. Ясно, что западная граница Золотой Орды может быть маркирована никак не Башкирией, но Венгрией, и, таким образом, у аль-Умари название *Башгард* (باشـگـارـد) также фиксируется в значении ‘Венгрия’.

3. *Джулман* (چـوـلـمـانـ). Это название Тизенгаузен читал как *Чулман*, видимо, связывая его с Чулман (татарским названием верхней Камы) или, может быть, с Чульым (названием притока Оби). Связь с Чульмом обсуждается ниже, сходство же с татарским названием Камы очевидно, что вызвало к жизни гипотезу о соотнесении земли *Джулман* аль-Умари с Верхним Прикамьем, точнее – с памятниками родановской археологической культуры [см.: Белавин, 2000, 32, 237–238]. Главным недостатком этой гипотезы является ее явный анахронизм: очень странно выглядит упоминание страны верхнекамских городищ в арабских источниках только в середине XIV в., т. е. когда большинство этих городищ перестает существовать, а те, что остаются (прежде всего – Великая Пермь, район Чердыни), ориентированы не на Булгар и Золотую Орду, а на Новгород и Москву, тогда как арабским авторам домонгольского времени это имя совершенно не известно – см. ниже о *касабе Афатқун*.

Следует также иметь в виду, что Чулман не всегда было названием именно верхней Камы. Так, в татарской версии эпоса об Идегее (отражает реалии начала XV в., лишь на полвека с небольшим позднее информации аль-Умари) оно применяется ни в коем случае не к далекому северу, а к самым низовьям Камы: на Чулмане стоит город Джукетау (возле современного г. Чистополя), Чулман переходят герои эпоса по пути от Казани к истокам р. Ик [Идегей, XII]. Неоднократно в эпосе при описании булгарских земель упоминается пара Чулман и Нократ, т. е. Кама и Вятка, причем рядом с другой парой – Идел и Яик (Волга и Урал) [Там же, IX]. Если исходить из того, что имя *Итиль* (тат. *Идел*) применялось в XIV–XV вв., как и в настоящее время, к реке, образуемой течением Белой – нижней Камы – нижней Волги, то употребление названия Чулман как обозначения (еще одного?) нижней Камы необъяснимо. Остается полагать, что Итиль и Чулман – названия, происходящие из двух различных топонимических традиций (может быть, первое – из старой, еще хазарско-булгарской, а второе – из кыпчакской, золотоордынской), соотношение которых друг с другом в XIV в. еще не устоялось. Как бы то ни было, для нас важно следующее: считать, что название Чулман употреблялось в XIV в. предками татар именно по отношению к бассейну верхней Камы, к стране родановских городищ, нет никаких оснований.

Совместное употребление *Чулман* и *Нократ* в татарском эпосе, с учетом происхождения татарского названия Вятки, *Нократ*, от названия Новгорода, заставляет внимательнее отнестись к гипотезе А. Н. Поляка: он связывал *Джулман* аль-‘Умари со скандинавским названием Новгорода, *Hylmgarpr*, поскольку **جولمان**^{в египетском произносится как Голман, а обозначение звука типа *g* в иноязычных словах буквой «джим» в арабской традиции – общее место (ср. хотя бы написание *فرنج* для слова *frang(u)* – франки) [см.: Поляк, 1964, 36]. Считается, что скандинавские названия Новгорода *Austregarpr* и *Hylmgarpr* (арабская передача последнего реконструируется как *Холмкар, *Холмъ-городъ см. [Джаксон, 2001, 83–93]. Кама и Вятка служили путями, по которым на Нижнюю Волгу, в Золотую Орду, проникали новгородцы, что и отражено в татарском названии Вятки. Вполне допустима возможность применения книжного, пришедшего из географической традиции (в отличие от собственно казанского *Нократ*) названия Новгорода, *Холман > *Голман > (с гиперкорректным чтением буквы «джим» как *дж*) *Джулман* > *Чулман* (о переходе *дж-* в *ч-* в татарском см. ниже) к реке Каме (в представлении татар и Вятка, и Кама выше устья Белой являются правыми притоками Итиля).}

Однако, судя по порядку названий в приводимом списке, страна *Джулман* здесь должна находиться на востоке от *Себер* и *Ибер* (во всяком случае, восточнее земли *Башкард*), на границе с Монгoliей и северным Китаем («Когда путешественник едет от *Джулмана* на восток, то он приезжает к городу Каракоруму, а далее – в землю Хатайскую, в которой Великий Кан»). Следовательно, речь может идти только о какой-то территории на юго-востоке Западной Сибири. В связи с этим нельзя не вспомнить о другой гипотезе, согласно которой *Джулман* связывается с сибирским *Чулымом*, а описанный в этой и во второй теме аль-‘Умари (см. ниже) путь интерпретируется как «самый северный торговый путь, идущий из Франции через Поволжье, Сибирь, Чулым и Енисей в Монголию и Китай» [см.: Кызласов, 1984, 120–121]. Причулымье еще в X–XIII вв. вошло в состав государства енисейских киргизов и играло важную роль в связях между Западной Сибирью и Минусинско-Абаканским регионом и далее – Монголией. Не исключено, что сюда еще в IX в. киргизы переселили некоторую часть подчиненных ими уйгурских родов [см.: Беликова, 1996, 136, 139, 143]. Все это точно соответствует местонахождению страны *Джулман* между Сибирью и Китаем у аль-‘Умари и перекликается с сообщением Й. Шильтбергера о том, что в стране *Ibissibur* «живут люди, верующие во Христа и Святую Троицу, имеющие храм. Этот народ называется *Uigur*» [Schiltberger, 75].

Для названия *Чулман* можно предложить тюркскую этимологию: тюрк. (у Махмуда Кашгарского) *ıulyman* (*ıylimdən*) ‘скопившаяся, застойная вода’, вероятно, связано с корнем *iwl-/ıql-* ‘убывать, иссякать (о воде)’ [ДТС, 156, 157]. Этот термин мог относиться к разным водным объектам. Не совсем ясно, правда, почему таким образом именуется полноводная Кама с ее сильным и быстрым течением; единственным объяснением может быть предположение о народной этимологии книжного Голман (*Джулман*) «Новгород(ская река)», точнее – о замене непонятного книжного названия *Джулман* распространенным тюркским гидронимом *Чул(ы)ман*.

Итак, страна *Джулман* аль-^сУмари может соотноситься с разными территориями. Однако ни употребление названия *Чулман* в эпосе об Идегее, ни размещение страны *Джулман* аль-^сУмари между Сибирью и Китаем никак не позволяют связывать это название с районами верхнего Прикамья, и гипотеза А. М. Белавина не может быть принята (см. также комментарий 6).

4. (Земли) *Хатайские* (خاتم). Здесь перед нами тюркское название северного Китая – *Qytaj*. Ниже оно поясняется арабским названием Китая *Син* (صين).

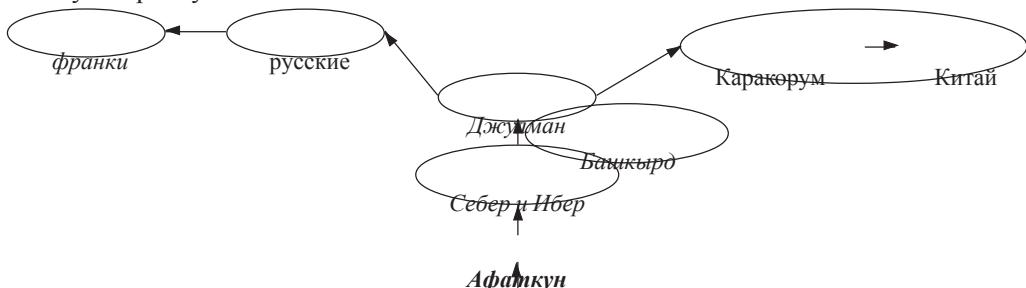
5. (Касаба) *Афаткун* (افتکون). *Касаба* قصبة по-персидски означает ‘селение, небольшой город’. Тизенгаузен дает два варианта из рукописи: *افیلون* *اھیلۇن* (*аф-и-лун*) и *افتکون* *اھـمـتـكـون*, в других случаях в рукописи стоит, видимо, второй вариант, но без точек. Свое прочтение Тизенгаузен комментирует так: «Картмер читал *أھـکـوـل* *Аھـکـوـل* и принимал это имя за название vogulov. Читая *Ақикул*, я предполагаю, что в этом названии кроются слова *اق* ‘белый’ и *كول* ‘озеро’ (Белозерск?). Или это искажение слова *Весь?*» [Тизенгаузен, 1884, 216, 237]. Ясно, что для чтения Тизенгаузена в самом тексте нет никаких оснований. Согласно А. Н. Поляк [1964, 35], написание *افتکون* *اھـمـتـكـون* подтверждается и рукописями сочинения египтянина Шихаб ад-Дина абу-л-^сАббаса Ахмеда ибн ^сАли аль-Калькашанди (1412 г.), которое в значительной своей части является компиляцией труда аль-^сУмари [см. о нем: Крачковский, 2004, 411–416]. А. Н. Поляк предлагает читать это слово как *Афаткун* и соотносит его с названием *Вятка*, точнее – с формой типа **Вяткино* (село) или **Вяткин* (городок). Передача начального звука типа русского *v*- в арабской записи буквой «фа» общепринято (см., например, совр. араб. *فولغا* – Волга). Проблему представляет начальный «алиф»; может быть, следует читать *Ифаткун*, где *i*- отражает мягкость русского начального согласного?

Что касается локализации касабы *Афаткун*, то, судя по продолжительности ночи (короче на один час, чем в Булгаре), она должна была лежать в пределах 57°62' и 58°40' с. ш. [см.: Пастушенко, 3]. В этих пределах находятся самые южные из средневековых городищ верхнего Прикамья, прежде всего Рождественское, с которым А. М. Белавин и И. Ю. Пастушенко связывают *Афаткун*, но сюда же попадают и города Вятской земли: Котельнич, Хлынов, Никульчин. Указание на расстояние в 20 дней пути малоинформативно, поскольку не ясен маршрут. Если он шел вдоль больших рек (Кама, Вятка), то от Булгара до Рождественского более 850 км, что явно выходит за пределы «20 дней обычной ходьбы», а до Кирова около 700, что с трудом, но укладывается в эти пределы. С другой стороны, если путь шел через Казань, далее по Арской дороге на Малмыж, а оттуда вдоль Вятки к Кирову, а по современному Сибирскому тракту (только если этот путь существовал в XIV в.) – к Рождественскому, то расстояние почти одинаково (около 600 км). Если же считать не до Кирова, а до Котельнича или предполагать существование сухопутного спрямленного пути от Малмыжа к Кирову, то расстояние до Вятской земли в обоих случаях сокращается почти на сто километров, и становится явно предпочтительнее.

Однако важнейшее значение имеет здесь хронологический фактор: информация, отраженная в сочинении аль-^сУмари датируется не ранее чем началом или скорее первой половиной XIV в., т. е. временем, когда Рождественское городище, равно как и другие городища южной части родановского ареала (севернее помещать *Афаткун* никак не возможно, судя по расстоянию до Булгара), если еще и функционировало, то доживало последние свои дни. Не странно ли, что именно в это время оно впервые появляется

в письменных источниках? С другой стороны, выход на историческую арену Вятской земли происходит именно в начале XIV в. и появление упоминания о ней в источнике, отражающем новейшие данные именно этого времени, вполне естественно.

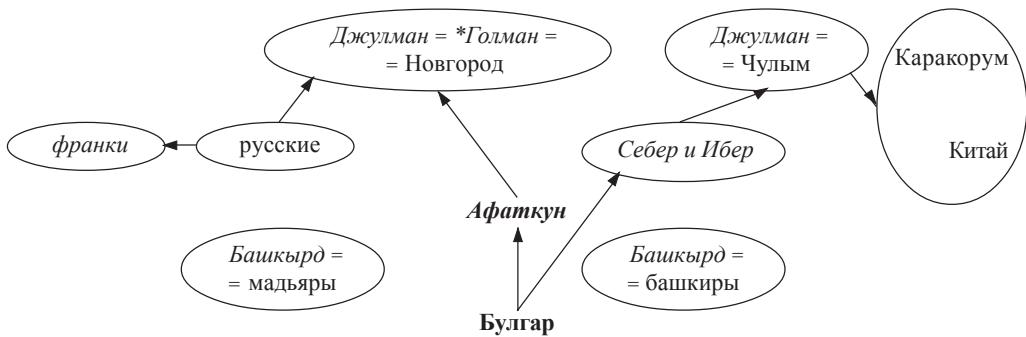
6. Описание путей из *Джулмана* на восток и на запад дает следующую парадоксальную картину:

Afatkun

Булгар

Под *русскими* здесь следует, скорее всего, понимать земли Руси, подвластные Золотой Орде, *франки* – это вся Западная Европа. Найти местность, которая лежала бы за *Сибирью* (юг Западной Сибири однозначно) и на путях одновременно в Монголию и Китай, на Русь и в Западную Европу – невозможно. Следовательно, в данном сообщении имеется какая-то путаница. Поскольку выше в списке пограничных владений Золотой Орды ар-Руми без сомнений помещает *Джулман* на восточной окраине *Сибири*, путь оттуда в Каракорум и Китай вполне понятен (см. выше). Неясно только, причем здесь *русские* и *франки*. Разумеется, ничего не объясняет и предлагаемое археологами соотнесение *Джулмана* с верхним Прикамьем: путь оттуда и к русским, и к Каракоруму явно не ближе, чем, например, от Булгара (да и само по себе использование лесного окольного пути через далекие дикие северные страны вместо прямоеездей дороги по родной степи или по Волге выглядело бы для жителей Золотой Орды и тем более для арабских купцов в высшей степени странно). Если же предположить, как это уже сделано выше, что под *Джулманом* скрываются как минимум два разных объекта: Чулым на путях в Монголию и Китай, и Холман-Новгород (а вместе с ним – и нижняя Кама, Чулман татарского эпоса) – на путях на запад, то картина становится более реальной (заметим, что параллелизм западного и восточного пути в этой схеме подкрепляется еще и параллельным существованием восточных и западных башкир-мадьяр в арабской географической традиции):

Требует комментария и сообщение ар-Руми о белых телах и голубых глазах жителей *Сибири и Джулмана*. На первый взгляд, существование где-то в Западной Сибири в XIV в. значительного светлопигментированного населения выглядит странно. Однако, имея в виду упомянутое возможное переселение на Чулым уйголов, можно допускать, что какие-то группы населения, являющиеся потомками древнейшего южно-сибирского европеоидного населения (афанасьевцы, андроновцы, «динлины» китайских источников), жили в это время на Чулыме. С другой стороны, если *Джулман* – это Прикамье (не обязательно верхнее) и Новгород, то такая характеристика местного населения вполне естественна.

II

Вторая тема у аль-⁴Умари – со слов шейха по имени Ала ад-Дин ибн Ну⁵ман (арабский текст и перевод см.: [Тизенгаузен, 1884, 218–220, 240–242]).

Начинается ширина этого государства <<царства Кыпчакского>>, Золотой Орды от *Демиркану* – это город из построек Искандера – были там прежде железные ворота, которых теперь нет, – и простирается до земель *Югорских*³. Длина его от вод *Иртыша*, – он больше Нила египетского и течет по большей части земель *Хатайских* – до Стамбула, и эта длина заходит несколько далее до страны, называемой *Немедж*². Страна *Немедж*, – говорил он, – лежит посередине между землями русских и франков. Купцы наших стран, говорил Ну⁶ман, не забираются дальше города Булгара <и купцы булгарские>⁴ ездят до страны *Джулман*⁵, и купцы *джулманские* ездят до земель *Югорских*³, которые на окраине Севера. Позади их нет поселений, кроме большой башни, построенной Искандером на образец высокого маяка. Спросили его: «Что это у тебя за мраки?» Он сказал: «Пустыни и горы, которых не покидают снег и мороз; за ними не восходит солнце; в них не растут растения и не живут никакие животные; они тянутся вплоть до Черного моря; там беспрерывно бывают дождь и густой туман, и решительно никогда не встаёт солнце».

«Рассказывают, – говорил Ну⁶ман, – что Искандер, проходя мимо крайних, ближайших к населенным местам предгорий “мраков”, увидел там людей тюркского племени, весьма похожих на зверей; никто не понимает языка их. Когда кто-нибудь схватит одного из них, то они ускользают из рук его. Питаются они растениями соседних им гор. Когда они подвергаются засухе, то поедают друг друга. Он <Искандер> прошел мимо их и не тронули их». Нуман, упоминая о властителях царства Кыпчакского, говорит, что большая часть подданных этого царя – обитатели западной части Севера. Их несметное множество народов; самый многочисленный из них – русские; потом за ними – тюрок Дешт-и Кыпчака. Это большие племена, между которыми есть и мусульмане, и неверные. Во время голода и засухи они продают своих сыновей. При избытке же они охотно продают своих дочерей, но не сыновей, детей же мужского пола они продают не иначе как в крайности.

Комментарии и выводы

1. *Иртыш* (مرس) – в рукописи без точек). Тизенгаузен предлагал конъектуру *ارتش* и имел в виду здесь Иртыш, что выглядит правдоподобно, но обращает на себя внимание странная форма в рукописи: трудно, учитывая указание на *Джейхун* как на восточную границу Золотой Орды в первой теме, не сопоставить начало этого названия (*لمر*) с первой частью туземного имени Джейхуна, Аму-Дарьи (امو). Важно, что вся данная тема записана довольно небрежно и изобилует ошибками в передаче онимов.

2. *Немедж* (نمچ). Надо полагать, речь идет о Германии; слово, очевидно, заимствовано из славянского (скорее всего древнерусского) языка от формы типа *немец*, *Неметчина*. У аль-Калькашанди и тут ошибочное написание: كمح!

3. (Земли) *Югорские* (پو عر). Слово в рукописи записано в основном без точек, в одном случае на месте буквы «ра» стоит «за», а в другом – даже «заль». Тем не менее предлагаемая Тизенгаузеном конъектура может быть принята, и в таком случае

восстанавливаемая здесь фонетическая форма **juhra* является самой точной фиксацией названия *Югра* в арабских источниках.

Данное название к арабам могло проникнуть из двух источников: тюркского (в до-монгольское время – булгарского, в XIV в. уже не только булгарского, но и кыпчакского) и древнерусского. Соответствующее булгарское слово, равно как, по-видимому, и слово золотоордынского тюрки нам неизвестны, и то и другое могло быть заимствовано из русского или из третьего языка, из которого в конечном счете происходит русское слово. Русское *Югра* – название народа и страны где-то на крайнем северо-востоке владений Великого Новгорода – заимствовано из коми *jē gra* (в современном коми языке обозначающего обских угров – хантов и манси), точнее – из древней коми формы, близкой к прaperмскому **jógra* (> коми *jē gra* ~ удм. *egra* ‘Эгра’, название одного из удмуртских родов) [см.: Напольских, 1998; Katz, Koch, 1987]. При этом до аль-Умари превалирует форма типа *بورا* – без обозначения звука **g*, имеющегося как в русском, так и в пермских словах. Такую странность можно объяснить, только если допускать, что в языке-источнике ранних арабских сведений о *Югре* этот звук либо отсутствовал, либо артикулировался очень слабо. Подобное можно предполагать для булгарского языка, прежде всего в слове с заднеязычной огласовкой, где исконный **g* мог произноситься как сдвинутый назад ослабленный фрикативный (**ju̥ra*) или как звук типа *w* (**juʷra*) – так, например, общетюркское **ogly* ‘(его) сын’ в булгарских письменных памятниках имеет форму **awl(i)* (> чуваш. *ywlı*); правда, в булгарских надписях в собственно тюркских словах звук типа *g/g* вообще не отражен [см.: Erdal, 1993, 117–118]. Восстанавливаемое таким образом булг. **ju̥ra*/**juʷra* могло быть скорее заимствованием из рус. *Югра*, нежели из перм. **jógra* или его возможных производных, хотя и вторая версия не исключена, если считать «вав» в арабской записи отражением не гласного первого слога, а согласного *w* как в **awli*.

В отношении же передаваемого аль-Умари **juhra* сомнений быть уже не может: здесь перед нами слово с ясным вокализмом, попавшее к арабам – через тюркское (уже кыпчакское, а не булгарское) посредство или без такового – не из пермского, а из древнерусского источника (на знакомство с этим источником указывает и прокомментированное выше название *Немедж*). Таким образом, как бы ни проходили конкретные торговые пути из Булгара в *Югру* (через верхнее Прикамье, через Западную Сибирь или Вятку), в первой половине XIV в. сведения о *Югре* поступали к арабам (и к населению Золотой Орды) от русских, поскольку торговля с ней, видимо, уже прочно контролировалась русскими купцами из Новгорода, Устюга и Вятки.

4. Важная поправка состоит в том, что слова «и купцы булгарские» имеются только у аль-Калькашанди, а в рукописях аль-Умари сказано: «купцы наших стран не забираются дальше города Булгара, ездят до страны Джулман, и купцы джулманские ездят до земель Югорских» [Тизенгаузен, 1884, 219]. Вставка у аль-Калькашанди отнюдь не обязательно отражает исконный текст сообщения, скорее наоборот. Таким образом, у аль-Умари нет цепочки «арабы, Орда – Булгар – Джулман – Югра» и данное сообщение можно понимать так, что город Булгар и страна Джулман (обратим внимание на употребление слов *город* и *страна* в тексте) находятся где-то рядом, в пределах достижимости для южных купцов. Следует вспомнить употребление топонима *Чулман* в татарской версии эпоса об Идегее: там этим словом систематически называют низовья Камы, территории непосредственно к северу от города Булгара. Значение этих

территорий, в меньшей степени задетых монгольским нашествием, возрастаёт на протяжении всего XIV в. в связи с увеличивающимся оттоком населения с юга, и в конечном счете именно сюда, в Казань, перемещается в XV в. центр бывших булгарских земель.

5. *Джулман* (جولمان). Слово записано так же, как и в предыдущей теме (поэтому, видимо, и не искажено). Если не учитывать сделанного выше замечания (4), вполне естественным кажется предполагать здесь местность, лежащую на карте между нижним Приобьем (*Югра*) и средней Волгой (Булгар) – верхнюю Каму, которую татары сегодня называют *Чулман*. Собственно, именно это и привело упомянутых выше авторов [см.: Белавин, 2000; Кызласов, 1984; Пастушенко] к гипотезе о связи *Джулмана* аль-^сУмари с родановскими городищами верхнего Прикамья. Здесь, однако, необходимо сделать оговорку: те, кто связывает *Джулман* с сибирским Чулымом, в своих построениях необоснованно соединили обе темы, не придавая никакого значения тому, что происходят они от разных информаторов и возможность рассмотрения их как единого целого ни в коем случае не следует из источника. В этих двух темах совершенно различен контекст, большинство топонимов первой темы отсутствуют во второй, характерно различное обозначение западноевропейских реалий: стандартное арабское наименование западноевропейцев *франками* в первой и дополняющее его славянское *Немедж* – во второй. По поводу первой темы сказано выше, и возможное (но не обязательное) промежуточное положение *Джулмана* между Булгарам и *Юграй* в данном (совершенно ином) сообщении ничего не меняет.

Из указанных выше возможных привязок *Джулмана* (сибирский Чулым или Новгород и/или Прикамье) в данном случае годится только вторая: трудно допустить, чтобы торговля с *Юграй* шла по столь витиеватому пути как Булгар – Чулым. Остается, однако, проблема: кого следует видеть в «джулманских купцах». Если в соответствии со сделанным выше уточнением текста аль-^сУмари понимать сообщение ибн Ну^смана как «купцы наших стран не забираются дальше города Булгара, ездят до нижнего Прикамья, и купцы из нижнего Прикамья (будущего центра Казанского ханства) ездят до земель *Югорских*», то все становится ясным: «джулманские купцы» – это обозначение купцов из усиливающихся в XIV в. городов северной закамской (заидельской) части нижнего Прикамья, прежде всего Казани, занимавшихся торговлей по Каме (и Вятке). Едва ли при этом они непосредственно достигали *Югры*: как показывает древнерусское происхождение данного названия в сообщении ибн Ну^смана, пути на нижнюю Обь в первой половине XIV в. уже контролировались русскими.

Белавин А. М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь, 2000.

Беликова О. Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск, 1996.

Джаксон Т. Н. Austr nḠgrum. Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001. ДТС – Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Идегей – Идег^сй дастаны = Текст татарской версии эпоса об Идегее [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://tatarca.boom.ru>.

- Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999.
- Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. М., 2004. Воспроизв. изд.: Крачковский И. Ю. Избр. соч. Т. 4. М.; Л., 1957.
- Кызласов Л. Р. История Южной Сибири в Средние века. М., 1984.
- Левицкий Т. «Мадьяры» у средневековых арабских и персидских географов // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 56–60.
- Напольских В. В. О происхождении названия *Югра* // Сибирь в панораме тысячелетий: (Материалы междунар. симп.). Т. 2. Новосибирск, 1998. С. 343–351.
- Пастушенко И. Ю. Еще раз о локализации Вису. Ижевск (рукопись).
- Поляк А. Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. 1. М., 1964. С. 29–60.
- Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
- Трапавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2002.
- Хвольсон Д. А. Известия о хозарах, бургасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен-Омар ибн-Даста. СПб., 1869.
- Erdal M. Die Sprache der wolgabulgarischen Inschriften. Wiesbaden, 1993.
- Katz H., Koch Ch. (Jugra. Zur ursprünglichen Gestalt des Ugrernamens // Ural-altaische Jahrbücher. Neue Folge. Bd. 7. Wiesbaden, 1987. S. 99–104.
- Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840–940). Leipzig, 1903.
- Schiltberger – Johan Schiltbergers Irrfahrt durch den Orient: der aussehenerregende Bericht einer Reise, die 1394 begann und erst nach über 30 Jahren ein Ende fand. Aus dem Mittelhochdt. übertr. und hrsg. von Markus Tremmel. Taufkirchen, 2000.

* * *

Владимир Владимирович Напольских – доктор исторических наук, профессор кафедры теории языка и перевода факультета профессионального иностранного языка Удмуртского государственного университета (Ижевск).

Т. П. Романова

ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЛАСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭРГОНИМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

The article deals with the process of evolutionary transformations in the sphere of modern Russian ergonomic terminology. It also touches upon the basic tendencies of its development, caused by the increase of the role of advertising function of ergonym. In the article the ways of expression of meaningful information in ergonomics are also described.

Эргонимический термин, выделяющийся в составе полного фирменного наименования, является носителем важнейшей категориальной информации (содержит сведения о типе предприятия, профиле деятельности и др.), играет классифицирующую роль, выполняя функцию введения в ряд, без которой собственное имя не может существовать. Лексика в составе терминологического компонента используется в своем прямом значении, свободно повторяется в структуре многих фирменных наименований.

Эргонимический термин не получил пока общепризнанного обозначения: его называют «термином» [Шмелева, 1989, 10], «родовым термином» [Крюкова, 2004, 52], «нomenклатурным термином» [Стародубцева, 2003, 6]. Далеко не все исследователи согласны рассматривать его в составе фирменного наименования [см., например: Шимкевич, 2002, 9]. Это действительно особая, полунарицательная часть собственного имени. Сложность заключается и в том, что слова, входящие в состав терминологического компонента, могут свободно использоваться в индивидуализирующей части имени (ср.: *ООО «Магазин-салон “Интершина”* и *ООО «Интим-магазин»*).

Эргонимические термины начинают формироваться в русском языке на рубеже XIX–XX вв. на базе существовавшей в то время рекламной коммуникации. Они вычленяются из рекламных текстов, названий торговых предприятий: *Магазин шелковых, суконных, шерстяных, полотняных, разных бумажных, меховых товаров, чая и сахара Николая Александровича Климушкина (в посаде Мелекесе)*. Термины проходят путь от подробной перечислительности к обобщению и абстракции, кристаллизуются

их лексическое значение, закрепляется грамматическое оформление [см. об этом: Романова, 2004].

В течение советского периода наблюдается относительная стабильность, четкая регламентированность эргономической терминологии.

В 1990-е гг. в России начинается период бурного развития коммерческой деятельности и как следствие – рекламной коммуникации. В эргономии развиваются новые типы наименований, существенно расширяется состав эргономических терминов за счет вовлечения большого пласта новых заимствований, создания новых слов и возвращения дореволюционных терминов. Размываются границы между терминологической и индивидуализирующей частью.

Усиливается рекламная функция эргономической терминологии. Наиболее актуальна она для так называемых рекламных имен, которые относятся прежде всего к предприятиям потребительского назначения: магазинам, предприятиям сервисного обслуживания, общепита и досуга. В результате развития рыночных отношений в рекламную сферу вовлекаются и многие производственные, учебные и лечебные учреждения. Для них также важным оказывается имидж, в создание которого вносит весомый вклад фирменное наименование, в том числе и эргономический термин в его составе. Ср., например, полные наименования современных парикмахерских: *центр модной прически «София», эстетический центр «Монро», центр красоты «Очарование»*.

По наследству от советского периода многим современным предприятиям достались названия описательного типа, состоящие практически из одних терминов: *Самарская мебельная фабрика, Сызранская мебельная фабрика* и под. Таким названиям сложно выполнять рекламную функцию, но в то же время выполнять ее необходимо. Полностью изменить такие эргонимы нельзя, так как должна поддерживаться идентичность фирмы в глазах потребителя. Осознавая необходимость увеличения рекламного потенциала собственного имени, предприниматели идут по пути замены компонента, определяющего тип деятельности предприятия, на более солидный, престижный, демонстрирующий более высокий статус. Конечно, изменения в названиях отражают качественную перестройку предприятий, но измененное слово играет при этом также немаловажную роль. Так *заводы и фабрики* превращаются в *корпорации, компании, холдинги; магазины – в торговые центры, торговые комплексы, супермаркеты, гипермаркеты; дома культуры и клубы – в культурно-развлекательные комплексы или центры*.

Наблюдается тенденция к специализации наименования, благодаря которой удается наиболее успешно позиционировать предприятие на фоне конкурентов. Появляется большое количество терминов уточняющего характера. Число вариантов непрерывно растет, включая все новые и новые слова. Например, в сфере номинации предприятий ресторанных бизнеса существует множество сложных терминов, обозначающих различные комбинации типов заведений: *ресторан-бар, бар-ресторан, ресторан-кафе-бар, ресторан-бистро, ресторан-столовая, экспресс-ресторан, кафе-шашлычная, кафе-бар, кафе-ресторан, кафе-бистро, кафе-столовая, кафе-магазин, кафе-бутик, бистро-бар, бар-бильярд, винный клуб-магазин* и др. Термины четко определяют специализацию: *коктейль-бар, пив-бар, суши-бар, гриль-бар, Internet-бар, лонг-бар, лонг-бар-эспрессо, рок-бар, спорт-бар, спорт-dj-бар, английский бар, стейк-хаус, арт-кафе, кафе-studio, кафе-авто, кино-ресторан, пивной ресторан, паб*.

В состав эргонимического компонента включаются определения, которые подчеркивают национальный характер кухни: *китайский, японский, итальянский, французский, греческий, грузинский, татарский ресторан* и др. Это же значение выражается с помощью экзотизмов: *пиццерия, итальянская trattoria, таверна, корчма, паб* и др. Другой полюс составляют термины, имеющие значения ‘простой’, ‘обычный’, ‘русский’: *столовая, закусочная, пельменная, пивная, кулинария, трактир*. Интересно название *ресторанчик «Горница»*, в котором иностранный по происхождению термин оформляется русским уменьшительно-ласкательным суффиксом и сочетается с этнокультурно окрашенным русским словом. Недавно в Самаре появилось название *Галерея ресторанов*, которое подчеркивает значение универсальности, обеспечивающей возможность широкого выбора.

Семантика универсальности и/или специализированности активно реализуется в современной эргонимической терминологии, она относится к числу наиболее актуальных маркетинговых характеристик.

Разнопрофильность торговых предприятий сформировалась на рубеже XIX–XX вв. В это время появились, например, термины: *табачный магазин*, а также *часовой, ламповый, москательный, модный, парфюмерный, аптекарский, меховой, чайный, колониальный, модно-галантейный, гастрономический* и др. В дореволюционной эргонимии специализация демонстративно подчеркивалась, значение универсальности, напротив, лексически не выражалось. Магазины, торгующие самым разнообразным товаром, назывались просто по фамилии владельца. Например, *магазин М. А. Королева* предлагал «москательные, парфюмерные и пароходские товары».

Термины универсальности развиваются в эргонимии намного позже терминов специализации, как бы в ответ на их существование.

В современной эргонимической терминологии находят отражение оба значения. Универсальность демонстрируют наименования крупных торговых предприятий: *торговый дом, торговый центр, торговый комплекс, супермаркет, мегамаркет, гипермаркет* и распространенные еще в советский период *универмаг, универмаг*. Такие термины содержат актуальные для потребителя характеристики: разнообразие предлагаемых групп товаров, возможность удовлетворения различных потребностей в одном магазине, и как следствие – солидность фирмы.

Специализация торгового предприятия может осуществляться по разным маркетинговым параметрам. Наиболее значимые из них – объект продажи или профиль предлагаемых услуг, а также характеристики целевой аудитории.

1. Объект продажи или профиль предлагаемых услуг:

салон парфюмерный, интерьерный, книжный, мебельный, меховой, ювелирный; салон красоты, мебели, офисной мебели, сантехники, обуви, сотовой связи, часов для интерьера; автосалон, фотосалон, «Электросалон»;

центр мебельный, эстетический, экипировочный, строительный; центр мобильной электроники, услуг, досуга, красоты, здоровья, медицинской косметологии, интерьера и дизайна, дверей; тюнинг-центр, центр-ювелир, знание-центр, мобайл-центр, ауди-центр, автоцентр, фотоцентр, «Тойота Центр Самара», «Коти-центр»;

магазин продовольственный, продуктовый, спортивный, молочный, хлебный, овощной, ювелирный, книжный; «Магазин квартир», «Магазин недвижимости», «Магазин идей», магазин металла «Терраиум» и др.

2. Целевая аудитория:

магазин детский, семейный, народный; «Магазин для семьи», «Товары для детей», «Детское питание», «Кенгуру. Для будущих мам и детей», «Магазин для взрослых. Эротика. Интим», «Женская одежда для себя любимой» и др.

Современная эргономическая терминология реализует целый ряд значений, актуальных для выполнения именем рекламной функции. Эти значения составляют ряд бинарных оппозиций. Наиболее важные из них: «большой – маленький», «дорогой – дешевый», «старинный – современный», «российский – западный», а также уже рассмотренные нами пары «универсальный – специальный», «обычный – экзотический».

Каждое из перечисленных значений выражает актуальный для потребителя смысл. Например, ‘большой’ предполагает характеристики ‘солидный’, ‘надежный’, ‘качественный’, ‘представляющий большой выбор’: *супермаркет, мегамаркет, гипермаркет, торговый комплекс, торговый центр, торговый дом, торговый ряд*. Существуют многочисленные варианты эргономических наименований, включающие слова: *центр, дом, салон, маркет* и др.: «Дом мебели», «Дом обуви», «Дом напольных покрытий», «Дом краски», «Дом обоев», «Автодом», «Стройдом», «Интер-дом», «Максидом». ‘Маленький’ имеет потребительское значение ‘утонченный’, ‘домашний’, ‘эксклюзивный’: *минимагазин, мини-маг, мини-маркет, мини-кафе, ресторанчик*. Слово *бутик* в настоящее время приобретает значение ‘маленький магазин одежды’.

Оппозиция «дорогой – дешевый» служит для сегментирования целевой аудитории по уровню доходов. Поскольку основное деление товаров на дорогие и дешевые проходит по линии противопоставления крупных торговых центров и фирменных магазинов, с одной стороны, и оптовых рынков – с другой, то термины, обозначающие эти объекты, содержат имплицитную информацию о цене. Чем более сложный и необычный термин используется для номинации фирмы, тем дороже предлагаемый товар, например: *студия прикладной эстетики образа «OSIS-Style»*. В последнее время для обозначения мест продажи дешевых товаров стала использоваться специальная лексика: *магазин дешевый, народный; рынок оптовый, китайский, вьетнамский, корейский* и др.

Информация о месте и времени чаще всего объединяется в оппозицию «старинный российский – современный западный». ‘Старинный российский’ несет информацию о традициях российского купечества, высоком качестве отечественной продукции, а ‘современный западный’ – об импортном происхождении товаров, высоком качестве и передовых технологиях. Интересно отметить, что оба направления демонстрируют значение необычности, престижности объекта номинации, хотя характеризуют объект с принципиально разных сторон.

Современные российские названия представляют собой актуализированные дореволюционные эргономические термины: *торговый дом, торговый ряд, сытный ряд, лавка, торговая лавка, мясная лавка, книжная лавка, оружейная лавка, винная лавка, трактир, товарищество, цирюльня, пивоварня, пассаж, печатный двор, оружейный двор*. Актуализируются и старые модели номинации: «*Торговый дом Самарского жиркомбината*», *торговый дом «Фанагория», трактир «На Панской», трактир «У Палыча», торговый ряд «На Полевой», «Товарищество Е. Б. Пирогов и С. А. Караваев», рекламное агентство «Сагалов сотоварищи»* и др.

Современные западные названия по сравнению со старинными российскими в настоящее время гораздо более употребительны и разнообразны. Здесь можно выделить несколько групп:

1) современные заимствования: *маркет, шоп, бутик, тонар, быстро, пиццерия, траттория, фактория, холдинг, корпорация, фирма, компания* (два последних термина, хотя и использовались еще в дореволюционной России, в настоящее время ассоциируются с Западом);

2) варваризмы и экзотизмы: «*APS SYSTEMS*», «*Green House*», «*Park House*», «*Golden Group*», «*TM-групп*», «*Альт-групп*», *стейк-хаус*. Отмечены даже случаи иронического обыгрывания таких названий: *мини-кафе «Блин хаус»*;

3) названия, включающие экзотичные словообразовательные элементы: *тюнинг-центр, мобайл-центр, эстетик-клуб, зоомаркет, металл-маркет, метромаркет, «Интермаркет», «Компьютер-маркет», «Техномаркет», «Технохит», «Интерсервис», «Интеробувь», «Евроквартал», «ЕвроКлимат-Самара», «Европеум-Волга», «Президент-отель», «Дизайн-холл», «Атриум-кафе», «Зебра-дизайн», «Лада-принт», «Регион-трейдинг», «Эскиз-регион», «Термо-сервис-авто», «Охрана-сервис», «Безопасность-сервис», «Комплект-сервис»* и др.

Большинство современных эргонимических терминов, кроме основной маркетинговой информации, содержит дополнительные характеристики, актуальные для потребителя. Термины могут совмещать целый набор параметров: *торговый дом – ‘большой’, ‘универсальный’, ‘дорогой’, ‘старинный’, ‘российский’; торговый центр – ‘большой’, ‘универсальный’, ‘дорогой’; супермаркет, мегамаркет, гипермаркет – ‘большой’, ‘универсальный’, ‘дорогой’, ‘современный’, ‘западный’; мини-магазин, мини-маг – ‘маленький’, ‘дешевый’; мини-маркет – ‘маленький’, ‘современный’, ‘западный’; бутик – ‘дорогой’, ‘современный’, ‘западный’, ‘специализированный’*. Однако основные общеупотребительные термины, как правило, несут минимум дополнительной информации. Например, слово *магазин* практически лишено дополнительных коннотаций.

Для периода перестройки системы эргономической номинации характерно отсутствие жестко закрепленных норм, общепринятых канонов. Размывается граница между эргонимическим термином и описательным собственным наименованием: термин входит в состав собственного имени («*Самарская насосная компания*»), и в то же время подобная конструкция может выполнять функции терминологической части («*Завод противопожарного оборудования «Щит*»). Термин может быть использован в качестве индивидуального собственного имени (*кафе «Кофейня», кафе-бар «Ресторанчик», парикмахерская «Цирюльня», магазины «Лабаз», «Лавка»*), а может органично входить в него («*Просто кафе», «Старое кафе», «Кафе у Казанского», «Старая аптека», «Аптека у бабушки», «Аптека для всей семьи», «Народный магазин», «Салон интерьерных решений», «Рынок у двух вокзалов», «Магазин на Московском, 55», «Хороший шоп»*).

Наблюдается тенденция к глубокому взаимодействию терминологического и индивидуализирующего компонентов эргонима. Они могут взаимозаменяться, так как оба способны выполнять основные функции рекламного имени: идентифицирующую, информативную и рекламную. Актуальная маркетинговая информация может быть выражена как термином, так и индивидуализатором: *обувной магазин – «Мировая обувь»; мебельный салон – «Мебель из Ульяновска», салон «Мебеля»*. В некоторых случаях

происходит дублирование информации: французское бистро «Арт Кафе»; риэлтерские компании «Город. Риэлком», «Спектр недвижимости», «Азбука недвижимости»; Адвокатская фирма «Защитник», адвокатские услуги «Самара-адвокат»; гостиничный комплекс «Gorodok Hotel»; сервисный металлоцентр «МеталлМаркет»; центр медицинской косметологии «Дом красоты»; салон сотовой связи «Связар» и др.

Выделенные нами основные параметры актуальной для потребителя информации могут быть выражены терминологическим, индивидуализирующим компонентом, а также общей структурой рекламного имени:

‘большой’ – мебельный центр «Гранд», «Гранд-оптика», «Гранд-продукт», «Громада-Риэлт», «Глобал-тур», торговый дом «Мегамебель», торговый комплекс «Три кита», «Зеленая страна», «Планета сантехники», «Мир офисной мебели», «Книгомир», «Парад электроники»;

‘маленький’ – кафе-бар «Маленькая изба», торговый павильон «Маленький домик», ресторанчик «Горница», кафе «Чердачок», «Хуторок», «Славянский погребок», мини-маги «Гном», «Гномик», «Яマル», «Теремок», кафе «Дворик на Гоголевском»;

‘универсальный’ – торговые комплексы «Континент», «Мир», «Универсал», «Универсалъ», «Все для всех», «Все на О», «От А до Я», «Спектр»;

‘специальный’ – Итальянская обувь «Camelot», «Скандинавская сантехника», фирменный магазин «Salamander», магазин сумок «Кенгуру»;

‘дорогой’ – торговый комплекс «Империя центр», магазин «Меха на Дворянской», бутик «MaxMara», салон «Ив Роше», Центр эстетической косметологии «Леди-стиль», салон красоты «Империя стиля»;

‘дешевый’ – магазины «Дешевый», «Народный», «Копеечка», «Пятерочка», «Три копейки», гастроном «Эконом», ломбард «Народный»;

‘обычный’ – закусочная «Вареники», трактир «Жили-были», кафе «Как дома», «У тещи на блинах»;

‘экзотический’ – итальянская trattoria «Papa Vito», японский ресторан «Изуми», пиццерия «Сицилия», ресторан кавказской кухни «Вахтангuri», швейцарская кондитерская «Женевьева», рыцарский ресторан «Ланселот»;

‘старинный российский’ – рестораны «Шустовъ», «Демидовъ», «Яръ», «Фуроръ», трактир «Русичъ», магазины «Лавка старьевщика», «Лавка», «Лабаз», «Разгуляй», «Ямской», «Самарский хлебный лабазъ», «Пассаж», «Дом Егорова», «Табакъ», «Гастрономъ № 1», «Чипокъ», Частная пивоварня «Тинькофф»;

‘современный западный’ – магазины «Пальмира-маркет», «Микс-маркет», «Gold Rain», «Великая мебель Испании», фирмы «Систем-сервис», «Бард Лтд», «Айс-крим компани», «Ева трейд», «LadaLand», жилой комплекс «VIP House», Международная школа парикмахерского искусства «Garus Limited».

В последнее время происходит расширение состава терминологического компонента. Сюда включаются различные уточняющие и оценочные слова, которые превращают его в оригинальное собственное имя: Салон флористического дизайна «Ирис», Галерея бриллиантов «Бризо», Салон плитки итальянских мастеров «Свирел Имола», Салон швейцарских часов «Аляска». Добавление условно-символического имени делает индивидуализирующий компонент избыточным.

Терминологическая часть многих современных эргонимов все больше напоминает слоган – концентрированное выражение торговой концепции фирмы: Сеть магазинов стильной одежды «Джинсовая симфония», Салон элитной обуви

«Элегант», «Jerra». *Обувь хорошего настроения.* Не случайно на вывесках рядом с условно-символическим именем все чаще появляются эти рекламно-информационные дополнения.

Процессы, охватившие область эргонимической терминологии, протекают настолько интенсивно, что даже затруднительно четко определить ее лексический состав. Он не только постоянно пополняется новыми словами, но и включает целый ряд пограничных случаев. Так, например, подобно термину *дом* значение совокупности разнообразных товаров определенного вида приобретают лексемы *мир, двор, город, деревня, страна, империя, планета, галерея, коллекция, рай* и др. Эти слова в составе собственных имен утрачивают часть своего лексического значения, демонстрируя концепцию широкого выбора товаров, однако не превращаются в термины окончательно, сохраняя необычность, свежесть метафоры, за счет чего создается эффект креативности и усиливается рекламное воздействие: «*Оружейный двор*», «*Стройдвор*», «*Чешский двор*», «*Фармаград*», «*Торговый городок*», «*Славянская деревня*», «*Зеленая страна*», «*Империя сумок*», «*Империя стиля*», «*Планета сантехники*», «*Планета Спорт*», «*Галерея интерьера*», «*Галерея джинсов*», «*Галерея ресторанов*», «*Галерея света*», «*Галерея на Царице*», «*Колбасный рай*», «*Хлебный рай*».

Слово *мир* ближе других подошло к порогу терминологизации. Оно так часто используется в самых различных сочетаниях, что начинает утрачивать свое исходное значение: «*Детский мир*», «*Компьютерный мир*», «*Виртуальный мир*», «*Мобильный мир*», «*Электронный мир*», «*Фармацевтический мир*», «*Чистый мир*», «*Аквамир*», «*Книгомир*», «*Автомир*», а также *Мир фото* (ковров, часов, штор, связи, кожи, продуктов, цветов, печати, музыки, пива, упаковки, колбас, холодильников, компьютеров, обуви, мебели, офисной мебели, плитки, линолеума, антенн, открыток, сумок, автомеханики, пиццы, торговли, красок и т. д.).

Использование терминов в переносном значении создает эффект необычности и, следовательно, рекламной привлекательности эргонима: «*Студия мебели*», «*Кухонная студия*», «*Лаборатория дизайна № 1*», Ателье мебели «*Mr. Doors*», «*Джип ателье*», «*Фабрика звезд*», Фабрика рекламы «*Престиж*», «*Ярмарка дверей*», салон «*Институт красоты*», Клуб «*Арт-клиника*» им. Сальвадора Дали, «*Академия интерьера*», «*Школа маникюра*», «*Компания интерьерных решений*», «*Галерея авторских ковров*», «*Паркет-клуб*» и др.

Итак, эргонимические термины играют важную роль в реализации рекламной функции современного фирменного наименования. Их креативный потенциал необыкновенно высок, но возможности еще только начинают раскрываться. Эргонимический термин в настоящее время превращается в мощное средство создания положительного имиджа предприятия и продвижения его продукции.

Крюкова В. И. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности. Волгоград, 2004.

Романова Т. П. Становление русской рекламной эргономии на рубеже XIX–XX вв. // Категории в исследовании, описании и преподавании языка: Сб. науч. тр. к 80-летию Е. С. Скобликовой. Самара, 2004. С. 290–298.

- Стародубцева В. В.* Номинация внутригородских предприятий и учреждений в современном русском языке (на материале ойкодомонимов г. Ульяновска): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
- Шимкевич Н. В.* Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
- Шмелева Т. В.* Язык города. Наименования магазинов: Метод. разработка к практике для студентов филол. ф-та. Красноярск, 1989.

* * *

Татьяна Павловна Романова – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Самарского государственного университета.

МАТЕРИАЛЫ

ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ
2006. № 3

Ю. Б. Воронцова

МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРОЗВИЩ ЖИТЕЛЕЙ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

I. A–K*

Коллективные прозвища – неоттопонимические именования жителей какой-либо территории, которые, как правило, выполняют характеризующую функцию и употребляются в условиях неофициальной коммуникации. Прозвищные имена такого рода широко распространены в русских говорах.

Для настоящей публикации мы выбрали прозвища жителей Архангельской области, которые могут быть представлены, пожалуй, полнее, чем названия жителей любого другого региона, поскольку сбор языковых данных на этой территории велся на протяжении практически двух веков (ср. материалы XIX в., опубликованные в трудах В. Даля, Д. Зеленина, Г. Куликовского, А. Подвысоцкого, А. Грандилевского, П. Ефименко, Е. Барсова, М. Забылина, И. Сахарова, И. Снегирева, а также записи XX–XXI вв., осуществленные сотрудниками Поморского, Московского университетов и участниками топонимической экспедиции Уральского университета), причем в последние несколько десятилетий фронтально и планомерно.

В словарь вошли не только коллективно-территориальные прозвища, но и некоторые факты из смежных разрядов ономастики: во-первых, это прозвищные именования социально-профессиональных объединений, распространенные на узкой территории, например *водохлебы-раушики* «бранное прозвище бурлаков на р. Двине», *дружки* «прозвище бурлаков из бывшего Онежского уезда»; во-вторых, наименования, смежные с оттопонимическими, но в силу паронимической аттракции сближающиеся с именем нарицательным и приобретающие характеризующую функцию, например *грибоеды* ‘жители д. Грибаниха’, *ревуны* ‘жители д. Ревдино’, *чулки* ‘жители д. Чуласа’.

Порядок подачи материала в словаре алфавитный.

* Работа по проекту «Русская ономастическая лексикография», выполнена в рамках программы ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории».

Прозвище подается прописными буквами; ударение ставится, только если оно указывается в источнике. Если форма прозвища восстановлена из контекста, оно сопровождается знаком *. Фонетические и словообразовательные варианты сводятся в одну статью, при этом отсылочные статьи даются лишь в том случае, если варианты находятся в разных местах алфавитного списка. Также в одной статье подаются ономасиологические варианты, один из которых содержит уточняющий компонент, например *водохлебы* (*двинские водохлебы*). На семантические варианты приводятся взаимные указания в толкованиях, например *башмачники* ‘жители д. Сюзьма; то же, что *камашники* (во 2 знач.)’.

Объект номинации обозначается так же, как в источнике материала: это могут быть жители какого-либо административного образования – деревни, поселка, уезда или же население территории, выделенной на физико-географических основаниях, – бассейна реки, участка морского побережья и т. п. Если прозвищу соответствует несколько объектов номинации (т. е. коллективов жителей населенных пунктов, кустов деревень, районов, бассейнов рек), то указания на них оформляются как разные значения многозначного слова, при этом порядок следования «значений» определяется алфавитом районов фиксации.

Записанные в полевых условиях контексты подаются курсивом без кавычек. Комментарии, приведенные в источниках, заключаются в кавычки; ссылки на источник – в квадратные скобки.

Параллельные названия приводятся в конце словарной статьи после знака //.

АЗИ%ТЫ. Жители к. д. Целезоро. Вин. *Моржегорские нас азиатами звали; Мы в Азии живем, а остальные – в Европе* [КТЭ] // ЛЁКАСЫ (в 1 знач.).

АЗИЯ. Жители д. Заакакурье. Мез. [КТЭ] // ГУЛЮШКИ, КОЛОКЁЛА.

АЛ%БЫШИ. Жители д. Иваньковская. Шенк. [Дранникова, 114].

АЛ%И. Жители д. Спасская. Холм. *Раньше там жили рыбаки: как выпьют, много крику у них – как собаки лают. Была поговорка о них: «На острову, на Голодае, Ловиши шапкински алаи»; Ребята крупные, песни пели под балалайку, слышно далеко было. Теперь алаев не осталось никого; Жили там мужики большающие, голосищи здоровые. Вот алаями и звали. Слово «алаи» значит примерно то же, что «басурманы»* [КТЭ].

АЛБ%НЦЫ. Жители д. Пурнема. Он. [КТЭ] // РАПАНÎ, РОПАКÄ (в 1 знач.), РУСАЛАИ.

АЛКАШИ. Жители д. Сура. Пин. «Сурская молодежь известна пристрастием к выпивке» [Дранникова, 326] // ДІРА, ХЫШÄ.

АНГЛИЧАНЕ. Жители д. Печище. Мез. [Дранникова, 108].

АСЕУЛА. Жители д. Калитино. Мез. [Дранникова, 320] // ВРАЛИ (в 1 знач.).

БАЗ%НЫ. Жители д. Калитинка. Карг. [КТЭ]. ♦ В «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей» в статье БАЗ%Н ‘тот, который щеголяет, красуется’ приводится контекст: «Ольжаков базаны зовут, форсят, все базанят» [1, 29]. Поскольку запись сделана на той же территории (д. Ольга, жителей которой называют ольжаками, находится недалеко от д. Калитинка), можно предположить, что составители словаря ошибочно интерпретировали прозвищный антропоним *базаны*, выступающий в данном контексте, как факт нарицательной лексики.

Б%КИРИ. Жители к. д. Кальи. Вин. *Бакири, богатые они очень были, мельницы они имели* [КТЭ] // ЧЕРЕП%НЫ (в 1 знач.).

БАЛАГІШКИ. Жители пригородов Архангельска. «Людей, которые жили под Архангельском, называли балагушками, так как они на лодках с Заостровья возили в Архангельск на улицу Поморскую на рынок молоко. И один раз был большой ветер, лодку перевернуло, и кто-то закричал: “Балагушку-то¹ спасите, а сама-то как-нибудь!”». С тех пор их стали называть балагушками» [Дранникова, 340].

БАНДЕРОВЦЫ. Жители пос. Шокша. Вель. «Они являются потомками участников бандеровского движения, семьи которых были вывезены сюда с Западной Украины» [Дранникова, 120, 310].

БАР%НЫ. Жители д. Патрушевская. Уст. [КТЭ].

БАТЕГШИКИ. Жители д. Федыковская. Шенк. «Занимались перевозом и использовали для этого плоты с батогами» [Дранникова, 111].

БАХВАЛЫ. 1. Жители д. Кремлево. Кон. «Получили прозвище баxвалы за хвастовство» [Дранникова, 117] // ОСТРЕЖНИКИ.

2. Жители д. Русома. Леш. [Дранникова, 53, 61, 148, 288] // ВОРЕННЫ (в 8 знач.; ВОРОНОТА).

3. Жители д. Кроповская. Шенк. «За хвастовство» [Дранникова, 117].

БАХВАЛЫ-МОЛОДЦЫ. Жители д. Ненюга. Шенк. *А на Ненюге баxвалы-молодцы, Они славятся как птицески купцы* [Дранникова, 152, 291].

БАХВАЛЫ-МУЖИКИ. Жители д. Яреньга. Прим. [Дранникова, 146] // МОРСКАЕ ОК%ЧКИ, ПЕСТЕРÄ (в 1 знач.), ЧАГ%ЧЫ, ЯПЕНЦЫ (в 3 знач.).

БАХАЛА (ЛОМИЦКАЯ БАХАЛА). Жители д. Лямца. Он. [КТЭ] // КІРИЦАОВЦ%, ПРОСТОКВ%ШКА, ТІРЦІЯ (в 3 знач.), ФРАНЦІЗЫ (в 6 знач.).

БАХАЛЫ. 1. Жители д. Кянда. Он. «Обитатели были рыбаками и носили баxилы – сапоги из нерпы» [Дранникова, 50, 115] // КАЙВАША (в 1 знач.), ПОТЕПАЛЫ.

2. Жители д. Солза. С-Двин. [КТЭ] // КАЙВАКА, РЕВЯКА.

◆ Возможно, к числу коллективных прозвищ относится следующий факт, отмеченный в «Словаре русских народных говоров»: «Бахáлы. Прозвище». Шенк. [2, 154].

БАШКАРИНЫ. Жители д. Ламлево. В-т. [КТЭ].

БАШКИРЫ. Жители д. Шиднема и д. Сульца. Пин. *Отличались на лицо от русских* [Дранникова, 78, 123].

БАШМ%ЧНИКИ. Жители д. Сюзьма; то же, что КАМ%ШНИКИ (во 2 знач.). С-Двин. [КТЭ].

БЕЗБЕЖНИКИ. Жители д. Ольсиево. Карг. [КТЭ]. *В километре от нас есть деревня Ольсиево. Сейчас уж там никто не живет. Так вот раньше во время сено-коса там все дожди были. У нас – сухо, а там – дожди. Так и стали там жителей называть – безбожники. В Бога не верили – вот и дождь. У нас уж сенокосу конец, а там все высушить не могут* [Дранникова, 231, 312].

БЕЗЗАКЁННИКИ. Жители д. Малышинское. Карг. [КТЭ] // КАСЛЫЕ ИСПЕДКИ, НАГАЕЛЁПОТИ.

БЕЗНЁБАЯ. Жители д. Черепашина. Карг. *У жителей деревни не было сараев на столбах, поэтому жители других деревень так дразнили* [КТЭ].

БЕЗНЁБЫЕ. «Кличка обывателей д. Черепашиной, Нифан. вол., Карг. у., Олон. губ., доведших избы свои до такого плохого состояния, что многие из них стоят без крыш» [Куликовский, 4; СРНГ, 2, 193–194].

¹ Балагушка – небольшая посудина для молока, бидончик [АОС, 1, 99].

БЕК%СЫ. Жители д. Карагаево. Плес. [КТЭ].

БЕЛОГВАРДАЙЦЫ. 1. Жители д. Городок. Вин. *В Гражданскую войну они только до нас и дошли* [КТЭ].

2. Жители д. Тарасово. Плес. «Белогвардейцами прозвали, потому что во время войны находился лагерь Белой армии» [Дранникова, 120, 328].

БЕЛОКОБІЛЬНИКИ. Жители к. д. Кургомень. Вин. *Кургомен белокобыльники звали – много лошадей белой масти на их заостровских полях* [КТЭ].

БЕСП%УЖНИКИ. Жители д. Калажма. Холм. [КТЭ].

БЕСПУТНЫЕ. Жители д. Хаврогоры. Холм. [Дранникова, 336] // **БЕССЧЁТНЫ(Е), ВЁРЫ** (в 5 знач.), **КАРБАСНИКÄ**.

БЕССЧЁТНЫ(Е). «Жители д. Хаврогорской в Холм. у., при Северной Двине. Их называют в насмешку: *Хаврогоры бессчетные* – по старинному преданию, что однажды бурею опрокинуло карбас, на котором они переправлялись через Двину, при чем многие утонули, и когда уцелевшие стали их отыскивать, то хотя всех их плыло в карбасе 40 человек, а из реки вытащили уже 50 утопленников, но они утверждали, что еще не всех своих досчитываются» [Подвысоцкий, 182]. ♦ Это прозвище устойчиво фиксируется на территории Русского Севера и в наши дни, что подтверждается как материалами ТЭ, так и контекстами, приведенными в монографии Н. В. Дранниковой: *Хаврогоры, хаврогоры, Эй, вы бессчетны, Приезжайте выбирайте Девушек почетных* [Дранникова, 187]; *Бессчетные хаврогоры назывались так потому, что у них утонули коровы. А когда коров выловили, их оказалось больше, потому что ниже по течению уносило трупы других коров, которые тонули раньше. Поэтому точно не знали, сколько утонуло коров* [Там же, 213]; *По первой версии, жители поплыли на какой-то праздник в Емецк через Двину. Налетела буря и опрокинула корабль. Стали считать погибших: их оказалось не 40, а 50. По второй версии, когда они меняли рожь на репу с пингвишанами, это было без счету, на глазок* [Там же, 335]. // **БЕСПУТНЫЕ, ВЁРЫ** (в 5 знач.), **КАРБАСНИКÄ**.

БЕСШТАННАЯ КОМАНДА. Жители д. Шиднема. Пин. *Летом в ней много детей, которые бегают по улицам почти без одежды* [Дранникова, 55, 327].

БОБЫЛИ. Жители д. Сояна. Мез. «Бобылями называли людей, не имевших своей земли и не несущих государственного тягла. По преданию, льготы соянцам были пожалованы Екатериной II» [Дранникова, 119] // **ГЛУХАРИ** (в 1 знач.), **ДЫМЛЁНО(Е) ГУЗЬЁ, ЧУХАРИ** (в 1 знач.).

БОГАЧИ. 1. Жители д. Чижгора. Мез. *Вы, чижгора – богачи, Съели крысу на печи. У вас ни карбаса, ни лодки – Одни девки-приворотки* [Дранникова, 264].

2. Жители д. Ваймуша. Пин. [Дранникова, 49, 136] // **БРАТ%НЫ** (во 2 знач.), **КОТЕМКИ** (во 2 знач.), **ШЕЛГАЧИ** (во 2 знач.).

3. Жители с. Карпогоры. Пин. [КЛРС, 77] // **Л%ПОТНИКИ** (в 7 знач.), **ЦЫКОВАТЬЕ**.

БОГОМАЗЫ. 1. (**РЕПАНЁВСКИЕ БОГОМ%ЗЫ**). Жители д. Репаново. Вин. *Там была какая-то старинная икона в церкви и потерялась. Говорили, украли. И жители нарисовали новую, пытаясь скрыть пропажу. Ну, кто-то близкий к церкви это сделал. А всех жителей так теперь и зовут – репановские богомазы; Наверное, иконописцы были* [КТЭ].

2. Жители д. Мальчино. Карг. «Писали иконы» [Дранникова, 112].

3. Жители с. Койда. Мез. «Писали иконы» [Дранникова, 112] // **ГУЛ%ШИ, КУРОПЫ, МАНДОАДЫ** (в 1 знач.).

БОГОМЁЛЬЦЫ. 1. Жители д. Веркола; то же, что МОН%ХИ (во 2 знач.). Пин. «Прозвище указывает на территориальную близость жителей Верколы к монастырю, расположенному напротив, через р. Пинегу. К тому же большинство веркольцев относились к старообрядческим толкам и потому считали непозволительным для себя посещение монастыря» [СП, 86]. «Богомольцами жителей Верколы называют оттого, что в деревне расположен монастырь. Название это пошло с давних времен, когда этот монастырь был построен. Всех жителей деревни приобщали к христианской вере, но в деревне оставалось много староверов, которые отрицали ее» [Дранникова, 324]. // ЕЛЫЦ̄ (в 1 знач.), ЧЕРНОЛЁБЫ(Е) (во 2 знач.).

2. Жители д. Кеврола. Пин. *А кеврольцы – богомольцы, люли-люли, Стали ужинать садиться, люли-люли, Нету Бога помолиться, люли-люли, К огороды становились, люли-люли, Они Ленину молились, люли-люли* [Дранникова, 172, 297; КЛРС, 77; СП, 97] // ВОДОХЛЁБЫ (в 8 знач.), ВЁЛКИ (в 1 знач.), КОКЁРЫ (в 1 знач.), КРОКИ, МУРМАНЫ, ТОПЛЯКИ, ФАРАЁНЫ (в 3 знач.).

БОРОДЫ. Жители д. Васильевская. Уст. *Потому что бор пахали* [КТЭ].

БРАТ%НЫ. 1. Жители д. Едома. Пин. [КЛРС, 77; СП, 97].

2. Жители д. Ваймуша. Пин. [КЛРС, 77] // БОГАЧИ (во 2 знач.), КОТЕМКИ (во 2 знач.), ШЕЛГАЧИ (во 2 знач.).

БРЮШИННИЦЫ. Жители д. Вожгора. Леш. «За тучность» [Дранникова, 122]. // КАЙВ%НЫ-КРИВОНЁГИ, КРАСНЫЕ ПАРТИЗАНЫ.

БУМАЖНИКИ. Жители г. Новодвинск. Прим. «Существует целлюлозно-бумажный комбинат» [Дранникова, 113] // ВОДОХЛЁБЫ (в 15 знач.).

БУР%ЧНИКИ. «Дразнят обывателей д. Кучепала, Карг. у., потому что они занимаются плетением корзин на продажу» Карг. [Куликовский, 7].

БУРДИКИ. Жители д. Васильевская. В-т. [КТЭ].

БУРЖИ. Жители д. Камкинская. Уст. *Живем зажиточно* [КТЭ].

БУРЛАКИ. Жители д. Белащелье. Леш. *Белощельские бурлаки, Вот бурлаки. А модно, щегольно ходили, Вот ходили. Высоко кушак носили, Вот носили* [Дранникова, 149].

БУРЛУКА (КЕБЕН%РА-БУРЛУКА). Жители д. Кеба. Леш. *Кебенара – бурлуки, Ели кошку на пеци, Ели-ели три недели, На четверту околели* [КТЭ] // Л%ПОТНИКИ (в 4 знач.), РЫБОЛОВЫ.

ВАРЯГИ. Жители д. Майнема. Холм. [Дранникова, 334].

ВЕКШЕАДЫ. 1. «Крестьян Тарнянской волости, занимающихся охотой, ловлей белки, по-здесьнему векши, называют векшедами»; «Насмешливые прозвища векшеды (охотники Тарнянской вол. Шенк. у.)» Шенк. [Ефименко, 251; СРНГ, 4, 105].

ВЕРЕТЁШКИ. Жители д. Погост. Плес. *На Погосте веретешки: Тамо девушки-вертешки* [Дранникова, 300, 301].

ВИЧКОАДНИКИ. Жители д. Засулье. Леш. *Вот моя деревня Засулье. Нам дали прозвище вичкоедники. Причина состоит в том, что на берегу реки росло много ивы, телята летом поедали ее, а название вичкоедники получили жители* [Дранникова, 313] // ВОДОХЛЁБЫ (в 3 знач.).

ВОДОКІСКИ (ВОДОКІШИНА). Жители д. Ледской Погост. Шенк. «О них соседние сообщества говорили, что поскольку “земля была бедной, они воду кушали”» [Дранникова, 83].

ВОДОХЛЕБАШИ. «Прозвище крестьян, занимающихся сплавом барок по реке. “По реке Двине”». Шенк. [СРНГ, 4, 347].

- ВОДОХЛЁБЫ.** 1. (**ДВИНСКИЕ ВОДОХЛЁБЫ**). Жители бассейна р. Сев. Двина. Вин. *Вода считалась в Двине очень хорошей* [КТЭ].
2. Жители г. Каргополь. Карг. *Город стоит недалеко от озера Лаче, и из него берут воду на чай; Жители используют много воды* [Дранникова, 83, 129] // ТОЛОКЁННИКИ (во 2 знач.).
3. Жители д. Засулье. Леш. [КТЭ] // ВИЧКОÀДНИКИ.
4. Жители д. Едома. Леш. *Весной деревню заливает* [Дранникова, 106] // ЗУБ¾НЫ (в 1 знач.).
5. Прозвище жителей деревень по р. Ваге. Он., Холм. «Ваган-водохлеб – оттого, что многие из них (жителей селений по р. Ваге в Шенк. уезде и вообще жителей этого уезда) проводят большую часть лета на воде, нанимаясь в рабочие для сплава барок и плотов с верховьев Сев. Двины и ее притоков» [Подвысоцкий, 14; СРНГ, 4, 347].
6. Жители д. Остров. Пин. *Наша деревня со всех сторон ручьями и реками окружена: в той стороны река Мысовая, в той – река Пинега, а там – ручей Прудовой. По весне, как стает, вода со всех сторон стоит – и вправду остров! Хоть босой иди, хоть плот делай. Оттого нас водохлебами и дразнят* [СП, 75]. «Сурский куст: “Островяне – водохлебы, Городецкие – костогрызы, На Осанове – вороны, На Погосте – галицы, Верхнесуры – водохлебы, А в Засурье – зайцы”» [Дранникова, 265; КЛРС, 54, 56; СП, 74] // ГЁЛУБИ (в 1 знач.).
7. Жители д. Лавела. Пин. [КТЭ] // ЕЛЬЦÎ (в 3 знач.).
8. Жители д. Кеврола. Пин. *А кеврольцев обзывают водохлебами. Говорят, потому что чай очень любят пить. Как сядут за стол, так чашек по пять выпивают* [Дранникова, 325] // БОГОМЁЛЬЦЫ (во 2 знач.), ВЁЛКИ (в 1 знач.), КОКЁРЫ (в 1 знач.), КРØКИ, МÌРМАНЫ, ТОПЛЯКИ, ФАРАЁНЫ (в 3 знач.).
9. Жители д. Летопала. Пин. *Весной затапливает деревню* [Дранникова, 83] // ЗЫРØНА (во 2 знач.).
10. Жители д. Усть-Ежула. Пин. «Ежучан (деревня ныне нежилая), питавшихся в основном речной рыбой, прозывают водохлебами» [СП, 117].
11. Жители д. Еркино. Пин. «По пристрастиям жителей в еде» [КЛРС, 71, 76; СП, 97]. *Еще ерколицы – ельцы, Юрошана – сенолубы, А в Пахиче – гулиганы, Кушкопалы – чернолубы, Еркомена – водохлебы* [Дранникова, 172, 297, 327].
12. (**ПИНЕЖСКИЕ ВОДОХЛЁБЫ**). Жители бассейна р. Пинега и ее притоков. Пин. «Пинежана – водохлебы (этим обозначают их корыстолюбие: во время зимней Никольской в г. Пинеге ярмарки, никто из приезжих не может напоить там лошадей в проруби реки, не заплатив прорубщику полкопейки, а иногда и копейки за каждый раз)» [Подвысоцкий, 122]. *Пинежан называли пинежские водохлебы. Раньше на Пинеге проводились ярмарки, князья приезжали на конях. Пинежские мужики продавали воду князьям для лошадей, поэтому их и прозвали водохлебами* [Дранникова, 326]. *Чаю много пили. Трещочки не поешь, да и не попьешь. Чайку не попьешь, да и не поработаешь* [КЛРС, 42; СП, 22, 28] // ИКОТНИКИ (в 1 знач.), КЛИКÎШКИ, КЛИКУШНИКИ, КОЛДУНЫ (во 2 знач.), НЕЧИСТЫЕ, ТРЕСКОÀДЫ (в 5 знач.).
13. Жители г. Архангельска. Прим. *Много чая пьют* [Дранникова, 129] // КОРОЕДЫ, КРЁВЕЛЬЩИКИ, МОРЖЕЁДЫ, ТРЕСКОÀДЫ (в 6 знач.), ШАНЁЖНИКИ (в 4 знач.).
14. (**СОЛОМБАЛЬСКИЕ ВОДОХЛЁБЫ**). Жители микрорайона Соломбала г. Архангельска [Дранникова, 84] // ВЁРЫ (во 2 знач.).

15. (НОВОДВИНСКИЕ ВОДОХЛЁБЫ). Жители г. Новодвинск. Прим. *Не могут напиться воды, так как в воде содержится много хлорки* [Дранникова, 84] // БУМАЖНИКИ.

16. «Шенкурцы – водохлебы (*булаки, носят ложку на шляпе*)» [ПРН, 339].

ВОДОХЛЁБЫ-РАУШКИ. «Бранное прозвище бурлаков на р. Двине». Шенк. [СРНГ, 4, 347].

ВЁЛКИ. 1. Жители д. Кеврола. Пин. [КТЭ] // БОГОМЁЛЬЦЫ (во 2 знач.), ВОДОХЛЁБЫ (в 8 знач.), КОКЁРЫ (в 1 знач.), КРОКИ, МІРМАНЫ, ТОПЛЯКИ, ФАРАЁНЫ (в 3 знач.).

2. Жители д. Шастов Починок. Уст. [КТЭ].

ВОРОБЬЯ. 1. Жители д. Торопово. Вил. [КТЭ].

2. Жители д. Махонина. Карг. *Дед выстроил дом, забрался на крышу и говорит: «У, забрался, как воробей!». В деревне у многих жителей прозвище – воробы* [КТЭ].

ВОРЁВКА. Жители д. Юрома. Леш. *Палуга – зелена, Кеслома – ворона, Юрома – воровка, Тиглява – колотовка* [КТЭ] // ПІЛОМЦЫ (ПІЛОНЦЫ).

ВОРОГ%. Жители д. Гагарки. Котл. *Одного мужика убили да под угор стихнули, дак старуха ревела: «Ой, ворога чего наделали»* [КТЭ].

ВОРЁНА. Жители д. Кеслома. Леш. *Старик вместо чухаря сварил ворону; Палуга – зелена, Кеслома – ворона, Юрома – воровка, Тиглява – колотовка* [КТЭ].

ВОРЁНЫ. 1. (КУЛЯГИНСКИЕ ВОРЁНЫ). Жители д. Алексинская. Вель. [КТЭ].

2. Жители д. Березник. Вель. [КТЭ].

3. Жители д. Зуево. Вель. [КТЭ].

4. Жители д. Власовская. Вель. *Был старик по прозвищу Ворона, и всех жителей деревни стали называть воронами* [КТЭ].

5. (В%ДЮЖСКИЕ ВОРЁНЫ). Жители д. Вадюга. в-т. *Далеко мы от других деревень, в лесу живем* [КТЭ].

6. Жители д. Лукино. Карг. [КТЭ].

7. Жители д. Кысса. Леш. [КТЭ]. *В голодное время жители ели ворон. Кого-то одного застали за этим делом, а называть стали воронами всех* [Дранникова, 90, 314] // КОСОЛАПЫЕ, РЕКОСТ%ВЫ.

8. **(ВОРОНОТА).** Жители д. Русома. Леш. [КТЭ] // БАХВ%ЛЫ (во 2 знач.).

9. Жители д. Бугово. Леш. *На сарае-то сидеть – по-вороньи реветь – то были буговцы* [Дранникова, 147].

10. Жители с. Козьмогородское. Мез. [Дранникова, 125] // ФРАНЦІЗЫ (в 4 знач.).

11. Жители г. Мезень. Мез. [Дранникова, 126] // ЗЕЛЕЗАНИ, КИСОРАЗЫ, КОНОЕДЫ, КОФАЙНИКИ (в 1 знач.), МЕЦ%НА (во 2 знач.), САЖЕАДЫ, ЧЕРНОТРЕПЫ (в 3 знач.).

12. Жители д. Карботовская. Он. [Дранникова, 125].

13. Жители д. Осаново. Пин. [КТЭ]. «Сурский куст: “Островяне – водохлебы, Городецкие – kostогрызы, На Осанове – вороны, На Погосте – галицы, Верхнесуры – водохлебы, А в Засурье – зайцы”. Вариант: “На Осанове – вороны, На Погосте – галицы, В Засурье – зайцы, В Каскомени – мусенники, В Городецке – поганцоры”» [КЛРС, 54; СП, 74]. «В Сурском кусте деревень Пинежского района бытовала следующая песня: “Сура – галичи (галки), Засурье – заецы (зайцы), В Похурове – кузнецы, А в Прилуке – крохали, Осаново – вороны”» [Дранникова, 265].

ВОРОНÔТА. См. ВОРЁНЫ (в 8 знач.).

ВОРОТÌШКИ. 1. (**УСТЬ-В%ЕНЬГСКИЕ ВОРОТÌШКИ**). Жители пос. Усть-Ваеньга. Вин. *Воротушка – ворот, может, ворот не смогли пришиить* [КТЭ] // ПАЛЬНИКА, СВИСТÌЛЬКИ (во 2 знач.).

2. (**ДВИНСКАË ВОРОТÌШКИ**). Жители бассейна р. Сев. Двина. Вин. *Nas так в Архангельске звали* [КТЭ].

3. (**ДВИНОВ%РСКИЕ ВОРОТÌШКИ**). Жители д. Двинской Березник. Шенк. [КТЭ].

ВОРЧУНЫ. Жители д. Марьина. Пин. *Шотогора – шатуны, марьегора – ворчуны* [Дранникова, 297] // ГЫЧИ, ЛУЗ%НЫ.

ВЁРЫ. 1. (**ИЗЕВÀРА-ВЁРЫ**). Жители д. Изеверы. В-т. *Изевера – воры: укралы быка на угоре, мясо съели, а икуру под гору подбросили* [КТЭ] // ЕРШÄ (в 3 знач.), ЭКУНИ, СМÌТЫ.

2. Жители микрорайона Соломбала г. Архангельска. Прим. [Дранникова, 101] // ВОДОХЛЁБЫ (в 14 знач.).

3. (**ЧУБЛ%ЧАНЕ-ВЁРЫ**). Жители д. Чублок. Кон. [Дранникова, 101; КТЭ].

4. Жители с. Ворзогоры. Он. [Дранникова, 101].

5. Жители д. Хаврогоры. Прим. *Верхокона – дураки, хаврогора – воры, Черкошино – враги* [КТЭ] // БЕСПУТНЫЕ, БЕССЧЁТНЫ(Е), КАРБАСНИКА.

6. (**МАТИГ%РЫ-ВЁРЫ**). Жители с. Матигоры. Холм. «О жителях, по преданию о каком-то их святотатстве, говорят: “Матигоры воры, Богородицу укради, в огород закопали”» [Подвысоцкий, 88] // РЫЖИЕ ТАРАКАНЫ, ЧЕРНОТРЕПЫ (в 5 знач.).

ВРАЛÄ. 1. Жители д. Калитино. Мез. [Дранникова, 320] // АСЕÌЛА.

2. Жители д. Часовенская. Прим. [КТЭ].

ВШÄВЫЙ БЕРАЗНИК. Жители д. Березник. Уст. [КТЭ].

ВÎ ДЕНИКИ. Жители одной из деревень Виноградовского района в бассейне р. Сев. Двина. Вин. [КТЭ].

ГАГ%И. 1. Жители д. Ефимово. В-т. *Ефимовцы – гагаи, насрали на сараи. Гагаи – птицы такие, что ли?* [КТЭ] // МЕШКАÄ (во 2 знач.).

2. Жители д. Лохома. В-т. [КТЭ] // ЧÄВЦЫ.

ГАГ%РНИКИ. Жители д. Устьназемье; то же, что КРОХАЛАÄ (в 1 знач.). Леш. [КТЭ].

ГАГ%РЫ. 1. Жители д. Новинки. Котл. [КТЭ].

2. Жители д. Кулой. Пин. [Дранникова, 125, 248].

ГАЗАТЧИКИ. Жители к. д. в устье р. Моша. Плес. *Из каждой семьи кто-нибудь в Петербурге жил, они газеты продавали, так и прозвали* [КТЭ].

ГАЛИЦЫ. Жители д. Погост. Пин. «Сурский куст: “Островяне – водохлебы, Городецкие – костогрызы, На Осанове – вороны, На Погосте – галицы, Верхнесуры – водохлебы, А в Засурье – зайцы”. Вариант: “На Осанове – вороны, На Погосте – галицы, В Засурье – зайцы, В Каскомени – мусенники, В Городецке – поганцоры”» [Дранникова, 265; КЛРС, 54; СП, 74].

Г%ЛКИ. 1. Жители д. Абросимово. Карг. [КТЭ].

2. Жители д. Погост. Карг. [Дранникова, 125] // КУКÌЕВЦЫ.

3. Жители д. Чекуево. Он. [Дранникова, 125].

4. Жители д. Чадрома. Уст. [КТЭ].

ГАЛЁШНИКИ. Жители микрорайона Биржа г. Архангельска. Прим. «Поверх ботинок они надевали галоши» [Дранникова, 101] // КОРОЛАÄ (в 3 знач.).

ГАРЬЮС%. Жители д. Кипарово. Прим. [КТЭ].

ГАЮНІ. «Шутливое прозвище жителей села Биричевского за их протяжный выговор». Он. [СРНГ 6, 156].

ГОВÔДИНА (РОТКЁВСКАЯ ГОВÔДИНА). Жители к. д. Ротковец. Кон. *Изгниет мясо, а они его едят* [КТЭ] // К^{3/4}ЙКИ.

ГЛУХАРИ. 1. Жители д. Сояна; то же, что ЧУХАРИ (в 1 знач.). Мез. *Называют так потому, что много лет назад приехал в это село один барин. Окликнул он близко проходящего мужика. А том ему: «Чаво? Чаво?». «Поди сюда!» – кричит барин. «Кого приведи?» – ответил мужик. «А, поди ты отсель, глухарь ты эдакий», – буркнул барин. Сел он обратно в сани и поехал, крикнув напоследок: «Вот и живите глухарями, света Божьего не видя»* [Дранникова, 75, 125, 217] // БОБЫЛИ, ДЫМЛЁНО(Е) ГУЗЬЁ.

2. Жители д. Казенщина. Холм. [Дранникова, 125].

ГНИЛЁЙ П^{3/4}ЛТУС. Жители д. Климово; то же, что ПАЛТАСÔТА (П^{3/4}ЛТУС, П^{3/4}ЛТУСЫ, П^{3/4}ЛТУСНИКИ). Вель. *Раз они в магазине купили рыбы, а рыба-то оказалась гнилая* [КТЭ].

ГОЛОД^{3/4}И. 1. Жители д. Орлово. Карг. *Жителей этой деревни называют голодаями, потому что вокруг этой деревни леса, и нет полей для хлеба* [Дранникова, 55, 312].

2. «В Пингишском селении жители Заречья называются в насмешку голодаями: заречные – голодаи». Холм. [СРНГ, 6, 314].

ГЁЛУБИ. 1. Жители д. Остров. Пин. [Дранникова, 125] // ВОДОХЛЁБЫ (в 6 знач.).

2. Жители д. Шеньга. Холм. [КТЭ].

3. Жители д. Вяткинская. Шенк. [Дранникова, 125].

ГОЛУБÔТА. Жители д. Чуласа. Леш. [КТЭ] // КОНЕВ^{3/4}ЛЫ (КОНОВАЛЫ), ЧУЛКА.

ГОРÀЛЫЕ УХВ^{3/4}ТНИКИ. Жители д. Савинская. Карг. [КТЭ].

ГОРЕЛЬНИКИ (ГОРЕЛЬЦЫ). Жители с. Бестужево. Уст. *Наше-то село, ну раньше это, конечно, было, горело часто. Дома-то уж сильно красивы были. Все из цельного бревна, как теремки. Так ужшибко горели; иногда полдеревни сгорало. Ну, соседи и прозвали горельники, горельцы* [Дранникова, 332].

ГОРЛ^{3/4}НЫ. 1. Жители д. Киглохта. Пин. *Киглохтяне-то – горланы, киглохтяна под горой* [Дранникова, 172, 297] // ГУСИ (в 1 знач.).

2. Жители б. д. Чухченемь. Пин. «По свойствам характера: «Чухчмята – те горланы, шотогора чиковаты (т. е. воображающие), мурьевца задиристы, шотогора – форсунь»» [КЛРС, 71, 77; СП, 97].

ГОРШÀНЯ (ГОРШÀЧНИКИ, ГОРШЁЧНИКИ). Жители д. Усть-Кыма; то же, что ГОРШКА (в 3 знач.), ПОДГОРШЁЧНИКИ. Леш. [КТЭ].

ГОРШÀЧНИКИ (ГОРШЁЧНИКИ). Жители с. Тимощелье; то же, что ГОРШКА (в 4 знач.). Мез. *Село славилось мастерами, чья глиняная посуда пользовалась очень большим спросом, отсюда – горшечники* [Дранникова, 314] // КИРПИЧА.

ГОРШКА. 1. **(ОСÀНОВСКИЕ ГОРШКА)**. Жители д. Осиново. Вин. *Кирпичный завод был, кирпичи делали, горшки; Они горшки делали и продавали; Потому что они горшки на изгородь вешали; Было производство горшков* [КТЭ] // СВИСТЛЬКИ (в 1 знач.).

2. Жители д. Вахрушево. Карг. [Дранникова, 112].

3. Жители д. Усть-Кыма; то же, что ГОРШÀНЯ (ГОРШÀЧНИКИ, ГОРШЁЧНИКИ), ПОДГОРШЁЧНИКИ. Леш. *Жителей называли подгоршочниками или горшками, помоему, у них на заборах висело очень много глиняных горшков* [Дранникова, 314].

4. Жители с. Тимощелье; то же, что ГОРШАЧНИКИ (ГОРШЁЧНИКИ). Мез. Горшечник у них в деревне живет; Гончары были [КТЭ]. Солдат повез девку к себе в деревню и хвастается, что деревня богатая – 33 завода. Приехали. Она говорит: «А где трубы?» Он и показал, что почти в каждом доме делали глиняные горшки. Это и были завода [Дранникова, 219] // КИРПИЧА.

5. Жители д. Карпово. Плес. [Дранникова, 112].

ГОРШЁЧНИКИ. 1. Жители к. д. Топса. Вин. Мы – горшочники: у нас горшки тяпали да крынки [КТЭ].

2. Жители к. д. Троица. Вин. Они посуду глиняную делали [КТЭ].

3. (**ГОРШАНЯ, ГОРШАЧНИКИ**). Жители д. Усть-Кымы; то же, что ГОРШКА (в 3 знач.), ПОДГОРШЁЧНИКИ. Леш. [Дранникова, 112].

4. Жители д. Тимощелье; то же, что ГОРШКА (в 4 знач.) Мез. Горшки у них делали, кирпичи, так и прозвали горшочниками [КТЭ] // КИРПИЧИ.

5. Жители д. Цимола. Пин. [Дранникова, 112].

6. Жители д. Церкова. Пин. [Дранникова, 112] // ЧЕРЕП%НЫ (в 4 знач.), ЧЕРЕПКИ.

ГРИБОЕДЫ. Жители д. Грибаниха. Он. [Дранникова, 53].

ГРЯЗНОПОДЕЛКИ. Жители д. Заозерье. Пин. «На первый взгляд нелогичными выглядят прозвища немножан и заозер грязнотропы и грязноподолки, поскольку в настоящее время д. Немнуга и Заозерье располагаются на высоких берегах и имеют сухие дороги. Объяснение им мы находим в местных преданиях, рассказывающих об исконном пойменном положении (заозерское кладбище до сих пор расположено под горой, рядом с озером)» [КЛРС, 56; СП, 28] // КРАСНОГЛ%ЗЫЕ СОРЁЖКИ, СОРЁЖКИ (в 3 знач.).

ГРЯЗНОТРЁПЫ. 1. Жители д. Немнуга. Пин. «На первоначальное пойменное положение указывают микротопонимы и прозвище немножан – грязнотропы» [КЛРС, 56; СП, 98].

2. Жители д. Челмохта. Холм. «Прозвище могло возникнуть из-за того, что в деревне после таяния снега всегда было много грязи. «Челмохта – грязнотропы. Как приедешь к ним, хоть зимой, хоть летом, всюду грязь такая. А убирать ленились. Бывало, даже помои в мороз прямо на тропы выливали, так и получили они это прозвище»» [Дранникова, 106, 337].

ГРЯЗНУЛИ. Жители бассейна р. Пеза, притока р. Мезень. Мез. [Дранникова, 51] // ДИКА(Я) ПЁЗА.

ГУЛИВАНЫ. Жители д. Пачиха. Пин. «Границы пинежского кеврольского куста деревень можно реконструировать по перечисляемым микроэтнонимам в песне “Молодежь скоро подкатит”: “Еще еркольцы – ельцы, Юрошана – сенолюбы, А в Пахиче – гуливаны, Кушкопалы – чернолобы, Еркомена – водохлебы”» [Дранникова, 296–297].

ГУЛЮШКИ. Жители д. Заакакурье. Мез. Едят ведь гулюшек. Здесь была пустынь, потом ее закрыли, осталась церковь и несколько крестьянских дворов. Около церкви жило много гулюшек (голубей) [Дранникова, 90, 93] // %ЗИЯ, КОЛОКЁЛА.

ГУЛОШИ. Жители с. Койда. Мез. На каждый праздник люди устраивали огромные гуляния со смехом, с танцами под гармонь, с пением частушек, запевалок, с переодеванием [Дранникова, 318] // БОГОМАЗЫ (в 3 знач.), КУРОПЫ, МАНДОАДЫ (в 1 знач.).

ГУСИ. 1. Жители д. Киглохта. Пин. [Дранникова, 126] // ГОРЛ%НЫ (в 1 знач.).

2. Жители д. Верхняя Коскара. Шенк. [Дранникова, 125].

ГЫЧИ. Жители д. Марьина. Пин. [КЛРС, 77] // ВОРЧУНЫ, ЛУЗ%НЫ.

ДВОЕВ%РЫ (ЗАБЁРСКИЕ ДВОЕВ%РЫ). Жители д. Зaborье. Вин. Они kostи два раза варили, бедные, видно, были [КТЭ].

ДЕВÔТЫ(Е) ЛÔДИ. «Дразнят обывателей с. Кузаранды в Заонежье. Причиной этой клички, по уверению крестьян, служит старинное предание: «Обыватели с. Кузаранды в количестве 10 человек отправились в путь; после какой-то переправы вздумали проверить, все ли они налицо, но сколько ни считали, кто ни принимался считать, всех участвующих в путешествии оказывалось уже не 10, а 9 человек. Как погиб один из товарищей и кто он такой, они не могли припомнить и сильно горевали. Кто-то уже посторонний пересчитал их, нашел, что они все налицо и объяснил им, что все считавшие забыли сосчитать самих себя»». Он. [Куликовский, 18].

ДЕМОН%. 1. Жители д. Мегра. Мез. «Они жили у моря, занимались опасным морским промыслом и ничего не боялись» [Дранникова, 122].

2. Жители деревень Верхняя и Нижняя Золотица. Прим. *От монастырей заселились демона; С Золотицы едут демона – плохая погода будет; всегда сбывалось* [КТЭ].

3. Жители Верхопаденского сельсовета. Шенк. [КТЭ].

ДЕРГАЧÄ. Жители с. Малая Слобода. Мез. *Слобожане-дергачи, Съели кошку на печи* [Дранникова, 232, 261].

ДИКАРИ. 1. Жители о-ва Хабарка. Прим. *Хабарка – остров дикарей. Раньше на этот остров селили всех ссыльных* [Дранникова, 271].

2. Жители о-ва Краснофлотский; то же, что НЕОБИТАЕМЫЕ. Прим. *Раньше до острова можно было добраться только теплоходом* [Дранникова, 340].

3. Жители д. Уксора. Шенк. *Однажды купец ехал мимо Уксоры, решил заехать обогреться. Только въехал, на него напали люди, как дикие звери, которые были вооружены, кто топором, кто дубинами. С тех пор к Уксоре не примыкает никаких селений. Находится она далеко от больших дорог, а прозвище до сих пор осталось* [Дранникова, 232].

ДИКА(Я) ПЁЗА. Жители бассейна р. Пеза, притока р. Мезень. Мез. «Местность удалена, и жители отстали в культурном отношении» [Дранникова, 51, 76] // ГРЯЗНУЛИ.

ДÄКАЯ Г%ЛЕЯ. Жители д. Шегмас. Леш. [АОС, 9, 31].

ДЛИННЫЕ ЗАТЫЧКИ. Жители д. Каскоменъ. Пин. *В банях у них не было стекол, и их затыкали сеном или соломой* [Дранникова, 118] // МУСЁННИКИ (МУСЁНКИ).

ДОЛГОПОЛЫ. 1. (ДОЛГИ(Е) ПОЛЫ). ««Каргополы – долгополы/долги полы»» [Барсов, 323] // ЖЖЁНЫЕ ОГЛОБЛИ (ЖГАНЯ ОГЛОБЛЯ), Л%ПОТНИКИ (во 2 знач.), МЕШКАÄ (в 1 знач.), ОВСÔНИКИ, ПРИШИВНЫЕ ГОЛОВЫ, СЫРОÄДЫ (в 1 знач.), ТОЛОКНОННИКИ, ЧУДЬ (во 2 знач.), ЧУДЬ БЕЛОГЛ%ЗАЯ (во 2 знач.), ШИПУНÎ (в 3 знач.).

2. Жители д. Нижнозеро. Он. [КТЭ] // ЕРШАКИ (ЕРШИ), КАЙВАНЫ, КАЙВАШИ (во 2 знач.), КАЯНЕ.

ДРАБОД%НЫ. Жители д. Горка-Ладковщина. Холм. *Все беспутные были* [КТЭ] // КОШ%НА.

ДРАЧУНÎ. 1. Жители д. Веегора. Пин. *Если съездишь на праздник в Веегоры, обязательно потеряешь шапку. Очень много драк было! Ребята там дрались по любому поводу* [Дранникова, 324] // ПАЛАЧÄ, ПЬÔНАЯ ДЕРАВНЯ.

2. Жители д. Шотова. Пин. [КЛРС, 77] // ФОРСУНÎ (в 1 знач.), ШАТУНЫ.

ДРОЗДÎ. Жители д. Азаполье. Мез. [КТЭ].

ДРУЖКÄ. «Прозвище бурлаков из бывшего Онежского уезда. Прозвище, данное онежанам-бурлакам, вероятно, в силу их привычки называть каждого молодого парня дружком, а девочек – подружками». ««Вставай, вставай, дружки, вставай, мо-

лодцы, каша сваривши, горох пригоревши”, – так будили онежан-бурлаков на сплавах кашевары из местных (новгородских) крестьян»; *Онежсаны – дружски, каргополы – мешки, поморы – наважьи головы*. Он. [СРНГ, 8, 219].

ДРЫНІ (КАЛЕНКИЕ ДРЫНІ). Жители д. Кильца; то же, что ДРЫНЫ С КОЛОКОЛАМИ. Мез. [КТЭ] // СКРІ ТНЫЕ.

ДРЫНЫ С КОЛОКОЛАМИ. Жители д. Кильца; то же, что ДРЫНІ (КАЛЕНКИЕ ДРЫНІ). Мез. Кильчана уж страсть как любили лошадей (килецки лошади были лучшими на Мезени). Куда бы кильчани не поехал – в город ли, на пашню ли или навоз возить – всегда у него под дугой колокольчик звенел. Вот и стали называть кильчан за их краснобайство и лошадиные колокольчики – дрыны с колоколами [Дранникова, 318] // СКРІ ТНЫЕ.

ДІРА (СІРА-ДІРА). Жители д. Сура. Пин. [Дранникова, 326] // АЛКАШИ, ХЫШÄ.
ДУРАКА. Жители к. д. Часовенского сельсовета. Прим. *Верхокона – дураки, Хаврогора – воры, Черкошино – враги* [КТЭ].

ДЫМЛЁНО(Е) ГУЗЬЁ. Жители д. Сояна. Мез. «“Сояна– дымлено гузье: семгу ловят, бродят, вечно мокры”. После ловли семги они были вынуждены сушить одежду около костра» [Дранникова, 238] // БОБЫЛИ, ГЛУХАРИ (в 1знач.), ЧУХАРИ (в 1 знач.).

ДІ МНИКИ. 1. Жители к. д. Плесо. Холм. [КТЭ] // ЯПЕНЦЫ (в 6 знач.).
 2. Жители д. Одинцовская. Шенк. «Избы топились по-черному» [Дранникова, 101].

ДЫР%НЫ. Жители д. Ковжа. Карг. [КТЭ].

ЕВРАИ. 1. Жители д. Пакшеньга. Вель. Так их прозвали за изобретательность и хитрость [Дранникова, 73].

2. Жители д. Моржегоры. Вин. [КТЭ].

АДОМЦЫ КРАСНОЯЗІ КИЕ. Жители Беляевского сельсовета. Вил. [КТЭ].

ЁЖИКИ. Жители д. Анциферовская. Уст. [КТЭ] // ПОВЕЩАНА.

ЕЛЁВЫЙ НАРЁД. Жители д. Вольская. Кон. *Ни черта не разумеют* [КТЭ].

ЕЛЬЦІ. 1. Жители д. Веркола. Пин. [КТЭ]. «Ельцами называют матверчан и веркольцев, добывающих речную рыбу» [КЛРС, 28, 56]. «Прозвище ельцы указывает на роль рыбного промысла в хозяйственной инфраструктуре деревни: “Елец не рыба, а веркольцы не гости”» [СП, 86]. «Границы пинежского кеврольского куста деревень можно реконструировать по перечисляемым микроэтнонимам в песне “Молодежь скоро подкатит”: “Еще веркольцы – ельцы, Юршана – самолюбы, А в Пахиче – гуливаны, Кушкопала – чернолобы, Еркомена – водохлебы”» [Дранникова, 252, 296] // БОГОМЕЛЬЦЫ (в 1 знач.), МОН%ХИ (во 2 знач.), ЧЕРНОЛЁБЫ(Е) (во 2 знач.).

2. Жители д. Матвера. Пин. «Ельцами называют матверчан и веркольцев, добывающих речную рыбу: “Матверцы – ельцы, Съели крысу на печи Вместо луковицы. Ели-ели три недели, На четверту околели”» [КЛРС, 56; СП, 28]. «Матверцы рыбачат на Пинеге: основная их добыча елец, оттого их и прозвали ельцами. “Бывало сверху на плотах плывут книзу, мы им с берега: “Верховцы – опалены овцы!” А они на ответ: “Матверцы – ельцы, женились на овцы!” Так и препираемся» [СП, 116–117] // КАЛАЧА, УБАЙЦЫ.

3. Жители д. Лавела. Пин. *Лавельцы очень любят рыбу. Рыба для них после хлеба – главная еда. Вот и сидят на реке рыбаки с утра до вечера, и летом и зимой. А поскольку крупная рыба на реке Пинеге уже давно не водится, а только мелочь разная, наподобие ельцов, отсюда и зовут так нас* [Дранникова, 326] // ВОДОХЛЁБЫ (в 7 знач.).

ЕРЕТАЦА. Жители д. Летня Золотица. Прим. *Лопшари – зубари, яренжата – пестери, Дураково – Ревяково, Золотица – Еретица, Пушлахта – Наважска* [КТЭ] // ЗМАИ.

ЕРШАКЁ (ЕРШÄ). Жители д. Нижнозеро. Он. [КТЭ] // ДОЛГОПОЛЫ (во 2 знач.), КАЙВАНÎ, КАЙВАШÄ (во 2 знач.), КАЯНЕ.

ЕРШЕЕДЫ. Жители д. Заозерье; то же, что ТРЕСКОÄДЫ (в 3 знач.). Мез. [Дранникова, 113] // КÄСЛЫЕ К¾МБАЛЫ (КАСЛАЯ К¾МБАЛА), КРЕСЦÎ.

ЕРШÄ. 1. Жители д. Павловская. Вель. [КТЭ].

2. Жители д. Великая; то же, что МÀЕВЫ. в-т. [КТЭ].

3. Жители д. Изеверы; то же, что ÈКУНИ (в 1 знач.). в-т. [КТЭ] // ВÈРЫ (в 1 знач.), СМÌТЫ.

4. Жители д. Бутырская; то же, что ÈКУНИ (во 2 знач.). Прим. *Был раньше Ери, от него сейчас полдеревни ериши, а полдеревни – окуни. У меня теща – Ери, а брат – Окунь. Привез я их как-то в Боброво, меня спрашивают: «Что привез?». А я говорю: «Рыбу привез». Смеялись все* [КТЭ].

4. Жители д. Нагорская. Уст. *Нагорские – они как противные эти колючие ериши* [КТЭ].

ЕРШÄ ПОПОН¾ВОЛОЦКИЕ (ПОПОН¾ВОЛОЦКИЕ ЁРШИКИ). Жители Попонаволоцкого сельсовета. Вель. *Еришей много ловили* [КТЭ].

Ж¾РЕНЦЫ. Жители д. Подосенова. Уст. [КТЭ].

ЖАРОВÎ Е. Жители д. Хачела. Он. [КТЭ].

ЖГАНАЯ ОГЛОБЛЯ. См. ЖЖЁНЫЕ ОГЛОБЛИ.

ЖЖЁНЫЕ ОГЛОБЛИ (ЖГАНАЯ ОГЛОБЛЯ). Жители Каргопольского района; то же, что ОБОЖЖЁНЫ(Е) ОГЛОБЛИ, ПАЛЁНЫЕ ОГЛЁБЛИ (ПАЛЁНАЯ ОГЛОБЛЯ). Каргопольский район – жженые оглобли всей Онегой и всем Онежским районом звали. Они жили беднее, Онега-то более богатый район: тут море, рыба. Как зима, онежане на север – бурлачить, а каргополы просят: «Вот-де нет у нас ничего – дом сгорел» [Дранникова, 311]. «Жганая (паленая) оглобля – каргополы просили милостыню по соседним уездам, прикидываясь погорельцами» [Там же, 116] // ДОЛГОПОЛЫ (в 1 знач.; ДОЛГИ(Е) ПОЛЫ), Л¾ПОТНИКИ (во 2 знач.), МЕШКАÄ (в 1 знач.), ОВС-ДНИКИ, ПРИШИВНЫЕ ГОЛОВЫ, СЫРОÄДЫ (в 1 знач.), ТОЛОКНОННИКИ, чудь (во 2 знач.), ЧУДЬ БЕЛОГЛ¾ЗАЯ (во 2 знач.), ШИПУНÎ (в 3 знач.).

ЖЕЛТОГЛАЗИКИ. Жители с. Уфтуога. К-б. «Так называли купальницу европейскую, которая в большом количестве произрастала вокруг Уфтуоги» [Дранникова, 128].

ЖИВОРЕЗЫ. Жители деревень Ямскогорской и Одинцовской. Шенк. Жестоко дрались [Дранникова, 116].

ЖИДЫ. Жители д. Пустошь. Прим. *Потому что раньше, когда деревня только образовалась, население в ней было зажиточное. У каждого жителя была хотя бы одна корова, небедное хозяйство. И люди из соседних деревень так и стали звать людей нашей деревни* [Дранникова, 72] // КУКУРÙЗНИКИ (в 8 знач.).

ЖИПНИКИ. Жители микрорайона Сульфат г. Архангельска. Прим. «Называют жипниками за их жадность, которая проявлялась в том, что они выращивали много овощей, а потом продавали их по высоким ценам на рынке» [Дранникова, 273].

ЖИТНИ(Е) ШТИ. Жители д. Карьеполье; то же, что ШТИ (КАРЬЕПОЛЬСКИ(Е) ШТИ). Мез. *Карьепола жито вели всю жизнь, шти холодные хлебали* [Дранникова, 238].

ЖИТНИКИ. «Прозвище, даваемое жителями Архангельска и Соломбалы обитателям подгорных деревень: «Не люблю я этих житников. Ах, вы житники!»» [СРНГ, 9, 191].

ЖУРАВЛÄ. 1. Жители д. Андреев Починок. Уст. [КТЭ].

2. Жители д. Шириухино. Шенк. *Там большие птицы-то проживали. По птицам-то и назвали* [Дранникова, 125].

ЗАБРОДЫ. Жители д. Залывье. Пин. *Залывяна – заброды, люли-люли, Городите огороды, люли-люли, Ваши кони пробежали, люли-люли, Наши озими объели, люли-люли* [КЛРС, 77; СП, 97].

ЗАВОРІ И. Жители д. Майда. Мез. *Майденам прозвище – заворуи* (вид промысла тюленя) [Дранникова, 131, 238] // ЧÄПУШИ.

ЗАГОРАЛЫ(Е) СЁЧНИ. Жители д. Донковы. Холм. [КТЭ].

ЗАГРАНАЧНИКИ. Жители д. Белощелье. Леш. *Раньше были в другом районе* [КТЭ] // ЧОЧВАКАÄ (ЧУЧВАКАÄ).

ЗАЕЦЫ. См. 3¾ЙЦЫ (в 8 знач.).

3¾ЙКА ТРУСАШКО. Жители д. Труфаново. Котл. [КТЭ].

3¾ЙКИ (3¾ЙЦЫ). Жители д. Едома. Леш. [КТЭ] // ВОДОХЛЁБЫ (в 4 знач.), ЗУБ¾НЫ (в 1 знач.).

ЗАЙЦ¾ (ШІ ГИНСКИЕ ЗАЙЦ¾). Жители д. Шугинская. Карг. [КТЭ].

3¾ЙЦЫ. 1. Жители д. Самсоновская. Вель. [КТЭ].

2. Жители д. Часовенная. Вель. [КТЭ] // КЛЕСТОТА.

3. (3¾ЙЧИКИ). Жители д. Ручей. В-т. [КТЭ].

4. Жители д. Лыковская. Вил. *Лесные жители, о деревню лес* [КТЭ].

5. Жители д. Коряжемка. Котл. [КТЭ] // КРОТИ, СОБ¾КИ (во 2 знач.).

6. Жители д. Конещелье. Леш. [КТЭ].

7. Жители д. Смутово. Пин. *В лесу живем, даκ нас и дразнят; Живут в глухом лесу, вот и прозвали зайцами. Охотники все хорошие* [КТЭ]. *А как не зайцы? Они от нас за рекой жили. Даκ я до сих пор не пойму, как они в распутье к нам попадали: не иначе через реку, как зайцы, скакали* [СП, 87]. *Зайцами жителей деревни Смутово называли, потому что они жили за рекой, и во время распуты они перебирались через реку, и про них говорили: «Не иначе как зайцами через реку скакали»* [Дранникова, 326].

8. (**ЗАЕЦЫ**). Жители д. Засурье. Пин. «Сурский куст: “Островяне – водохлебы, Городецкие – костогрызы, На Осанове – вороны, На Погосте – галицы, Верхнесуры – водохлебы, А в Засурье – зайцы”. Вариант: “На Осанове – вороны, На Погосте – галицы, В Засурье – зайцы, В Каскомени – муссенники, В Городецке – поганцоры”» [Дранникова, 265; КЛРС, 54; СП, 74]. «В Сурском кусте деревень Пинежского района бытовала следующая песня: “Сура – галичи (галки), Засурье – заецы (зайцы), В Похорове – кузнецы, А в Прилуке – крохали, Осаново – вороны”» [Дранникова, 126].

ЗАЙЧ¾ТА. Жители пос. Ламбас. В-т. [КТЭ].

3¾ЙЧИКИ. См. 3¾ЙЦЫ (в 3 знач.).

ЗАМАРАННЫ(Е) ПОДОЛЫ (ОБМАРАННЫ(Е) ПОДОЛЫ). Жительницы д. Березник. Мез. [Дранникова, 55, 165] // ПОМЁЙНАЯ ОМА.

ЗАМОРОЖЕННЫЕ. Жители Архангельской области и г. Архангельска; то же, что **ОТМОРОЖЕННЫЕ (ОТМОРОЗКИ), ПРИМОРОЖЕННЫЕ** [Дранникова, 338].

ЗАМОСТНИКИ. Жители микрорайона Ягры г. Северодвинска [Дранникова, 271] // УБОЙНИКИ.

ЗАПАСАНЦЫ-УЗКОЛЁМЦЫ. Жители деревень бассейна р. Пасна. Вил. *Говорят, что скупые, за скупость так прозвали* [КТЭ].

ЗАУГЁЛЬНИКИ. «Холмогорцы – заугольники (*смотрели на Петра I из-за углов*)» [ПРН, 338]. *Как-то раз Петр I приезжал в Архангельск; холмогорские староверы из страха смотрели на государя из-за угла* [Забылин, 581; Сахаров, 224; Снегирев, 551].

Заугольники – это холмогоров так называют, они ведь не прямо на дороге живут, а на откосе каком-то, за углом. Дома всегда были закрыты, и, чтобы войти, надо стучать: незнакомого сразу не впускают, сначала расспросят через окно, а потом открывают дверь [Дранникова, 336] // НУЖДА ХОЛМОГОРСКАЯ.

ЗЕЛЕЗАНИ. Жители г. Мезень. Мез. *Мезени – зелезени, Никола – колокола, Лампожня – песцы, Заозерье – кресцы* [КТЭ] // ВОРЁНЫ (в 11 знач.), КИСОРÀЗЫ, КОНЮЕДЫ, КОФАЙНИКИ (в 1 знач.), МЕЩ%НА (во 2 знач.), САЖЕÀДЫ, ЧЕРНОТРЕПЫ (в 3 знач.).

ЗЕЛЁНА. Жители д. Палуга. Леш. *У нас всегда, почему-то, урожай весь морозом было – так не от того ли зеленой звали? Палуга – зелена, Кеслома – ворона, Юрома – воровка, Тиглява – колотовка* [КТЭ].

ЗЛЕКОЛ% (ЛЕКАЛ%). Жители д. Федотовская. Шенк. *Громко говорят* [КТЭ].

ЗМАИ. Жители д. Летняя Золотица. Прим. [КТЭ] // ЕРЕТАЦА.

ЗОЛОТÔНА (ЗОЛОТÔНЫ). Жители восточной части д. Погост. Холм. *За церковной там живут; Золотяна жили на восточной стороне Погоста, там раньше склады варягов были, они кормились у складов, потому и звали золотяна* [КТЭ] // КУЛИКА (в 4 знач.).

ЗУБ%НЫ. 1. Жители д. Едома. Леш. [Дранникова, 287] // ВОДОХЛЁБЫ (в 4 знач.), З%ЙКИ.

2. Жители деревень Большое и Малое Кротово. Пин. [КТЭ].

3. Жители Покшентского сельсовета. Пин. [КЛРС, 77; СП, 97].

ЗУБАРÄ (ЛОПШАРÄ-ЗУБАРÄ). Жители д. Лопшеньга; то же, что ЛОПШЕЗÌ-БЫ. Прим. *Ели латишу; Лопшари – зубари, яренжата – пестри, Дураково – Ревяково, Золотица – Еремица, Пушлахта – Наважска* [КТЭ] // СТЕГАНЫЕ ЖЁПЫ, ТÌРКИ (в 5 знач.), ТУРУРÌ.

ЗÌ РИ (АКАЧКИНСКИЕ ЗÌ РИ). См. ЗЫРЬ (в 6 знач.).

ЗЫРЬ. 1. (ЗЫРÔНА, ЗЫРÔНЕ). Жители д. Подпляусье. Вель. *Подпляусян почему-то зырянами считали, про них говорили: «зырь чертова»; Зырь их зовут, они говорят отлого; Нас прозвали зырянами, все зырь да зырь, зырю почто-то называли* [КТЭ].

2. (ЗЫРÔНА). Жители деревень Липовского сельсовета. Вель. *Монастырских зырь зовем, они протегали, протежно так говорили* [КТЭ] // МОНАСТÌ РСКИЕ.

3. Жители д. Тончиковская [неофициальное название Верховье]. Кон. *Верховицна очень громко говорят, и говор у них такой отличный от нашего, потому и зовем зырь* [КТЭ].

4. (ЗЫРÔНА, ЗЫРÔНЕ). Жители д. Березник. Уст. *Там первый зырян поселился; У нас в Березовке жили, дак друг друга зырянами обзываюти, злые были; Зыряне на Березнике жили, а у нас чуди все* [КТЭ].

5. Жители д. Задорье. Уст. [КТЭ].

6. (АКАЧКИНСКИЕ ЗÌ РИ, ЗÌ РИ, ЗЫРЯКÄ, ЗЫРÔТА). Жители д. Акичкин Починок. Уст. *Кто-то из их предков были прозорливые, везде все видели (зырили) [Дранникова, 332]. Они какие-то матюклиевые, боевые – зырь; Оне в лесу живут, лесные люди-то – зырь; Была здесь раньше белоглазая зырь, кочевники, на лодках ездили по рекам и здесь остановились, здесь, на этом месте, лес вырубили. С тех пор зырь зовут* [КТЭ].

7. (ЗЫРÔТА). Жители д. Исаевская [неофициальное название Пушкино]. Уст. *Ox, они, пушки, зыри драяться; Ну, и зырь пушки, они бойкие, крутые такие; Зырь-*

то в Пушкине, ребята такие были избалованные – зырята [КТЭ].

8. (ГРУНЦЁВСКАЯ ЗЫРЬ). Жители д. Грунцовская [неофициальное название Кузнецово]. Уст. *Они, видишь, такие бойкие были, зырь да и все; Они самовольные* [КТЭ] // Л%ПАНЦЫ (Л%ПОНЦЫ) (во 2 знач.).

9. Жители д. Малое Пенье. Уст. *Зырюю все малопеньевцев называют, это как бранят* [КТЭ].

10. Жители д. Щипцово. Уст. [КТЭ] // КИТ%4Й.

ЗЫРЬ БЕЛОГЛ%ЗАЯ. Жители Устьянского района. Уст. *На восток выше с. Шангалы кто люди живут, так называли зырь белоглазая и про места их так говорили* [КТЭ] // Л%ПОТНИКИ (в 8 знач.), НИЗКОСРАКИЕ, ЧУДЬ (в 4 знач., ЧУДЬ БЕЛОГЛ%ЗАЯ).

ЗЫРЯКÄ. См. ЗЫРЬ (в 6 знач.).

ЗЫРÔНА. 1. См. ЗЫРЬ (в 1, 2, 4 знач.).

2. Жители д. Летопала. Пин. «Летопал зырянами дразнили: от них до Коми недалеко» [СП, 87] // ВОДОХЛЁБЫ (в 9 знач.).

ЗЫРÔНЕ. См. ЗЫРЬ (в 1, 4 знач.).

ЗЫРÔТА. См. ЗЫРЬ (в 6, 7 знач.).

ИВНИКИ. Жители д. Пингиша. Холм. [Дранникова, 128].

ИКОТНИКИ. 1. Жители бассейна р. Пинега и ее притоков. Пин. *Пинега – икотники, так как там были колдуны, которые могли наслать на человека напасть – икоту. Сама видела такого молодого человека, он постоянно повторял: «Боже мой, Боже мой, Боже мой...»; Пинежсане очень злые люди. На Пинежье если невзлюбят кого, то они садили икоту – болезнь, которая выражается: в неподходящий момент человек издает разные крики, например: «Пряников хочу, дайте пряников» [Дранникова, 322–323]. «Пинежане – икотники, кликушки: нигде в России эта болезнь не распространена в такой мере, как здесь» [Зеленин, 49]. Вся Пинега, говорят, икотники, трескоеды* [КТЭ]. «Пинежана – икотники (Пинежский уезд и в особенности Сурский в нем приход, считаются гнездилщиком болезни икоты)» [Подвысоцкий, 122]. «Пинежане (жители бассейна р. Пинега и ее притоков)» [КЛРС, 42; СП, 22]. «Пинежане – икотники (общая там болезнь: икота, кликушество)» [ПРН, 339; СРНГ, 12, 182] // ВОДОХЛЁБЫ (в 12 знач.), КЛИК%ШКИ, КЛИКУШНИКИ, КОЛДУНЫ (во 2 знач.), НЕЧИСТЫЕ, ТРЕСКОАДЫ (в 5 знач.).

2. Жители бассейна рек Пинега и Мезень. Прим. *Они икают, когда говорят* [КТЭ]. «Прозвище пинежан и мезенцев. Пинъяки (пинжаки) – икотники: «Пинжаки икотниками были, икоту садили»» [СРНГ, 12, 182].

ИКЁТЫ. Жители д. Ичково. Холм. *Бабки там живут, икоту насаждают; От икот подул ветерок – жди грозы* [КТЭ].

КАБЛЮКА. Жители деревень Большая и Малая Орьма. Нянд. *Мы говорим каблук, а они каблюк* [КТЭ].

КАЗ%ИНЦЫ. Жители д. Остров. Холм. *Дрались раньше, как казанцы, никому не подчинялись* [КТЭ].

КАЙВАКА. Жители д. Солза. С-Двин. [КТЭ] // БАХÄЛЫ (во 2 знач.), РЕВЯКА.

КАЙВАНÎ. Жители д. Нижнозеро. Он. [КТЭ] // ДОЛГОПОЛЫ (во 2 знач.), ЕРШАКÄ (ЕРШÄ), КАЙВАШÄ (во 2 знач.), КАЯНЕ.

КАЙВ%НЫ-КРИВОНЁГИ. Жители д. Вожгора. Леш. [КТЭ] // БРЮШИННИЦЫ, КРАСНЫЕ ПАРТИЗАНЫ.

КАЙВАШÄ. 1. Жители д. Кянда. Он. [КТЭ] // БАХÄЛЫ (в 1 знач.), ПОТЁПАЛЫ.

2. Жители д. Нижнозеро. Он. [Дранникова, 322] // ДОЛГОПОЛЫ (во 2 знач.), ЕРШАКÄ (ЕРШÄ), КАЙВАНÎ, КАЯНЕ.

К%ЙКИ (РОТКОВАЦКИЕ К%ЙКИ). Жители к. д. Ротковец. Кон. У нас в Ротковце озеро святое, бабы выйдут на прорубь белье полоскать, и – кай-кай-кай – как галки галдят [КТЭ] // ГОВÔДИНА.

КАЯНЕ. Жители д. Нижнозеро. Он. [Дранникова, 125] // ДОЛГОПОЛЫ (во 2 знач.), ЕРШАКÄ (ЕРШÄ), КАЙВАНÎ, КАЙВАШÄ (во 2 знач.).

КАЛ%ЙЦЫ. Жители д. Рубеж. Вель. [КТЭ] // ТРЕСКОÄДЫ (во 2 знач.).

КАЛАЧÄ. Жители д. Матвера. Пин. [Дранникова, 114]. Матверцы – калачи: ездили на покос с калачами [КЛРС, 56; СП, 28] // ЕЛЬЦÎ (во 2 знач.), УБÄЙЦЫ.

КАЛГ%НЕ. Жители д. Абрамовская, переселившиеся из других районов. Он. [КТЭ].

КАЛОШНИКИ (КАЛОШНИЧКИ). Жители д. Ивкино. Карг. [Дранникова, 303].

КАЛТÎ ЧНИКИ (КОЛТÎ ЧНИКИ, КУЛТЫКА, КУЛТÎ ЧНИКИ). Жители д. Керга. В-т. Их считают калмыками; Калтычники кержсан звали, чуевской породы они [КТЭ].

КАМ%ШНИКИ 1. Жители к. д. Кирьга. Кон. Культурны мы, не в лаптях, а в камашах² ходим [КТЭ].

2. (**КАМ%ШИ**). Жители д. Сюзьма; то же, что БАШМ%ЧНИКИ. С-Двин. Наверное, форсисты были, камаши-то – ботинки, блестящие, лакированные; В Сюзьме влюблены мужики были, вот и камашники; А они в камашах ходили; У нас все немцы ездили сюда на дачи, в камашах ходили; Там немцы жили, век проходили в камашах [КТЭ].

КАН%ТНИКИ. 1. Жители д. Загарская. Уст. [КТЭ].

2. Жители д. Исаковская. Уст. [КТЭ].

КАНЮКИ. Жители д. Ура. Пин. Жителей называют канюки, видимо, из-за того, что они к охоте были приучены с детства, ведь деревня расположена в лесу, почти не имела никакой связи с центром [Дранникова, 125].

КАПУСТНИКИ. 1. Жители д. Юрьеваволок. К-Б. [Дранникова, 112].

2. Жители бассейна р. Пуя. Шенк. [Дранникова, 112].

КАРАВ%И. Жители хут. Миронцево. Вель. [КТЭ].

КАРАСИ. Жители д. Хвосты; то же, что СИГÄ. Прим. Жители прозвали друг друга сигами и карасями. Одна половина деревни промышляла ловлей одного вида рыбы, другая – другого. Когда ни приди, на столе всегда рыба – или сиг, или карась [Дранникова, 331].

КАРБ%СНИКИ. Жители д. Островецкая. Вин. Это были карбасники, они карбасья³ шили [КТЭ] // ТОЛОКЕННИКИ (в 1 знач.).

КАРБАСНИКА. Жители д. Хаврогоры. Холм. По занятию рыболовы и карбасники⁴ [Грандилевский, 222] // БЕСПУТНЫЕ, БЕССЧЁТНЫ(Е), ВЁРЫ (в 5 знач.).

К%РЛИКИ. Жители д. Крылово. Пин. [КТЭ].

КАРТЁЖНИКИ. Жители д. Пархачевская. Кон. [Дранникова, 117].

² Камаши – ботинки, башмаки [СРНГ, 13, 15].

³ Карбасье – лодка [СРНГ, 13, 81].

⁴ Кárбасник, карбасníк – в дореволюционное время – владелец карбаса или тот, кто на нем работает [СРНГ, 13, 81].

КАРТОВНИКИ (КАРТОВНЫ(Е) ШАНЬГИ). Жители д. Пежма. Вель. *Нас картофниками всю жизнь называют, потому что у нас земли хорошие, картошка всегда хорошо родит* [Дранникова, 114, 309].

КАРТОФЕЛЬНИКИ. Жители окрестных деревень Маймаксы, микрорайона г. Архангельска. Прим. *Во время войны приходила молодежь на танцы. Они пытались одной картошкой, и поэтому животы у них были большие. Это сразу бросалось в глаза* [Дранникова, 341].

КАРТОФЕЛЬНЫЕ КОРОЛИ. 1. Жители островных деревень Пустошь, Выселки, Вознесенье. Прим. «Получали самые большие урожаи картофеля в округе: “То ли картофель был крупный, то ли хозяева умелые, то ли с островов картофель воровать несподручно”» [Дранникова, 51, 328].

2. Жители д. Кальчино. Прим. *Кальчиняне на протяжении долгого времени снимали большие урожаи картофеля* [Дранникова, 329] // КОРОЛИ (во 2 знач.).

КАТАÄМЫ. Жители д. Залив-Наволок. Вель. [КТЭ].

КАТЁНЧИКИ. Жители д. Соболева. Карг. *Прозвище дано за то, что жители в основном невысокого роста, полные* [КТЭ] // ТЮРИКАÄ.

КАТЫШÄ. Жители д. Мелегора. Леш. *Все у них в деревне маленькие и толстенькие были, оттого, наверное, и звали* [КТЭ].

КАФТАННИКИ. Жители Ошевенской волости. Карг. *Говорят, там кафтаны шили* [Дранникова, 312].

КАФТ%НЫ. Жители д. Червяковская. Шенк. *Шили кафтаны* [КТЭ].

К%ШНИКИ. Жители д. Шардомень. Пин. *Кушкопала – чернолобы, Еркомена – водохлебы, Шардомена – кашники, церкогора – черепаны; Шардомена называют себя кашниками. От родителей я узнала, что прозвище появилось из-за любви жителей к каше. Позднее услышала предание: якобы на общем сенокосе собака шардомен съела кашу* [Дранникова, 41, 297, 327]. «По пристрастиям жителей в еде: “Шардомена – кашники: кашу едят. Ставили сено шардомена и еркомена. У еркомен была наварена каша, и шардоменская собака прилетела и слопала. Их прозвали кашники”» [КЛРС, 56, 71, 77; СП, 28, 97] // МАКУНÎ , ФОРСУНÎ (во 2 знач.).

КАӦРЫ. «Прозвище обывателей д. Никифоровской Ухотской волости Каргопольского уезда, на р. Ухте. “Язык их русский, но со странными ударениями; тип оригинальный; они чистоплотнее русских, ходят в плисовых шароварах; население около 100 душ”». Карг. [Куликовский, 35].

КЕРЖАКАÄ. 1. Жители Нижнетоемского сельсовета. В-Т. [КТЭ].

2. Жители д. Аввакумовская (Нижнетоемский сельсовет). В-Т. [КТЭ].

КИБ%СНИКИ. Жители д. Лампожня. Мез. *Моряки все были; У нас кибасье⁵ покупали все. Дразнили раньше: «Дерни за гасник, будешь кибасник»; Кибасье они все шили, потом рыбы много ловили; Кибасье все шили для поплавней да для неводов; Лампожна – кибасники, кибасы делали все* [КТЭ]. *Кибасы делали к неводу, каменья; Очень давно любили ловить рыбу, это было средством их существования, и поэтому мастерили сети, а кибас – это груз для сети* [Дранникова, 238, 318] // ПЕСЦÎ .

⁵ *Кибасье (кибас)* – грузило невода или сети, сделанное обычно из камня, зашитого в бересту, или из глины в виде сплюснутого шарика с отверстием посередине [СРНГ, 13, 193].

КИРГÄЗЫ. 1. Жители д. Ларионовская. Вил. [КТЭ].

2. Жители д. Кучкас. Пин. *Күчкасы – киргизы, скулы широкие* [Дранникова, 78, 123] // КРОШЕНИНА (в 1 знач.; КРОШЕНИЧНИКИ).

КИРПИЧÄ. Жители д. Тимощелье. Мез. *Тимощелы – кирпичи. У них у каждого глина была, кирпичи да все делали* [КТЭ] // ГОРШАЧНИКИ (ГОРШЕЧНИКИ), ГОРШКА (в 4 знач.).

КИРПÄЧНИКИ. 1. Жители д. Ольсеево. Карг. *Раньше здесь был кирпичный завод* [КТЭ].

2. Жители д. Семеново. Карг. *Живут в кирпичных домах* [Дранникова, 302].

КИСЕЛÄ. Жители д. Столбовская. Вель. [КТЭ].

КÄСЛАЯ К¾МБАЛА. См. КÄСЛЫЕ К¾МБАЛЫ.

КИСЛОРАДЫ(Е). Жители к. д. Пиньгиша. Холм. [КТЭ]. *Весной их деревню часто заливает водой. И поэтому они не успевают посадить ничего, кроме репы, и ели ее. А от репы они пukали; У них земли были плохие, только хорошо не зерно, а репа родилась; Они сажали репу в огромных количествах, а она вся скисала. А однажды яма, в которой один из жителей хранил репу, взорвалась* [Дранникова, 324–325].

КИСЛЫ(Е) ЗАОЗЁРА. Жители д. Езевец. Мез. [КТЭ].

КÄСЛЫЕ ИСПЁДКИ. Жители д. Мальшинское. Карг. [КТЭ] // БЕЗЗАКЁННИКИ, НАГÄЕ ЛЁПОТИ.

КÄСЛЫЕ К¾МБАЛЫ (КÄСЛАЯ К¾МБАЛА). Жители д. Заозерье. Мез. *Озеро у нас есть Кислое, мы как раз за ним живем. А камбалы – оттого что мы их раньше много ловили; Моряки были; Камбалы они много ловили; Они все по камбалы ходили, камбалы сквасят, закислят и едят* [КТЭ]. «Слово камбала в Архангельской губернии имело значение ругательства. На Онеге было распространено выражение *косяя камбала* в значении ругательства» [Дранникова, 81] // ЕРИШЕЕДЫ, КРЕСЦІ, ТРЕСКОАДЫ (в 3 знач.).

КИСОРАДЫ. Жители г. Мезень. Мез. *Мезенцы – кисорезы: кису срезали у мужика* [КТЭ]. *Киса – сумка с едой, провизией. Раньше в Мезень часто приезжали на лошадях мужики из деревень. И взади каждой саней была привязана киса. Чуть зазевается мужик, зайдет в трактир выпить, а мезенцы уже готовы – кису срезали; Мезенцы – кисорезы (большая слобода, через которую проезжали, славилась разбойными нравами)* [Дранникова, 238, 319] // ВОРЁНЫ (в 11 знач.), ЗЕЛЕЗАНИ, КОНОЕДЫ, КОФАЙНИКИ (в 1 знач.), МЕЩ¾НА (во 2 знач.), САЖЕАДЫ, ЧЕРНОТРЁПЫ (в 3 знач.).

КИТ¾И. Жители д. Щипцово. Уст. *Один человек из Щипцово в Китае служил – вот и прозвали* [КТЭ] // ЗЫРЬ (в 10 знач.).

КИТ¾ИЦЫ. 1. Жители д. Хлыщевская; то же, что ЛОПАРÄ (в 1 знач.). Вель. *Там все звали то китайцы, то лопари, от сельсовета самая крайняя деревня с той стороны* [КТЭ].

2. Жители д. Большое Каргачево. Вель. *Их с войны много домой вернулось* [КТЭ].

3. Жители д. Чурпинская. Вил. *Турки (жители д. Докукинская) говорили не понашему, а нас китайцами звали* [КТЭ].

4. Жители д. Айнова. Пин. «Стали называться китайцами за их многодетность» [Дранникова, 108] // ШАЛГАЧÄ (ШЕЛГАЧИ).

5. Жители д. Перхачево. Прим. «Из-за удаленности села от центра» [Дранникова, 108] // ПРИВ¾ЛЬЧИКИ.

КЛЕПИКИ. Жители д. Тамбич-Лахта. Плес. [Дранникова, 112].

КЛЕСТОТА. Жители д. Часовенная. Вель. [КТЭ] // З¾ЙЦЫ (во 2 знач.).

КЛИКУНІ. Жители одной из частей с. Павловское. Вил. *По природе зовут их кликуны* [КТЭ].

КЛИКІШКИ. «Пинежане – икотники, кликушки» [Зеленин, 49] // ВОДОХЛЁБЫ (в 12 знач.), ИКОТНИКИ (в 1 знач.), КЛИКУШНИКИ, КОЛДУНЫ (во 2 знач.), НЕЧИСТЫЕ, ТРЕСКОАДЫ (в 5 знач.).

КЛИКУШНИКИ. «Называют пинежан» [Дранникова, 84] // ВОДОХЛЁБЫ (в 12 знач.), ИКОТНИКИ (в 1 знач.), КЛИКІШКИ, КОЛДУНЫ (во 2 знач.), НЕЧИСТЫЕ, ТРЕСКОАДЫ (в 5 знач.).

КОБІЛЫ (ПЕТРЁВСКИЕ КОБІЛЫ). Жители д. Шестниковская (неофициальное название – Петрова). Вель. [КТЭ].

КОБЫЛОТА. Жители д. Конедрино. Вель. [КТЭ].

КОЗЛІ. Жители д. Леонтьевская. Уст. *Козлов держали* [КТЭ] // МЕШ^¾НЕ (во 2 знач.).

КЕЗЫ. 1. Жители д. Вагинский Наволок. Прим. [КТЭ].

2. Жители д. Солица. Уст. [КТЭ].

КОКЕРЫ. 1. Жители д. Кеврола. Пин. [КТЭ] // БОГОМЕЛЬЦЫ (во 2 знач.), ВОДОХЛЁБЫ (в 8 знач.), ВЁЛКИ (в 1 знач.), КРОКИ, МІРМАНЫ, ТОПЛЯКИ, ФАРАЕНЫ (в 3 знач.).

2. Жители д. Федотовская. Шенк. [КТЭ] // ЗЛЕКОЛ^¾ (ЛЕКАЛ^¾).

КОКІИ. Жители верхнего конца д. Погост. Холм. [КТЭ].

КОКУРІЗНИКИ. См. КУКУРІЗНИКИ (во 2 знач.).

КОКІШКИ. См. КУКІШКИ.

КОКШАР^¾. Жители д. Верхнее. Холм. [КТЭ].

КОЛДУНЫ. 1. Жители д. Топса. Вин. [Дранникова, 85, 121].

2. Жители бассейна р. Пинега. Пин. *Они занимались заговорами, ворожбой и могли закодовать любого* [Дранникова, 323] // ВОДОХЛЁБЫ (в 12 знач.), ИКОТНИКИ (в 1 знач.), КЛИКІШКИ, КЛИКУШНИКИ, НЕЧИСТЫЕ, ТРЕСКОАДЫ (в 5 знач.).

3. Жители д. Кушкопала. Пин. [Дранникова, 121] // ЧЕРНОЛЕБЫ(Е) (в 1 знач.).

4. Жители д. Почезерье. Пин. *Почезера-те много знали. Их все колдунами называли.*

Тяжело умирали. Одной колдунье, помереть не могла, дак охлупень поднимали и серпом из паха крови достали, тогда только помергла колдунья [Дранникова, 85, 121] // ЧУХИ.

5. Жители д. Ниюча. Пин. [Дранникова, 85] // ПУСТОХЛЁБЫ, ЧЕРНОЛЕБЫ(Е) (в 3 знач.).

6. Жители верховьев р. Устья. Уст. [Дранникова, 85].

КОЛОКЕЛА. Жители д. Заакакурье (старое название – *Никола*). *Мезени – зелезени, Никола – колокола, Лампожня – песцы, Заозерье – кресцы* [КТЭ] // ¾ЗИЯ, ГУЛЮШКИ.

КОЛОТЁВКА. Жители д. Тиглява. Леш. *Палуга – зелена, Кеслома – ворона, Юрома – воровка, Тиглява – колотовка* [КТЭ] // ЩАДРЫ.

КОЛОТЁВОЧНИКИ. Жители к. д. Лимь. Нянд. *Лимъяна скупые очень* [КТЭ].

КОЛТІЧНИКИ (КАЛТІЧНИКИ, КУЛТІЧНИКИ, КУЛТЫКА). Жители д. Керга. В-т. *Кержана – колтычники, ругают все; Видать, зоб у них был – колтык* [КТЭ].

КОЛХОЗНИКИ. Жители к. д. Паденьга. Шенк. [Дранникова, 113] // ОДНОЛОМОЧНИКИ.

КОМАРІ. 1. Жители д. Пылема. Леш. *В деревне много комаров, так как она окружена множеством покосов* [КТЭ].

2. Жители д. Бычье; то же, что НАКОМ^¾РНИКИ. Мез. *У их леса всё комары летали* [КТЭ] // СОЛЁКИ.

КЁМИКИ. Жители к. д. Кырканды. Уст. [КТЭ].

КОНЕВ%ЛЫ (КОНОВАЛЫ). Жители д. Чуласа. Леш. [КТЭ; Дранникова, 287]. // ГОЛУБÔТА, ЧУЛКАÄ.

КОНОЕДЫ. Жители г. Мезень и д. Малая Слобода. Мез. [Дранникова, 238] // ВОРЁНЫ (в 11 знач.), ЗЕЛЕЗÄНИ, КИСОРЕЗЫ, КОФАЙНИКИ (в 1 знач.), МЕЩ%НА (во 2 знач.), САЖЕÄДЫ, ЧЕРНОТРЁПЫ (в 3 знач.).

КОПАЧÄ. Жители к. д. Прилук. Холм. [КТЭ].

КОПОРÌЛЯ. Жители д. Усолье. Плес. «Копоруля, т. е. тихоня – усольцы» [Дранникова, 56].

КОПТЕЛЬЕ. Жители д. Избная. Кон. «Избы топились по-чёрному, и поэтому дым выходил через отверстие, сделанное в потолке» [Дранникова, 117].

КОРОБОВНИКИ. Жители д. Вонга. Пин. *Лучше вонгожсан никто коробов не плел* [Дранникова, 112].

КОРОВНИКИ. Жители д. Саунино. Карг. *Самые большие скотные дворы-коровники были в этой деревне* [Дранникова, 312].

КОРОЕДЫ. Жители г. Архангельска. *Работала я в молодости на комбинате, где лес пилили, вот нас, лесопильщиков, и называли короедами, потому что обрабатывали лес и снимали кору с бревен, а потом уж только доски выходили* [Дранникова, 339] // ВОДОХЛЁБЫ (в 13 знач.), КРÈВЕЛЬЩИКИ, МОРЖЕÄДЫ, ТРЕСКОÄДЫ (в 6 знач.), ШАНЁЖНИКИ (в 4 знач.).

КОРОЛАÄ. 1. Жители д. Мокеевская. в-т. *Жили хорошо, богато* [КТЭ].

2. Жители д. Кальчино. Прим. *Кальчинян называли королями, так как во времена правления Петра Великого приходили в Кальчино корабли со стороны острова Андрианово* [Дранникова, 329] // КАРТОФЕЛЬНЫЕ КОРОЛИ (во 2 знач.).

3. (**БИРЖЕВСКИЕ КОРОЛИ**). Жители микрорайона Биржа г. Архангельска. Прим. *Раньше здесь был мясокомбинат процветающий, лес катали да на экспорт делали. И биржевцы были очень зажиточными* [Дранникова, 340] // ГАЛЁШНИКИ.

КОРСАКАÄ. Жители д. Плесо. Пин. [КТЭ].

КОСАЧÄ. 1. Жители д. Шиленьга; то же, что РЯБКАÄ (во 2 знач.). Вин. [КТЭ].

2. Жители д. Лохново. Пин. «Во время купания жители Кобелева кричат жителям Лохнова, находившимся на другом берегу реки Покшеньга: «Вы заречана – косачи, Съели кошку на печи, На горячем кирпичи!»» [Дранникова, 250] // ТУР%НЫ.

***КОСОБРÖХИЕ (ВАГ%НЫ КОСОБРÖХИЕ).** «Ваган – общее название жителей селений по р. Ваге в Шенк. у. и вообще жителей этого уезда, которых обзывают в насмешку: *ваган кособрюхой* (от того, что носят криво подпояску)» Он., Холм. [Подвысоцкий, 14]; то же, что КОСОПÌЗЫЕ ВАГ%НЫ // ТОЛСТОПÌЗЫЕ. ♦ В «Словаре русских народных говоров» в статье на *кособрюхий* приводится несколько прозвищ, зафиксированных на разных территориях, в том числе *ваги кособрюхие* ‘прозвище жителей по текению реки Ваги’ Шенк. [СРНГ, 15, 62]. Поскольку ссылка на источник отсутствует, можно предположить, что данная фиксация ошибочна и имеется в виду прозвище *ваган*, зафиксированное в словаре А. Подвысоцкого.

КОСОЛАПЫЕ. Жители д. Кысса. Леш. [Дранникова, 122] // ВОРЁНЫ (в 7 знач.), РЕКОСТ%ВЫ.

КОСОПÌЗЫЕ ВАГ%НЫ (ВАГ%НЫ КОСОПÌЗЫЕ). 1. Жители деревень бассейна р. Вага; то же, что *КОСОБРÖХИЕ. Вин. *Ваганы косопузые – архангельские ваганы: протяжная речь-то. На одной картошке и соли сидели, вот и косопузые* [КТЭ].

Они много чаю пьют, и пузо у них переворачивается с одного бока на другой [Дранникова, 337] // ТОЛСТОПЫЗЬЕ.

КОСОРЫЛОВЦЫ. Жители Исакогорки, пригорода г. Архангельска. Прим. [Дранникова, 272].

КОСТОГРЫЗЫ. 1. Жители д. Городецк. Пин. «Сурский куст: “Островяне – водохлобы, Городецкие – костогрызы, На Осанове – вороны, На Погосте – галицы, Верхнесуры – водохлобы, А в Засурье – зайцы”» [КЛРС, 54; СП, 28, 74] // ПОГАНЦЁРЫ (в 1 знач.).

2. Жители д. Явзора. Пин. «Жителей д. Явзора соседи приветствуют фразой: «Сегодня кости на обед»» [Дранникова, 249]. Явзорцы раньше все большие мясо ели. Богаты были, зажиточны [КЛРС, 56; СП, 28] // ЧУГУНІ.

КОСТЫЦЫ. Жители д. Монастырь. В-т. [КТЭ].

КОСИЕГЕЛОВЫ. Жители д. Пугачевская; то же, что КОШЁНЫЕ ГЕЛОВЫ (в 1 знач.). Вель. [КТЭ] // ТУРОВОТА.

КОТАЧА. Жители д. Замошье. Карг. [КТЭ].

КОТЕМКИ. 1. Жители д. Глотово. Вель. [КТЭ].

2. Жители д. Ваймуша; то же, что ШЕЛГАЧИ (во 2 знач.). Пин. [Дранникова, 260] / БОГАЧИ (во 2 знач.), БРАГЧНЫ (во 2 знач.).

КОТОНЧАИ. Жители с. Олема; то же, что КЕТЬШИ. Леш. [КТЭ].

КОТЫ. Жители д. Нижка. Мез. [Дранникова, 126] // МОЛОКЧНЫ, УВЧЛЫ.

КЕТЬШИ. Жители с. Олема; то же, что КОТОНЧАИ. Леш. [КТЭ].

КОФАЙНИКИ. 1. Жители г. Мезень. «Пили много кофе, завезенного в Мезень из Норвегии. “Мы кофейники. Мезенцы раньше кофе в самоварах заваривали и из них пили”» [Дранникова, 114, 130] // ВОРЕНЫ (в 11 знач.), ЗЕЛЕЗАНИ, КИСОРАЗЫ, КОНОЕДЫ, МЕШЧНА (во 2 знач.), САЖЕАДЫ, ЧЕРНОТРЕПЫ (в 3 знач.).

2. Жители деревень в среднем и нижнем течении р. Мезень [Дранникова, 51] // МЕШЧНА-КОФАЙНИКИ, ШТЕННИКИ.

КОШЧЛКИ (КОШЧЛЯ). Жители д. Конецдворье. Прим. *Дак с кошалками⁶ они ходили; Они все с мешками пихаются вперед; Придет теплоход, они с сумками, с кошелями⁷ пихались* [КТЭ].

КОШЧНА. Жители д. Горка-Ладковщина. Холм. [КТЭ] // ДРАБОДЧНЫ.

КОШЧВНИКИ. Жители д. Исаково; то же, что КОШЁНЫЕ ГЕЛОВЫ (во 2 знач.). Вель. [КТЭ].

КОШКОДЧВЫ. 1. Жители д. Вагино. Прим. *Дедко задавил троих котов – вот и кошкодавы* [КТЭ].

2. Жители д. Ненокса. С-Двин. [КТЭ] // ПЕСТЕРЯ (во 2 знач.), СОЛЕВЧРЫ (СОЛОВЧРИ), ТРЕСКОАДЫ (в 7 знач.).

КОШКОДЧРЫ. Жители д. Кошкино. Вил. [КТЭ].

КОШЁНЫЕ ГЕЛОВЫ. 1. Жители д. Пугачевская; то же, что КОСИЕГЕЛОВЫ, КОШЁНИКИ. Вель. [КТЭ] // ТУРОВОТА.

2. Жители д. Исаково; то же, что КОШЧВНИКИ. Вель. [КТЭ].

⁶ Кошалка – котомка, сумка из холста, носимая за спиной [СРНГ, 15, 138].

⁷ Кошель – небольшой мешок, котомка [СРНГ, 15, 144].

КРАСНОГВАРДЕЙЦЫ. Жители с. Церковное. Плес. *Они стали так называться, потому что во время Гражданской войны там был лагерь Красной армии* [Дранникова, 328].

КРАСНОГЛЯЗЫЕ СОРЁЖКИ. Жители д. Заозерье. Пин. «Живут на берегу озера и занимаются отловом сороги» [КЛРС, 56] // ГРЯЗНОПОДЕЛКИ, СОРЁЖКИ (в 3 знач.).

КРАСНЫЕ ПАРТИЗАНЫ. Жители д. Вожгора. Леш. «Прозвище возникло в 1918 году после боя между красными и белыми, который состоялся возле Вожгоры» [Дранникова, 120] // БРИЮШИННИЦЫ, КАЙВАНЫ-КРИВОНЁГИ.

КРЕПОСТНИКИ. Жители пос. Конвойер. Прим. *Бабушка рассказывала, что в ее юности здесь находилась Новодвинская крепость (крепость Петра I), потом она была разрушена* [Дранникова, 340].

КРЕСТОЛЁМЫ. Жители д. Кузомень. Холм. *Ломали кресты на дрова и топили ими* [КТЭ].

КРЕСЦІ. Жители д. Заозерье. Мез. *Мезени – зелезени, Никола – колокола, Лампожня – песцы, Заозерье – кресцы* [КТЭ] // ЕРШЕДЫ, КÄСЛЫЕ К%МБАЛЫ (КÄСЛАЯ К%МБАЛА), ТРЕСКОÀДЫ (в 3 знач.).

КРЁВЕЛЬЩИКИ. «Архангельцы – кровельщики. Иванович, слезь с крыши: я к тебе приехала (жена кровельщика приехала в Петербург и звала с Зимнего дворца статую)» [ПРН, 338] // ВОДОХЛЁБЫ (в 13 знач.), КОРОЕДЫ, МОРЖЕÀДЫ, ТРЕСКОÀДЫ (в 6 знач.), ШАНЁЖНИКИ (в 4 знач.).

КРОТІ. Жители д. Коряжемка. Котл. [КТЭ] // З%ЙЦЫ (в 5 знач.), СОБ%КИ (во 2 знач.).

КРОХАЛАÀ. 1. Жители д. Устьназемье; то же, что ГАГ%РНИКИ. Леш. [КТЭ]. *Во время войны они ели крохалей; Назвали их так потому, что они ездили на сенокос на лодках и гребли веслами, и это у них быстро получалось. Поскольку есть такая птица крохаль, водная, быстроплавающая, так жителей и назвали* [Дранникова, 90, 314].

2. Жители д. Прилук. Пин. «В Сурском кусте деревень Пинежского района бытова-ла следующая песня: “Сура – галичи (галки), Засурье – заецы (зайцы), В Похурове – кузнецы, А в Прилуке – крохали, Осаново – вороны”» [Дранникова, 111] // ЛЕШАКАÀ (во 2 знач.), ЧЕРЕП%НЦЫ.

КРОХОБОРЫ. Жители деревень в верховьях р. Пинега. «Жители среднего и ниж-него течений реки пренебрежительно называли их крохоборами за то, что они постоянно побирались» [Дранникова, 77].

КРОШЕНИНА (КРОШЕНИЧНИКИ). 1. Жители д. Кучкас. Пин. *Не ходите в Кучкас замуж – Там лапужники едят. Лучше за ручей подите – Там хоть чаём напоят* [Дранникова, 325] // КИРГАЗЫ (во 2 знач.).

2. Жители д. Котошка. Шенк. «Получили прозвище за пристрастие к крошенине – похлебке с хлебом» [Дранникова, 113].

КРУГЛЫЕ ОВЦЫ. Жители д. Новгородово. Карг. «В этой деревне овцы отличались особой упитанностью: “Новгородовцы – круглые овцы”» [Дранникова, 126].

КРУТОБАИ. Жители д. Язовица. Уст. «Из-за того, что быстро говорят: “Пойдем в Язовицы, побаем”» [Дранникова, 70, 333].

КРІСЫ. 1. Жители д. Киселево. Вель. [КТЭ].

2. Жители д. Вахрушевская. Уст. [КТЭ].

КРÒКИ. Жители д. Кеврола. Пин. [КТЭ] // БОГОМÈЛЬЦЫ (во 2 знач.), ВОДОХЛЁБЫ (в 8 знач.), ВЁЛКИ (в 1 знач.), КОКЁРЫ (в 1 знач.), МÌРМАНЫ, ТОПЛЯКИ, ФАРАÈНЫ (в 3 знач.).

КРЯЖЁ. Жители д. Шихириха. Прим. *Они такие высокие, как кряж⁸* [КТЭ] // КУКУРУЗНИКИ (в 1 знач.).

КРÔКОЛКИ. Жители д. Ушаковская. Вель. [КТЭ].

КУЗНЕЦЫ. Жители д. Пахурово. Пин. «В Сурском кусте деревень Пинежского района бытовала следующая песня: «Сура – галичи (галки), Засурье – заецы (зайцы), В Похурофе – кузнецы, А в Прилуке – крохали, Осаново – вороны»» [Дранникова, 67].

КУЗОВКА. Жители Кузомени, части д. Нюхча. Пин. [КТЭ].

КÎ КОНИК (МЁШИНСКИЙ КÎ КОНИК). Жители Мошинского сельсовета. Нянд. *Мы-то «момоны» про них скажем, а няндомцы про нас скажут «мошинский куко-ник»* [КТЭ].

КУКÎ ЕВЦЫ. Жители д. Погост. Карг. *За их бедность* [КТЭ] // Г³ЛКИ (во 2 знач.).

КУКУРÙ ЗНИКИ. 1. Жители д. Шихириха. Прим. *Архангельские разграбили бар-жу с кукурузой, а на нас слава* [КТЭ] // КРЯЖЁ.

2. (**КОКУРÙ ЗНИКИ**). Жители одной из деревень под г. Архангельском. Прим. *Баржу с кукурузой везли, она там затонула, а они растащили* [КТЭ].

3. Жители Приморского района. *В годы интервенции недалеко от острова Кег потонула баржа с кукурузой, и местные жители ездили на баркасах и вылавливали эту кукурузу* [Дранникова, 328].

4. Жители д. Мечка. Прим. *Из-за того, что в пятидесятые годы плыла по Северной Двине баржа с кукурузой и застряла у Мечки, а через тридцать минут кукурузы уже не было – ее своровали* [Дранникова, 329].

5. Жители д. Нижнее Рыболово. Прим. *Еще во времена правления Н. С. Хрущева над деревней пролетал самолет, груженный кукурузой. Самолет потерпел круше-ние, а местные жители разнесли неповрежденную кукурузу домой* [Дранникова, 329].

6. Жители д. Повракула. Прим. *Кукурузники – зажиточные люди. А жителей д. Повракула так называли, потому что у них были свои мельницы. Сами мололи муку, имели своих работников, вели большое хозяйство; Вскоре после войны там упал самолет-кукурузник, который разбрасывал удобрения на поля* [Дранникова, 330].

7. Жители с. Заостровье. Прим. *Раньше так называли жителей деревень, входя-щих в Заостровский колхоз. Для посева кукурузы в заостровский колхоз прислали це-лую баржу кукурузных початков. Баржу оставили на ночь. Прослышив о невиданном «фрукте», местные жители решили достать и попробовать – к утру всё растащили* [Дранникова, 330] // КУРКУЛÀ (в 1 знач.).

8. Жители д. Пустошь. Прим. *До революции иностранцы привозили в Соломбалу на баржах кукурузу, одну из таких баржей пустошане однажды ночью и разворова-ли* [Дранникова, 331] // ЖИДЫ.

9. Жители микрорайона Бакарица г. Архангельска. Прим. *Там судно потонуло с ку-курузой, и все бакарицкие таскали кукурузу – все растащили* [Дранникова, 339].

КУКÎ ШКИ (КОКÎ ШКИ). Жители д. Жердь. Мез. *В ранние времена сварили кукушику, вот и прозвали кукушками; Кокувят все* [КТЭ].

КУЛАКИ. Жители пос. Ковкула. Он. *Это название завели сами ковкульцы. Моло-дежь расшифровывала «Ковкула» как «кованный кулак». Отсюда пошли кулаки* [Дран-никова, 321].

КУЛИКА. 1. Жители части д. Даниловская. Вил. *Болотные жители, одни лягухи, другие – кулики* [КТЭ].

2. Жители д. Гыжек. Лен. *Кулики у болота жили* [КТЭ].

3. Жители д. Верхняя Золотица. Прим. *Там кулики живут, другой народ, без переводчика и не понять их* [КТЭ].

4. Жители д. Погост. Холм. [КТЭ] // ЗОЛОТЫНА (ЗОЛОТНЫ).

КУЛИЧКА. Жители пос. Каменка. Мез. «Говорят, раньше они, особенно дети, ставили всякие силки на небольших пестрых птичек куличков. Поймают они их, а потом развешивают по поселку: то на деревьях, то на ворота повесят» [Дранникова, 125].

КУЛТЫКА (КУЛТЫЧНИКИ, КАЛТЫЧНИКИ, КОЛТЫЧНИКИ). Жители д. Керга. В-т. [КТЭ].

КУМЖАХИ. Жители д. Кимжа. Мез. *Кумжахи⁹ – потому что рыбу ловили* [КТЭ] // ТРУБОЧАСТЫ, ФАРАЕННЫ (во 2 знач.), ЧЕРНОТРЕПЫ (в 4 знач.).

КУПОРЫ (ЗАЛЫВЧАНЕ-КУПОРЫ). «Прозвище жителей д. Залывье, занимающихся изготовлением бочек». Прим. [Ефименко, 264; СРНГ, 16, 103].

КУПЦЫ (НИЗОВЦЫ-КУПЦЫ). Жители низовий р. Пинега. *Верховцы – палены овцы! Низовцы – купцы; Низовцы-купцы ездят на овцы* [Дранникова, 78].

КУРДЫННИКИ. Жители д. Митинская. Уст. *В яме жили¹⁰* [КТЭ] // ЯПЕННЫ (в 4 знач.).

КІРИЦА-ОВЦЫ (ЛОМЦА-КІРИЦА-ОВЦЫ). Жители д. Лямца. Он. [КТЭ]. // БАХАЛА, ПРОСТОКВЫШКА, ТІРЦИЯ (в 3 знач.), ФРАНЦІЗЫ (в 6 знач.).

***КУРКАША (ВОРЗОГЕРСКИЕ КУРКАША).** «Прозвище: “Вон ворзогорский куркаш идет, звали их”». Он. [СРГК, 3, 67].

КУРКУЛАЙ. 1. Жители д. Заостровье. Прим. *В Заостровье хорошо поставлено выращивание сельскохозяйственных культур. И заостровцы вывозят их в город на продажу* [Дранникова, 328] // КУКУРУЗНИКИ (в 7 знач.).

2. Жители д. Кехта. Холм. «Родом из этой деревни был Антоний Сийский и мимо нее он однажды проходил, направляясь в монастырь, когда укради у него верхоньки. Разгневанный святой произнес сакраментальную фразу: «Кехта всегда будет жить богато, а вот воры здесь никогда не переведутся». После этого все местное сообщество назвали куркулями (жадными людьми)» [Дранникова, 231].

КІРОПТИ. Жители д. Погорелец. Мез. *Рядом кочевали ненцы, и один из погорел украл у них из котла куроптя, а потом и съел его* [Дранникова, 90].

КУРОПЫ. Жители с. Койда. Мез. *Так как любят народ куроптей стрелять и ловить да суп варить* [Дранникова, 318] // БОГОМАЗЫ (в 3 знач.), ГУЛДЫШИ, МАНДОАДЫ (в 1 знач.).

КУТАЙНИКИ. Жители д. Площадь. Кон. *У нас на Площаде поп жил, вот площадники – кутайники* [КТЭ].

КУХЕННИКИ. Жители д. Моша и д. Макаровская. Нянд. *Дорога от Моши до Няндомы раньше была очень плохая, глинистая, транспорта еще не было, и ходили люди на работу за сорок пять километров, а в паужну брали с собой кухонники – пирожки с какой-нибудь начинкой, за это их и прозвали кухонниками* [Дранникова, 237].

КУШАКАЙ. Жители д. Целегора. Мез. *Реку кушаками ставили, т. е. у них не было покосов* [КТЭ] // ЛЕДОСТЫВЫ, РЕКОСТЫВЫ (во 2 знач.).

КУШЧНИКИ. «Прозвище жителей г. Красноборска (который славился производством тканых кушаков) [СРНГ, 16, 195].

⁹ Кумжакха – мелкая рыба (какая?) [КТЭ];ср. также: күмжса – рыба рода гольцов. Он. [СРНГ, 16, 83].

¹⁰ Курдан – яма на дне реки или ручья. Волог. [СРНГ, 16, 116].

- АОС – Архангельский областной словарь. М., 1980–… . Т. 1–… .
- Барсов – Причтания Северного края, собр. Е.В. Барсовым: В 3 ч. М., 1872–1886.
- Грандилевский А. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор. СПб., 1907.
- Дранникова Н. В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Функциональность, жанровая природа, этнопоэтика. Архангельск, 2004.
- Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // Труды ЭО ОЛЕАЭ. М., 1878. Кн. 5, вып. 2.
- Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Минск, 1991.
- Зеленин Д. К. Избр. тр. Статьи по духовной культуре 1901–1913 гг. М., 1994.
- КЛРС – Калуцков В. Н., Иванова А. А., Давыдова Ю. А., Фадеева Л. В., Родионов Е. А. Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье [Сер.:] Семинар «Культурный ландшафт». Вып. 1. М., 1998.
- Куликовский – Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении / Сост. Г. Куликовский. СПб., 1898.
- Подвысоцкий – Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / Сост. А. Подвысоцкий. СПб., 1885.
- ПРН – Даляр В. И. Пословицы русского народа. М., 1957.
- Сахаров И. П. Сказания русского народа. М., 1990.
- Снегирев И. М. Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах. Н. Новгород, 1996.
- СП – Светлое Пинежье. Путешествие по краю. Вып. 1. М.; Архангельск; Карлгогоры, 2000.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6 т. СПб., 1994–2005.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965–… . Вып. 1–… .

* * *

Юлия Борисовна Воронцова – кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КОНФЕРЕНЦИИ, СЪЕЗДЫ СИМПОЗИУМЫ

XXII Международный ономастический конгресс

XXII Международный ономастический конгресс проходил в Пизе (Италия) с 28 августа по 4 сентября 2005 г. Почетными президентами конгресса были Карло Альберто Мастрелли (Италия) и Вилгельм Х. Николайсен (Великобритания). Пленарные заседания проводились во Дворце конгрессов Пизы, секционные – в здании университета.

На пленарных заседаниях были представлены следующие доклады: *В. Х. Николайсен* – «От Флоренции 1961 до Пизы 2005: ономастическое путешествие», *К. А. Мастрелли* – «Топономастические исследования в Румынии – между Флоренцией 1961 и Пизой 2005», *П. Висингер* – «Развитие немецких ономастических исследований за последние десять лет», *Б. Порсели и Л. Терруси* – «Исследования в области литературной ономастики за последние 25 лет».

Секции тематически были поделены следующим образом: 1. Имена и лингвистика; 2. Имена и общество; 3. Имена и литература; 4. Личные имена; 5. Географические имена; 6. Другие имена. Каждая секция была представлена своими подсекциями. Секция 1: а) фонология и грамматика, б) семантика и этимология; секция 2: а) ономастические системы в истории, б) ономастические системы сегодня; секция 3: а) теория и методы, б) имена в литературных вариантах текста; секция 4: а) личные имена и история, б) групповые имена; секция 5: а) имена поселений, б) другие географические имена; секция 6: а) имена объектов, животных и учреждений, б) имена брендов.

Помимо перечисленных, на конгрессе были проведены заседания, посвященные преподаванию ономастики, ономастике и компьютеру, ономастике и средствам массовой информации, ономастической терминологии, новым проектам и начинаниям. Участники конгресса могли также побывать на презентациях новых книг и журналов по ономастике, на демонстрациях ономастических веб-сайтов, на выставке книг и карт.

Все пленарные доклады носили характер подведения итогов за прошедшие 44 года со времени проведения во Флоренции VII Ономастического конгресса (I Ономастический конгресс, как известно, состоялся в Париже в 1938 г.), а потому был понятен ностальгический настрой докладчиков, участвовавших в его работе. Особого внимания заслуживает уже упомянутый доклад *К. А. Мастрелли* «Топономастические исследования в Румынии – между Флоренцией 1961 и Пизой 2005». Под *Руманией* автор, как и другие ученые, понимает территории всех романских языков, изучение имен на которых идет крайне неравномерно. В качестве примера докладчик привел Италию, в которой наиболее изученным оказывается север, а наименее изученным – юг. Причины такой неравномерности – экономические. К. А. Мастрелли указал на Бельгию, где была организована Королевская комиссия по ономастике и диалектологии, которая должна скординировать и финансировать работу всех ономастов и диалектологов страны, и призвал итальянцев последовать этому примеру.

В дальнейшем обзоре остановимся только на некоторых докладах, прочитанных на секциях (в основном зарубежных коллег), из-за недоступности такого рода публикаций в России,

а также из-за физической невозможности в кратком обзоре освятить материалы всех 500 участников конгресса.

В первой секции («Имена и лингвистика») выступление *Г. Мурадъян* (Армения) было посвящено переводу древнегреческих имен на древнеармянский, который носил форму а) прямого перевода (имя матери Сократа Фаэнарет было передано как «та, которая появилась из добродетели»); б) замены греческого имени армянским эквивалентом (*Эфрат* → *Аракани*), в) замены имен греческих богов и мифологических персонажей армянскими эквивалентами (*Зевс* → Арамазд) и т. д.

Огромный интерес проявили участники конгресса к докладу *Г. Смита* (США) «Семиотическая теория имен». Автор при подаче материала исходил из общей предпосылки о том, что наилучший способ описать значения имен – это возможности, предоставляемые семиотикой, в рамках которой назначение имен может быть представлено в виде функции не индексов, но символов. По мнению Г. Смита, когда слова функционируют как символы, они действительно служат для установления какого-то отношения к реальному миру, но прежде всего они устанавливают связь друг с другом, а не с объективной действительностью. В докладе утверждалось, что референция – это мыслительный акт (репрезентация и интерпретация), который связывает знак с объектом. Референция может быть описана посредством трех типов формальных отношений между знаками и объектами (явлениями): икона, индекс и символ. Иконическая интерпретация – это узнавание через абсолютное тождество (знак = объект), индексная интерпретация – это узнавание посредством корреляции между иконическими узнаваниями (знаки ~ объекты), символическая интерпретация – это узнавание посредством отношений между самими знаками (знаки ~ знаки).

Необходимо отметить еще одно выступление в первой секции, собравшее большую аудиторию. Это доклад *В. Ван-Лангендонка* (Бельгия) под заголовком «Не нарицательные, но собственные имена являются прототипическими существительными». Докладчик начал со следующего высказывания: «Рональд Лангакер, один из основоположников когнитивной лингвистики, придерживается мнения, что нарицательные существительные являются прототипическими существительными». Не соглашаясь с Р. Лангакером, В. Ван-Лангендонк рассуждает о том, что именной подкласс собственных существительных, в противоположность нарицательным, проявляет себя как немаркованный: именно немаркованность категории тесно связана с ее прототипичностью. Собственные имена в английском регулярно появляются со следующими приложениями: *the poet Burns, the river Thames, President Bush, Fido the dog, the City of London* и др. Наричательные существительные здесь используются для характеристики имени, обычно указывая на базовый уровень категоризации. После детального изложения выдвинутого постулата, докладчик в свете сказанного дает следующее определение имени собственного: «Имя собственное – это существительное, которое обозначает уникальную сущность на языковом уровне, с тем чтобы сделать последнюю психически и социально выделенной в пределах базового уровня категоризации (прагматика). Значение имени, если оно есть, не указывает (больше не указывает) на его денотацию (семантика). Важным формальным рефлексом этой прагматико-семантической характеристики имен оказывается их способность появляться в таких замкнутых конструкциях с приложениями, как *поэт Бернс, Фидо собака, река Темза или Сити Лондона* (синтаксис)».

Во второй секции («Имена и общество») также можно отметить несколько докладов. Выступление *А. Бергиен* (Германия) было посвящено предпосылкам в выборе собственного имени для компании, на что владелец обращает особое внимание, чтобы не оказаться затем объектом критики, шуток или насмешек в средствах массовой информации. В выборе имени для компании сталкиваются две прямо противоположные тенденции: глобализация и регионализация.

Л. Дехлин (Швеция) в своем докладе коснулся языков национальных меньшинств и их отражении на картах и в компьютерных базах данных. Речь идет о двух языках – финском и саамском, приобретших статус официальных в 1999 г. Согласно документам, шведские,

саамские и финские имена, насколько это возможно в многоязычных районах, должны параллельно присутствовать на картах, дорожных знаках и т. д. Проблемам, связанным с воплощением в жизнь данного закона, и был посвящен доклад.

Доклад *M. Гарза-Рандери* (США) был нацелен на анализ географических имен, которыми пользовался Колумб при открытии Нового Света в XV в. В качестве материала исследования послужили дневники, письма и другие документы, написанные самим Колумбом. В докладе автор останавливается на принципах названия по-испански тех мест, которые Колумб осваивал во время двух своих путешествий: в 1492 и 1493 гг. Кроме того, *M. Гарза-Рандери* говорила о собственных именах исконных жителей Америки, не измененных Колумбом, а также тех, что были переведены с языков индейцев на испанский. Докладчик отметила также ошибки, которые были сделаны Колумбом при записи имен, и воздействие последних на политические, общественные и личные интересы.

Доклад *X. Мюллера* (Германия) назывался «Нейролингвистические подходы к обработке собственных имен». Автор предварил выступление замечаниями о том, что основным предметом исследований когнитивистов является то, как лексическое и концептуальное знание представлено в мозгу человека. Данный вопрос сам по себе уже давно волновал человечество. К настоящему времени получены наблюдения о восприятии собственных и нарицательных имен людьми с нарушенной мозговой деятельностью. На основе новейшей аппаратуры *X. Мюллер* исследовал разницу в нарушениях восприятия нарицательных существительных, с одной стороны, личных, географических имен и брэндов, с другой.

Третья секция («Имена и литература») не была представлена большим количеством докладов. Остановимся только на одном, подготовленном *L. T. Hay* (Канада), под заголовком «Экзонимы, эндонимы и псевдонимы в работах Нормана Дэвиса». Согласно автору, частой практикой является небрежное использование историками каких-либо собственных имен. Исключением оказывается Норман Дэвис, чей внимательный подход к именам во всех его исторических работах, начиная с 1972 г., составляет резкий контраст к обычной практике.

Изложение работы четвертой секции («Личные имена») начнем с упоминания краткого общего обзора, подготовленного одним из ее председателей, *Э. Брыллой* (Швеция). Доклады этой секции охватывают промежуток времени от третьего тысячелетия до н. э. (Сирия) до наших дней (имена женщин после замужества в современной Венгрии). Заявленных докладов было 48, они представляли 22 страны.

В докладе *M. Кассара* (Мальта) «Следы арабской номенклатуры в малтийских фамилиях» материал распределен по историческим периодам: 1) пребывание арабов на Мальте (870–1249), что совпадает с расцветом фамилий; 2) влияние семитских языков на малтийский; 3) использование арабских элементов *ism*, *kunuah*, *nisba*, *laqab* в малтийской системе наименований. *M. Кассара* прослеживает те же самые явления в современной Сицилии, также испытавшей на себе влияние арабов.

A. Коскун (Германия) в своем докладе «Межкультурная ономастика и некоторые формы социо-политического вхождения в римский мир. Пример Галакии в Передней Азии» излагает историю кельтов, которые переселились на Балканы в IV – начале III в. до н. э. Они заселили центральную Анатолию, где правили до создания римской провинции Галакия в 25 г. до н. э. До I столетия до н. э. кельтские имена преобладали. Греческие имена первых столетий до и после н. э. свидетельствуют о влиянии греческих правителей, затем наступил черед римских имен с опорой на имена императорской семьи.

Представление пятой секции («Географические имена») также можно начать с обзора ее работы, сделанного *C. Ныстрёмом* (Швеция). Секция объединила 46 докладов из 17 стран, которые обнаруживших настоятельную потребность продолжить ту важную работу по ономастической терминологии, которую проводит ИКОС (ICOS) и другие организации¹.

¹ ИКОС (ICOS) имеет свою интернет-страницу по адресу: <http://www.icosweb.net/>.

Заслуживает упоминания один доклад, прочитанный на данной секции. Это выступление *P. Boerrigter* (Нидерланды), которое было озаглавлено «Муниципальная политика в отношении современных названий улиц в Нидерландах». Названия улиц, по утверждению докладчика, играют огромную роль в жизни горожан, которым необходимо в них ориентироваться, а также в функционировании полиции, пожарных, скорой помощи и почты. Ассоциация муниципальных округов Нидерландов опубликовала руководство и правила наименования улиц, а также учредила для этого специальный комитет. Руководство разослано во все 483 муниципальных округа с правом на дискуссию и решающее слово за самими округами.

О работе по упорядочению ономастической терминологии в рамках конгресса и за его пределами следует сказать особо. Существует на нескольких языках (в том числе на русском) «Глоссарий терминов для стандартизации географических названий». Он содержит 375 единиц и был представлен на VII конференции ООН по стандартизации географических названий в 1998 г. Цель «Глоссария» совершенно ясна – стандартизировать терминологию и тем самым способствовать взаимопониманию ономастов и других специалистов, занимающихся именами собственными. Русский вариант «Глоссария» включает термин на английском и на русском языках и его описание по-русски. Приведу несколько примеров таких описаний: *choronym* – хороним → ‘топоним, относящийся к объекту, занимающему большую площадь’; *generic element* – родовой элемент/термин указатель → ‘часть топонима, представляющая собой родовой термин (*Newport*)’; *generic term* – родовой термин → ‘нарицательное имя, которое характеризует топографический объект, а не называет его (гора, река, например)’ и др. Очевидно, что можно принимать или не принимать что-то из предложенного в «Глоссарии», но, вероятно, нельзя делать вид, что стандартизированной ономастической терминологии не существует.

И последнее. Если по опубликованным тезисам конгресса подсчитать количество участников и стран, ими представляемых, то картина такова: Австралия – 3, Австрия – 10, Азербайджан – 2, Албания – 1, Алжир – 1, Англия – 5, Аргентина – 1, Армения – 2, Бельгия – 3, Болгария – 1, Венгрия – 10, Германия – 46, Дания – 4, Израиль – 3, Испания – 18, Италия – 136, Канада – 4, Конго – 1, Латвия – 6, Литва – 2, Мальта – 2, Мексика – 1, Нидерланды – 2, Норвегия – 6, Польша – 9, Португалия – 3, Россия – 13, Румыния – 16, Сербия и Черногория – 1, Сингапур – 1, США – 12, Узбекистан – 4, Украина – 7, Финляндия – 12, Франция – 18, Чехия – 3, Хорватия – 3, Швейцария – 12, Швеция – 14, Эстония – 4, Южноафриканская Республика – 2, Южная Корея – 1, Япония – 1. Из России приехало только 10 человек. На выставке новых публикаций по ономастике лежали горы книг, опубликованных в Италии и Германии, например, и только незаметная стопка из России. Понятно, что конгрессы – мероприятие дорогое, но подать тезисы и отправить публикации – дело чести и престижа.

XXIII Ономастический конгресс планируется провести в Торонто (Канада) в 2008 г.

O. T. Молчанова докт. филол. наук, проф. кафедры
английской филологии Щецинского университета
(Польша)

Ономастическая проблематика на X Международном конгрессе финно-угроведов

В августе 2005 г. в столице Республики Марий-Эл городе Йошкар-Ола состоялся X Международный конгресс финно-угроведов. В его работе приняли участие специалисты различных гуманитарных наук из всех стран и республик, где проживают финно-угорские народы: Венгрии, Финляндии, Эстонии, России (республик Коми, Карелии, Мордовии, Удмуртии, Коми-Пермяцкого, Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого автономных округов). Среди участников конгресса были также финно-угроведы из 17 российских городов, от Санкт-Петербурга до Томска, ученые Башкирии, Татарии и Чувашии. Большое внимание к конгрессу проявили ученые многих европейских стран – Швеции, Норвегии, Германии, Нидерландов, Англии, Франции, Италии, Польши, Румынии, Австрии, Литвы, Люксембурга, а также США, Канады, Японии, Австралии. В материалах конгресса в списке его участников перечислено 647 докладчиков из России и 270 из других стран. Далеко не все из них смогли приехать, но опубликованные материалы конгресса¹ позволяют получить представление о заявленных авторами актуальных темах, проблемах и задачах современного финно-угроведения, о полученных результатах и перспективах исследований, проведенных языкovedами, фольклористами, этнологами, литературоведами, археологами и историками.

Одним из восьми пленарных докладов конгресса был опубликованный доклад члена-корреспондента РАН профессора А. К. Матвеева «Субстратная финно-угорская топонимия на севере Европейской России». Подводя итог многолетних исследований, основанных на богатейших материалах топонимической экспедиции Уральского университета, автор дает краткое обобщение результатов сбора и анализа субстратной топонимии Севера по состоянию на данный момент.

Вопросы ономастики обсуждались и на одной из секций конгресса, названной «Ономастика и ономасиология уральских языков». В докладах, касающихся ономастики, прочитанных на заседаниях секции и/или опубликованных в сборнике тезисов, главным образом рассматривался топонимический материал: А. Н. Куклин (Йошкар-Ола) – «Теоретические и методологические проблемы ономастических исследований»; Л. Е. Кириллова (Ижевск) – «Удмуртские микротопонимы, связанные с пчеловодством»; Л. Ш. Арсланов (Елабуга) – «Гидронимия финно-угро-самодийского происхождения Елабужского района Республики Татарстан»; С. Я. Черных (Йошкар-Ола) – «О происхождении и содержании древнемарийских названий»; И. И. Муллонен (Петрозаводск) – «Ареальное исследование топонимии Карелии»; Д. В. Кузьмин (Петрозаводск) – «Этноним *lappi* в топонимии беломорских карел»; Т. Н. Дмитриева (Екатеринбург) – «Хантыйско-ненецкие контакты в бассейне реки Казым по данным топонимии»; О. П. Воронцова (Йошкар-Ола) – «Стратиграфия гидронимов Республики Марий Эл»; И. Жарков (Казань) – «К топонимике марийского Полесья». На данных антропонимии был основан доклад Н. И. Волковой (Сыктывкар) «Национально-культурные константы в коми прозвищах».

Кроме того, во время конгресса были организованы заседания круглого стола «Уральская ономастика», в работе которого приняли участие ученые Венгрии, Финляндии и России. Руководитель круглого стола Иштван Хоффманн (Дебрецен) рассказал присутствовавшим о состоянии и проблемах ведущейся с 2000 г. работы по изданию серии томов ономастической программы изучения уральских языков «Onomastica Uralica». Главная задача серии – стать общим форумом для исследователей ономастики уральских языков и способствовать тому, чтобы результаты ономастических исследований, связанных с уральскими языками,

¹ См.: Congressus Decimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Yoshkar-Ola, 15.08. – 21.08.2005. Pars 1. Orationes plenariae; P. 2. Summaria acroasium in sectionibus. Linguistica. Yoshkar-Ola, 2005.

как можно более эффективно вписались в международные ономастические исследования. Поэтому языком издания избран английский. Подготовка серии ведется в Венгрии и Финляндии. В редколлегию входят известные исследователи уральской ономастики из Дебрецена, Хельсинки, Саранска, Йошкар-Олы, Таллинна. И. Хоффман продемонстрировал уже вышедшие тома и рассказал о дальнейших публикациях этой серии.

На первом этапе исследовательской программы было запланировано издание пяти томов: 1. Избранная библиография по ономастике уральских языков; 2. История топонимических исследований в уральских языках; 3. Названия поселений в уральских языках; 4. Задимствование топонимов в финно-угорских языках; 5. Гидронимия в уральских языках². К настоящему времени вышли в свет первый, второй и третий тома³, ведется подготовка к изданию четвертого тома и сбор материалов для пятого. В дальнейшем планируется издание следующих тематических томов: Библиография (дополнения); Теория и методы сбора топонимии; Лингвистическая география и исследование топонимии; Названия племен и народов в антропонимии и топонимии; Географическая терминология в уральских языках; Антропонимия (несколько выпусков). В рамках серии возможно издание и отдельных монографий. В более далекой перспективе редколлегия серии предполагает превращение ее в настоящий журнал по уральской ономастике.

Доклады других участников круглого стола, основанные на конкретном топонимическом материале, были организованы с целью подготовки публикаций для пятого тома серии «Onomastica Uralica», посвященного гидронимии уральских языков: Ш. Матичак (Дебрецен) – «К этимологическому исследованию гидронимов (на материале мордовского языка)»; Л. Ш. Арсланов (Елабуга) – «Гидронимия Елабужского региона»; А. А. Сосаева (Чебоксары) – «Финно-угорская гидронимия Чувашии»; Т. Н. Дмитриева (Екатеринбург) – «Географические термины, обозначающие водные объекты в хантыйской топонимии Казыма». Активное участие в обсуждении докладов приняли И. И. Муллонен (Петрозаводск) и Я. Саарикиви (Хельсинки).

В ходе круглого стола были обсуждены вопросы подготовки томов серии «Onomastica Uralica», уточнен состав редколлегии пятого тома и дополнений к первому.

Т. Н. Дмитриева, канд. филол. наук, доц. кафедры
русского языка и общего языкознания Уральского
государственного университета им. А. М. Горького
(Екатеринбург)

² См.: Onomastica Uralica. План серии / Ed. by István Hoffmann. Debrecen, Helsinki, 2000.

³ См.: Onomastica Uralica 1a-b. Selected Bibliography of the Onomastics of the Uralian Languages / Ed. by I. Hoffmann. Debrecen, Helsinki, 2001; Onomastica Uralica 1c. Hungarian Onomastics in Onoma / Td. by I. Hoffmann, I. Nyirkos, F. Örgös. Debrecen, 2002. Onomastica Uralica 2. History of the Study of Toponyms in the Uralian Languages / Ed. by I. Nyirkos. Debrecen, Helsinki, 2002; Onomastica Uralica 3. Settlement Names in the Uralian Languages / Ed. by S. Maticák. Debrecen, Helsinki, 2005.

ПОЛЕМИКА

Об интерпретации некоторых материалов полевых сборов

Нет нужды доказывать, что материалы полевых сборов топонимии и лексики имеют величайшую ценность для региональных топонимических исследований. Столь же очевидно, что при первичной публикации результатов экспедиции должна соблюдаться корректность в подаче и осторожность при интерпретации материала. К сожалению, этого не наблюдается в рецензируемом отчете Д. В. Кузьмина, О. Л. Карловой «Экспедиция на Карельский берег Белого моря» [2005], который производит впечатление поспешности в выводах и невнимания к соответствующим лексикографическим и историческим данным, равно как и к топонимическому фону региона (Карелии) в целом.

Это в первую очередь касается утверждения авторов о том, что удалось зафиксировать ряд новых, ранее не попадавших в поле зрения исследователей географических терминов, таких как *нилакса* ‘подводная гладкая скала’ в Русском Поморье и *kemi* ‘сухое песчаное возвышенное место’ в Карельском (с. 189). Указание на наличие термина *kemi* в карельском языке весьма существенно, ибо дает основания для объяснения таких названий, как *Кемь-туды*, о-в на Белом море (в *Кемь-тудах* – 1563 г.; в *Кемле* – 1574 г. [СГКЭ, № 137, 138]); *Большое Кемиярви*, оз. в бассейне Воломы (на карте А. Клешнина 1728 г. – *Кемиярви*); г. *Кемивара* и р. *Кеминоя* в бассейне Чирка-Кеми. Но при этом стоило, наверное, отметить, что карельское слово не изолировано на прибалтийско-финском фоне, ср. эст. диал. *kemustik* ‘высокий, сухой, холмистый покос, где растут кусты можжевельника’, фин. *kemi* ‘обваливающийся в воду речной берег, рушащаяся береговая круча; сухое поле или поляна’ [SKES, 180], ‘прибрежный песок’ [Хакулинен, 1953, 130].

С *нилаксой* получилось совсем неладно. Как можно говорить о том, что термин ранее не попадал в поле зрения исследователей, если в словарях мы видим следующее: помор. *нилакса* ‘длинные песчаные или скалистые рифы’ [Подвысоцкий, 102], *нилаксы* ‘ряд длинных подводных, временами обсыхающих скал на Белом море; песчаная узкая мель на Новой Земле’ [Мурзаев, 2, 76], *нилокса* ‘большой камень в море’ [СРГК, 4, 27]. Более того, К. П. Гемп к слову *нилакса* ‘длинная подводная корга’ приводит иллюстрации из «Книги мореходной...» XVIII в. [Гемп, 293–294]. Этимологическая же трактовка термина оставляет впечатление недосказанности: «...апеллятив *нилакса*, распространение которого связано с продвижением карел из Приладожья. Карельским говорам Северного Приладожья известен географический термин *nilas* или *nilos* (основа *nilakse-/nilokse-*) со значением ‘подводная или омыляемая водой скала’. Ареальная характеристика топонимов с основой *Nilas-/Nilos-* (рис. 1) свидетельствует о том, что они проникают в Поморье по водно-волоковым путям, которые использовались карелами в Средневековье. В Поморье известны скалистые отмели *Киберинские Нилаксы* в районе Керети, остров *Курья Нилакса* в окрестностях города Кемь, порог *Нилакса* в Ниухче» (с. 191).

Прежде всего, ни в одном карельском диалекте нет, как кажется, варьирования *nillas* /*nilos* и того обобщенного значения термина, которое указывают авторы. Так, для северо-западного Приладожья В. Ниссиля дает *nilos* ‘скала, по которой течет вода; береговая скала’ с примерами на *Nilos-* или *Nilokse-* [Nissilä, 1975, 34–35]. Словарь Н. Н. Мамонтовой, И. И. Муллонен дает еще карел. *niloš* ‘скала, по поверхности которой струится вода’, ливв. *nilo* ‘скользкая, омываемая водой прибрежная скала’, люд. *nilaskal'l'* ‘голая скала, на которой ничего не растет’ (при *nillas* ‘голый’. – А. Ш.) [ПФГЛ, 64]. Основа *nila-* ‘слизь; тонкий слой; скользкий’ является общефинской (шире – финно-угорской) [SKES, 380–381], поэтому производный от нее термин *nilos* (*niloš*) мог проникнуть в Северную Карелию как из северного Приладожья, так и из северо-западного Обонежья или с северо-востока Финляндии, чему, кстати, не противоречит рис. 1 рецензируемой работы. Что же до русского диалектизма *нилакса*, то он ниоткуда не распространялся, а явно возник в Поморье на карельской почве. Впрочем, предполагалось и его саамское происхождение [см.: Матвеев, 1996, 239–240]. Наконец, заметим, что остров в архипелаге Кузова на всех известных картах и в доступных нам источниках [см., например: Арский, 1913] значится не как *Курья Нилакса*, а как *Куричья Нилакса*.

Некоторые этимологии топонимов, иллюстрирующие «наблюдения историко-культурного характера», дискуссионны, неточны или даже попросту ошибочны. Так, среди бесспорно саамских по происхождению топонимов, приводятся *Котков* (остров), *Медвежий Коткуй* (перешеек) и *Кузокотка* (полуостров), которые возводятся к саам. *guotko* ‘узкий перешеек’. Но это слово северного (норвежского) диалекта. ТERRITORIALLY же более близкий термин колтвоского (Нотозера) диалекта – *kuotska* [KKLS, 178], ср. пор. *Коцка* на р. Судно. Поэтому не исключено, что указанные названия (или некоторые из них) восходят к карел. *kuotkuo*, *kuotkuva* ‘узкий перешеек’, заимствованного из саамского [ПФГЛ, 46].

К топонимам же карельского происхождения причисляются *Мяндова губа* (карел. *mändy* ‘сосна’), *Кивгуба* (*kivi* ‘камень’), *Шонгостров* (*šonka* ‘самка лосося’) (с. 190–191). Но первое название может быть и русским (полукалька карельского названия ожидалась бы в форме *Мяндогуба*), созданным на базе старого прибалтийско-финского заимствования широкого распространения *мянда* ‘сосна с рыхлой древесиной’ (первая фиксация – 1462 г.; в документах XVI в. нередки именования типа *Гридя Юдин Мянда*). О Кивгубе в ранних документах читаем: «варница в *Кивъ губе* (не в *Киве губе*. – А. Ш.)» (1563), «в *Кяянье губе*» (1586) [СГКЭ, № 137; Материалы по истории Карелии...]. Таким образом, название скорее восходит не к карел. *kivi* ‘камень’ (заметим, кстати, что губа не более камениста, чем соседние губы Красная и Чупа), а к саам. колт. *k'ievv()*, дем. *k'ievaš*, ин. *kiävadž* ‘самка оленя’ [KKLS, 126]. К саамскому *soađđk'* ‘задняя сторона, угол’ можно возвести название *Шонгострова* (и многих аналогичных топонимов Карелии, Кольского полуострова и Финляндии) [Шилов, 1999, 107]. Карельское же *šonka* считается заимствованием из рус. *сёмга*.

Как свидетельство ассимиляции карел в Поморье авторы приводят ряд слов, используемых местным русским населением: *кортеха* ‘трава’ (ср. карел. *korteh* ‘хвощ’), *кярча* ‘рыба бычок’ (ср. *kärččä* ‘ёрш’), *луда* ‘отмель с выступающими над поверхностью воды камнями’, *корга* ‘подводная отмель’, *варака* ‘поросшая лесом гора’ (с. 191). Между тем *кортеха*, *кортега* – заимствование, распространенное по всей Карелии (но на севере редко) и на более восточных территориях, причем его источником считается один из южных диалектов карельского языка (ливвиковский или людиковский) [SKES, 220; Мызников, 2003, 82–83]. Слово *кярча*, *керча*, *керчак* ‘морская рыба бычок, *Cottus scorpio*’ (распространенное от Беломорского района Карелии до Кандалакшского и Терского районов Мурманской области [Меркурьев, 65; СРГК, 2, 351; 3, 84]) выводится из саам. *k'iertše*, *k'ertts* ‘то же’ [KKLS, 121]. Что же до карельского диалектизма *kärcčä* (в карельском для обозначения пресноводной рыбы ерша есть общеприбалтийско-финское *kiiškoi*), то оно, видимо, само является саамским или, что еще вероятнее, поздним русским заимствованием. *Луда* – карельское заимствование широкого распространения с многочисленными дериватами на русской почве (первая фиксация в 1503 г., но по фонети-

ческим соображениям относится к очень ранним прибалтийско-финским заимствованиям в русском) [см.: Дерягин, Комягина, 1972, 43–45; Мызников, 2003, 254–257]. *Корга* – древнее заимствование¹, имеющее производные и распространенное вплоть до Сибири [см.: Дерягин, Комягина, 1972, 36–37; Мызников, 2003, 234–236]. Конкретный источник заимствования (карельский или саамский) пока не выяснен [см.: ПФГЛ, 41; Шилов, 2004, 90, 92]. Термин *варака* распространен на Кольском полуострове, в Карелии (кроме юга) и на севере Архангельской области. Наиболее частотны фиксации в поморских и кольских говорах [Мызников, 2003, 219–221]. Здесь же и наиболее ранние письменные фиксации: 1563 г. – Кивгуба, губа Чупа, 1568 г. – Беломорье близ устья Двины, 1574 г. – Кереть, Паяканда, 1608–1610 гг. – Кандалакша. Источник заимствования (карельский или саамский) не выяснен [СФУСЗ, 1, 57]. География лексемы и производных от нее топонимов (Д. В. Кузьмин, О. Л. Карлова приводят названия *Коровья Варака*, *Белые Вараки*) подталкивает к предпочтению саамской версии. Таким образом, аргументом в пользу ассимиляции карел русскими в Поморье (в которой сомневаться в общем-то не приходится) указанные слова служить не могут. Термины *кортеха*, *туда* и *корга* могли быть занесены в Западное Поморье с юга или юго-востока (Подвилье) русским населением. Термины *варака* и *корга* в русском могут иметь не карельское, а саамское происхождение. Саамское же происхождение термина *кярча* почти бесспорно.

Далее следует весьма неожиданное высказывание: «В русской топонимии села Кереть отмечены некоторые топонимные модели, которые не свойственны в целом русской топонимии Северо-Запада. Есть основания предполагать, что русские топонимы являются кальками традиционных карельских топонимных типов. Среди таких показательных примеров мыс и озеро *Гремяха*, в основе которого можно предполагать карел. **Törisevä* “громящий” или *Вонючая губа* и *Вонючее озеро* – возможно перевод карел. **Haiseva-* “плохо пахнущий”. В карельской топонимии Беломорья обе топоосновы входят в число продуктивных» (с. 191). При этом ни одного примера, иллюстрирующего активность указанных карельских моделей в Поморье, не приводится. В более ранней работе Д. В. Кузьмина [2003] на соответствующей карте в Поморье обозначены всего два топообъекта. Из текста следует, что надпись *Haiseva* отмечает кемский район *Гайжево*, а *Törisevä* – оз. *Törözielambi* (рус. *Терос ламбина* или *Торосозеро*) бассейна Охты. Но оба примера ненадежны. Так, формы *Гайжева сторона*, *Гайжуева сторона* XVI в. [АСМ 1, 114, 254] указывают скорее на отыменное происхождение топонима (хотя бы и от *haiseva*). Ламбина *Терос* же – никак не «громящая», вернее всего она «поперечная» [см.: Шилов, 2005, 76]. И здесь, к сожалению, можно видеть не столько ошибочную интерпретацию материала, сколько его трактовку в рамках заранее заданной концепции.

Топонимы, образованные от appellativов *вонять* (*смердеть*) и *греть*, распространены по всей России. Так, примеры для бассейна Оки см. в работе Г. П. Смолицкой [1976], специально для Северо-Запада – в работе Р. А. Агеевой [2004, 42]. О «звучящих, шумящих» топонимах (*Гремуха*, *Шумиха*, *Говоруха*) Русского Севера и Урала см. также статью А. К. Матвеева [1977, 8]. Для Поморья и Карелии укажем: оз. *Гремяха* и н.п. *Гремиха* близ устья Йоканьги (север Кольского полуострова); тоня *Гремеха* (в 1575 г. – *Гремяха* [АСМ 2, 67]) близ Варзуги («река гремит – вот и *Гремеха*» [СРГК, 1, 392]); оз. *Гремячее* бассейна губы Чупа; оз. *Гремяха* на руч. *Гремячем* (назван в 1563 г. [СГКЭ, № 137]) бассейна губы Кив (это озеро и указано авторами; добавим, что падение ручья до моря составляет 20 м на 1 км); пор. *Гремяха* на р. Вирма; руч. *Гремячий* – пр. Пермы бассейна Сумозера; пор. *Гремячий* на р. Нюхча; руч. *Гремучий* – пр. Нюхчи; руч. *Гремячинский* – пр. Сев. Ижмуkses; *Гремиха* – пр. Неминь. И это, конечно, не кальки. Русским не было нужды заимствовать карельскую топонимическую модель, коль скоро они имели свои географические термины *грехиха*, *громяч* ‘речка с бурным стремительным течением, шумливый горный поток’, *громяч* ‘родник, ключ’ (Центральная Россия) [Мурзаев, 1, 163], *громяха* ‘падающий со скал поток воды’ (Кольское Поморье) [Меркурьев, 36]. Вообще образование гидронимов, равно как и номенклатурных терминов от звукоизобразительных глаголов – ономастическая универсалия (см. о люд. *kohu*, фин.

sahi, карел. *šahi*, рус. *воркун*, коми *борган* [Шилов, 2004, 95, 96], тюрк. *шарлама*, *шаршара* [Мурзаев, 2, 321]).

Аналогично обстоит дело с «вонючими» названиями. Их здесь немного (кроме *Вонючего озера* и *Вонючей губы* – залива губы Чупа, назовем острова *Вонячи* на Белом море близ устья Летней реки и бол. *Вонючее* у р. Тукша бассейна Ояти), а вот аналоги они имеют по всей России. См., например, для Поочья: *Вонючей*, *Вонючий*, *Вонючка*, *Вонячка* (все неоднократно) [Смолицкая, 1976]. Заметим, что чаще дурно пахнет не вода соответственно поименованных объектов (как это наблюдается для Вонючего озера бассейна губы Чупа), а береговая растительность, ср.: *вонюшка* ‘травянистое растение с тонким стеблем и белыми цветами, обладающими резким, неприятным запахом’ (Онежский район Архангельской области), *вонявка* ‘луговое растение с сильным запахом’ (Терский район Мурманской области) [СРГК, 1, 227], названия травянистых растений с сильным, неприятным запахом (багульник, дудник и др.) – *вонкодуша*, *вонлюха*, *воньковка*, *вонюха*, *вонючка*, *вонюшка*, *вонюшник*, *вонявка* (различные районы Вологодской и Архангельской областей) [СГРС, 2, 170–171].

Переходя к наблюдениям, касающимся русских колонизационных потоков, авторы пишут: «...названия островов, оканчивающиеся на *-иха*, свидетельствуют скорее всего о московско-суздальской средневековой колонизации... С новгородской промыслово-торговой (разрядка наша. – А. Ш.) колонизацией принято (кем? – А. Ш.) связывать названия с формантом *-щина*» (с. 191). Как же так? Ведь ранее Д. В. Кузьмин соглашался (вполне справедливо) с Г. Я. Симиной в том, что топонимы на *-щина* наблюдаются в местах раннего московского проникновения в северные новгородские вотчины. В отношении Обонежья он отмечал, что суффикс является достаточно «молодым» на новгородских землях и начал распространяться после завоевания Новгорода Москвой в XV в. и притока переселенцев из московских земель. При этом суффикс *-щина* прямо связывался им с массовым крестьянским сельскохозяйственным освоением края: он практически отсутствует в районах, где ведущую роль в хозяйстве местного населения играют промыслы [см.: Кузьмин, 2001]. Аналогичную картину (относительно позднее – во второй половине XVI в. – возникновение топонимов на *-щина*, их приуроченность к сельскохозяйственным угодьям) приводит для Присвирья И. И. Муллонен [2002, 102–104]. К этому добавим, что из более чем 200 топонимов новгородских берестяных грамот к обсуждаемому типу принадлежит лишь один – *Быковщина* (№ 477, XIV в.), что лишний раз демонстрирует нехарактерность этого топонимного типа для новгородской традиции.

Нельзя сказать, что в рецензируемой работе вовсе нет интересных наблюдений и новых данных. Но они теряются на фоне многочисленных ошибок в анализе и трактовке материала. Разочарование вызывает и то, что подавляющая часть приведенной топонимии и лексики давно и широко известна. Остается надеяться на более полную и корректную публикацию собранных в экспедиции материалов.

- Агеева Р. А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. 2-е изд., испр. М., 2004.
- Арский А. Н. Лоция Белого Моря. Ч. 1. Пг., 1913.
- АСМ 1 – Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Л., 1988.
- АСМ 2 – Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990.
- Гемп К. П. Сказ о Беломорье: Слов. поморских речений. 2-е изд., доп. М.; Архангельск, 2004.
- Дерягин В. Я., Комягина Л. П. Из истории и географии финно-угорских заимствований в северо-норусских говорах // Вопр. изучения лексики русских народных говоров. 1971. Л., 1972. С. 32–49.
- Кузьмин Д. В. Истоки форманта *-šina* в карельской топонимии // Топонимия и диалектная лексика Новгородской земли: Материалы Междунар. науч. конф. «Историческая топонимика Великого Новгорода и Новгородской земли», 13–15 ноября 2001 г. Новгород, 2001. С. 76–78.

- Кузьмин Д. В.* Карельский след в топонимии Заонежья // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (IV Рябининские чтения). Петрозаводск, 2003. С. 303–307.
- Кузьмин Д. В., Карлова О. Л.* Экспедиция на Карельский берег Белого моря // Вопр. ономастики. 2005. № 2. С. 189–193.
- Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск, 1941.
- Матвеев А. К.* Образное народное видение и проблемы ономасиологической и этимологической интерпретации топонимов // Вопр. ономастики. Вып. 12. Свердловск, 1977. С. 5–20.
- Матвеев А. К.* Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера // Этимологические исследования. Вып. 6. Екатеринбург, 1996. С. 211–254.
- Меркульев И. С.* Живая речь Кольских поморов. Мурманск, 1979.
- Муллонен И. И.* Топонимия Присвирья: проблемы языкового контактирования. Петрозаводск, 2002.
- Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов: В 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999.
- Мызников С. А.* Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб., 2003.
- Подвысоцкий А. И.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- ПФГЛ – *Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И.* Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.
- СГКЭ – Сборник грамот коллегии экономии. Т. 2. Л., 1929.
- СГРС – Словарь говоров Русского Севера. Т. 1–... . Екатеринбург, 2001–... .
- Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки. М., 1976.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005.
- СФУСЗ – Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. Вып. 1 (А–И). Екатеринбург, 2004.
- Хакулиnen Л.* Развитие и структура финского языка. Ч. 1. Фонетика и морфология. М., 1953.
- Шилов А. Л.* К стратификации дорусской топонимии Карелии // Вопр. языкоznания. 1999. № 6. С. 100–114.
- Шилов А. Л.* Номенклатурные термины в названиях порогов Карелии // Вопр. ономастики. 2004. № 1. С. 86–99.
- Шилов А. Л.* Топонимическая лоция реки Охта // Ономастика в кругу гуманитарных наук: Материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20–23 сент. 2005 г. Екатеринбург, 2005. С. 74–77.
- KKLS – *Itkonen T. I.* Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja. Helsinki, 1958. О. 1–2.
- Nissilä V.* Suomen karjalan nimistö. Joensuu, 1975.
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1958–1981. О. 1–7.

А. Л. Шилов, доктор хим. наук, вед. науч. сотр.
Института общей и неорганической химии РАН
(Москва)

РЕЦЕНЗИИ

Ратникова И. Э. Имя собственное: от культурной семантики к языковой. – Минск: БГУ, 2003. – 214 с.

В монографической работе И. Э. Ратниковой в качестве объекта исследования избраны имена собственные, функционирующие как прецедентные (коннотированные) онимы в текстах современной публицистики и представляющие собой разновидность метафоры: *Моцарт в мире физике* (о Ландау), *Осетия – это кавказская Европа, вероятность появления новых Соросов* и т. п. Свой интерес к этому материалу автор объясняет прежде всего тем, что здесь представлен «семантический феномен, который порождается антиномией ономастического узуса и возможностей языка при функционировании имени собственного вне его первичной функции» (с. 11), поскольку оним, будучи изначально знаком, лишенным языкового значения, в данном случае дает пример превращения сопровождающих его внеязыковых энциклопедических знаний в языковую семантику. Цель работы И. Э. Ратникова видит в том, чтобы смоделировать этот «трансмутационный процесс», «исследовать его предпосылки и роль в речемыслительной деятельности, а также выявить связь семантических трансформаций имени собственного… с глобальными тенденциями истории развития семантики» (Там же).

Феномен прецедентных имен и семантическая структура онима (включающая компоненты, которые позволяют ему выступать в функции метафорической или апеллятивированной единицы) уже подвергались научному осмыслиению в исследованиях последнего десятилетия [см., например: Гудков, 1999; Голомидова, 1998; Отин, 2004]. При этом, безусловно, проблема значения имени собственного, его семантического и функционального потенциала отнюдь не является решенной. Группа языковых фактов, избранная И. Э. Ратниковой, весьма однородна и прозрачна в плане «этимологии» ее составляющих, что диктует сугубо синхронный срез анализа и не позволяет проследить закономерности диахронической трансформации онимов. Вместе с тем эта группа языковых фактов обширна, разнообразна по составу онимов и интересна как часть современного дискурса, в связи с чем, возможно, продуктивным оказался бы лингвокультурологический подход, в рамках которого реконструкция и полное классификационно-статистическое описание фрагментов прецедентного содержания имен позволили бы выявить некоторые доминанты современного общественного сознания. Однако И. Э. Ратникова избирает противоположный вектор исследования – «от культурной семантики к языковой».

Первая глава («Семантический потенциал имени собственного: антиномия узуса и возможностей языка в ономастической семантике») выполняет теоретико-методологическую функцию, однако, как нам кажется, ей недостает цельности, определенности и глубины, которые свидетельствовали бы о том, что автор ясно видит смысловой стержень своего исследования.

И. Э. Ратникова упоминает несколько теорий и идей, касающихся проблемы значения имени собственного, пересказывая и цитируя высказывания ряда лингвистов и философов, от Л. Витгенштейна, С. Крипке и Б. Рассела до Ю. М. Лотмана, В. Г. Гака, М. В. Горбаневского,

А. В. Суперанской, и приходит к формулировке собственного – впрочем, вполне традиционного – понимания семантики онима: «имя собственное как виртуальный знак сигнификативно пусто, но как актуальный знак оно связано с единичным понятием и потенциально открыто для семантических приращений и трансформаций» (с. 20). Далее весьма обширный параграф посвящается рассмотрению имени собственного «в разных типах сознания»: в религиозно-мифологическом, бытовом, поэтическом, научном, паранаучном. При этом автор демонстрирует особую приверженность идее об «ономастической харизме» – феномене религиозно-мифологического сознания, сутью которого является «отношение к имени собственному как к важнейшей составляющей человеческого существа и как к форме его проявления» (с. 21). После пространных цитат из П. Флоренского и Г. Гачева об онтологической и гносеологической сущности имени в русской христианской культуре И. Э. Ратникова говорит о рефлексах религиозно-мифологического восприятия имени в современном обыденном сознании и в качестве наиболее показательных примеров приводит факты публицистического дискурса, такие как *Зюганов – «Зю-Зю», Лимонов – «Ли-Ли», Ельцин – «Үे-Үе* (обыгрывание публицистом французской ономастической модели), *чубайсята, ельцинизировать, птица-секретарь* (о А. Лебеде), *голосовать за бородиных, кобзонов, абрамовичей и под.* Очевидно, что эти факты – реализация выразительных приемов, основанных на игровом осмыслиении внешней или внутренней формы онима либо на апелляции к его прецедентному содержанию, и вряд ли здесь можно усматривать постулируемую автором связь с идеей «христианской ономастической харизмы».

Далее исследовательница выделяет предпосылки и функции «нестандартного употребления» ономастических единиц, придерживаясь традиционной трактовки прецедентных имен как онимов, обладающих определенным набором коннотативных сем («культурных смыслов») и потому способных выступать в «непрямых», коннотативных значениях, нередко выполняя эмотивно-оценочную функцию, а также когнитивную (заполняя номинативные лакуны при нехватке в языке нарицательных единиц с соответствующей семантикой). Для обозначения содержания прецедентного онима И. Э. Ратниковой вводится термин «ономастический концепт», описывается его структура и составляющие: основные семантические дифференциальные признаки, принадлежащие единичному понятию – понятию об уникальном референте (ядро концепта); историко-культурный фон существования референта; дополнительные индивидуальные качества референта; оценки референта в общественном сознании; этимологические, словообразовательные, фоносимволические характеристики онима (периферия концепта) (с. 61).

В завершение теоретической главы И. Э. Ратникова, определяя языковой статус анализируемых единиц, указывает на их метафорическую природу как на главный функциональный признак. По ее мнению, факты нереферентного употребления собственных имен представляют собой ономастические метафоры и в связи с ними нельзя говорить о явлении полной или частичной апеллятивации. Приведя в качестве примеров факты типа *одесский Михалков как Пушкин наших дней, Армстронг – о Л. Утесове, второй Вьетнам – о войне в Югославии и т. п.*, исследовательница пишет о неправильности понимания их как апеллятивированных единиц: «этот распространенный подход уязвим, потому что ставит оним с трансформированной семантикой в один ряд с апеллятивами, которые омонимичны именам собственным, мотивированы ими исторически (*ванька ‘легковой извозчик с плохой лошадью’, ерофеич ‘водка, настоящая на пахучих травах’, катюша ‘бесствольное реактивное артиллерийское орудие’, ...мамай ‘буян, драчун’, ...мекка ‘объект стремлений, паломничества’, палестина ‘местность, край’...*) и для которых деонимизация является способом словообразования» (с. 51).

Проблема разностатусности отономастических семантических образований, к которой обращается в данном случае И. Э. Ратникова, весьма актуальна, интересна и непроста, однако, по нашему мнению, она не получила в работе убедительного решения.

Во-первых, из объяснений автора не вполне ясно, в чем же все-таки состоит принципиальная разница между *вьетнамом и меккой, пушкиным и мамаем*, идентифицируемыми как факты различных типов. Во-вторых, представляются весьма спорными и определение «омо-

нимичные онимам апеллятивы», которое И. Э. Ратникова дает группе единиц типа *мекка, ерофеич, мамай*, и жесткое противопоставление этой группы исследуемым ею фактам.

Думается, что в связи с приведенными группами фактов уместнее говорить не об оппозиции «апеллятив – оним», а о различной степени апеллятивации (в случае с *Пушкиным наших дней* – меньшей, в случае с *мамаем* – большей). Определение «омонимичный ониму апеллятив» предполагает такую характеристику единицы, как полное отсутствие при ее употреблении отсылки к «первичному», «традиционному» значению онима, а этого нельзя сказать ни про один из приведенных И. Э. Ратниковой примеров. В частности, называние драчuna *мамаем* сопровождается фоновым представлением о первичном историческом референте; обозначение военного орудия *катюшой* отнюдь не связано с полным абстрагированием от того факта, что изначально это уменьшительно-ласкательная форма женского имени, – напротив, именно данное соотношение обеспечивает номинации необходимый экспрессивный фон.

Вторая глава («Ономастическая метафора как модель смыслопроизводства») показалась нам наиболее интересной – в первую очередь по причине широкой представленности в ней материала. После обзора лингвистических теорий метафоры автор прилагает выработанные в их рамках принципы и терминологию к исследуемому материалу: осуществляется сопровождаемое примерами описание составляющих компонентов метафоры (основания, вспомогательного компонента, фокусировки, фильтрации, модусов и пр.).

Далее два раздела посвящены представлению ряда конкретных ономастических метафор – антропонимических и топонимических. Избрав в качестве единицы репрезентации метафоры текстовый фрагмент (оним и значимое для экспликации метафоры контекстное окружение), И. Э. Ратникова реконструирует составляющие таких ономастических концептов, как *Петр Первый, Пиночет, Ельцин, Брежнев, Робеспьер, Перл-Харбор, Чернобыль, Нюрнберг, Чечня* и ряд других. Каждый из данных концептов характеризуется поликомпонентным планом содержания, который весьма последовательно, подробно, с убедительными иллюстрациями описывается автором монографии. Выявляя элементы прецедентной семантики онимов, исследовательница демонстрирует лингвистическое чутье и точность формулировок (которым не мешает проявляющийся иногда почти публицистический пафос – как, например, при описании концепта *Чернобыль*).

Третья глава («Типология ономастических метафор») представляет собой вполне целостное, последовательное, демонстрирующее достаточно высокий уровень профессиональной компетенции автора научное описание ономастических метафор в типологическом аспекте. В значительной степени опираясь на предшествующую научную традицию (Ф. Уилрайт, Дж. Миллер, Н. Д. Арутюнова, Е. Опарина и др.), И. Э. Ратникова выделяет несколько принципов, на основе которых можно классифицировать исследуемые единицы: тип основного компонента и характер его экспликации, особенности внутренней формы метафоры (т. е. мотивы выбора вспомогательного компонента), степень образности метафоры, разновидности системных связей ономастических метафор. Затем применение данных принципов демонстрируется: автор строит целый ряд классификаций на материале антропонимических метафор, обосновывая выделение каждой позиции и подробно, с привлечением значительного числа примеров, ее описывая. Однако при всей стройности и логичности представленной автором типологии она нередко напоминает сортировку вещей по заранее очевидным их признакам, причем признаки таковы, что их перечень, пусть упорядоченный и подробный, не позволяет увидеть объект в новом свете.

По типу основного компонента метафоры (т. е. личного имени, которое подвергается метафорическому переносу) осуществляется подразделение на метафоры с эксплицитным и имплицитным основным компонентом: в первом случае предмет метафорического осмыслиения назван непосредственно (*Виктория Токарева – наша Жорж Санд; Бориса Эйфмана... называли в Париже русским Бежаром*), во втором – этот предмет неконкретен и не называется (*Нашей эпохе не хватает своего Ремарка; Нет, сами они не убивают. Это делает за них какой-нибудь Данте или Мартынов*) (с. 155–162).

Более подробному описанию подвергаются метафоры с эксплицитным основным компонентом. Во-первых, дается их структурно-функциональная классификация: указывается, что данный компонент может быть представлен прямо или косвенно (т. е. в рамках ближайшего контекста или вне его), в случае прямой экспликации он может быть субъектом в предложении – утверждении тождества, либо субъектом в предложении определительной характеризации, либо членом пары «актант – его полупредикативный распространитель» и т. п. Во-вторых, эти метафоры типологизируются с точки зрения того, кому принадлежит оним, являющийся основным компонентом: «Эксплицитный основной компонент антропонимических метафор чаще всего (984 случая из 1 400, т. е. 70,3 %) бывает представлен именованиями индивидуумов, чья деятельность значима для социума в том или ином отношении» (с. 158). В качестве таковых исследовательница называет имена, принадлежащие: а) политическим и государственным деятелям; б) деятелям искусства, науки, спорта, сменам; в) маргинальным личностям, авантюристам, преступникам (Там же). Однако может ли вообще антропоним стать прецедентным, принадлежа личности, ни в каком отношении не значимой для социума?

Переходя к классификации с точки зрения мотивированности антропонимических метафор, И. Э. Ратникова еще подробнее разъясняет признак «социальная значимость индивидуумов»: а) роль индивидуума в истории и развитии общества (благотворительная, миссионерская, патриотическая, национально-освободительная деятельность); б) вклад личности в развитие культуры, науки, искусства; в) уровень профессионализма, мастерства. Помимо данного признака, роль мотивировочных могут сыграть признаки «индивидуальные качества личности» (особенности характера, поведения индивидуума, его убеждения; внешний облик индивидуума; специфика его творческой деятельности); «исторический контекст, особенности биографии, карьеры индивидуума»; «субъективные представления и оценки, принятые культурно-языковым сообществом по поводу данной личности» (с. 163–165).

Классификационный анализ метафор с точки зрения степени их образности и экспрессивности касается более значимых признаков исследуемого феномена. В частности, автор демонстрирует, как различные степень и тип сходства концептов, выражаемых основным и вспомогательным компонентом метафоры, обусловливают различную степень их выразительности, глубины образа, полноты восприятия адресатом.

Таким образом, в качестве объекта исследования И. Э. Ратниковой был избран весьма интересный пласт лексики – прецедентные имена собственные, реализующие в современных публицистических текстах ономастическую метафору. Возможно, специфика данного материала такова, что по отношению к нему в полной мере осуществим лишь описательно-классификационный метод исследования – и тогда наиболее целесообразным принципом его описания нам представляется лексикографический. Думается, что при дальнейшей систематизации и формализации материала, собранный И. Э. Ратниковой, мог бы лечь в основу оригинального словаря ономастических метафор (или ономастических концептов) современного публицистического дискурса.

Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург, 1998.
Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999.
Огин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. Донецк, 2004.

И. В. Родионова, канд. филол. наук, докторант отдела ономастики и этимологии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

Полесский народный календарь в контексте традиционной культуры

**Толстая С. М. Полесский народный календарь. – М.: Индрик, 2005. – 600 с.
(Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).**

Активно разрабатываемое в последние годы этнолингвистическое направление исследования языкового материала открывает перед лингвистами особое поле деятельности – возможность изучения способов выражения культурной информации, закодированной в языковых знаках. Эта возможность плодотворно и многогранно реализуется в фундаментальном исследовании С. М. Толстой «Полесский народный календарь», ставшем заметным явлением в современной этнолингвистике.

Структура исследования С. М. Толстой позволяет рассматривать его как своеобразную энциклопедию народной психологии, быта, верований, обрядов Полесья.

Словарные материалы предваряет теоретическое введение «Народный календарь в системе традиционной культуры», в котором рассматриваются основные вопросы структуры, генезиса, содержания народного календаря, а также ритуального «сопровождения» календарно выделенных дней.

Концепция представления народного календаря как ядра традиционной культуры предполагает комплексное описание составляющих его базовых «моделей»: христианского календаря (праздников, постов и мясоедов), трудового (земледельческого, скотоводческого, пчеловодческого и т. п.), обрядового (брачного, поминального и т. п.), демонологического, фольклорного и др. Такое комплексное описание объясняется тем, что, во-первых, «каждая из этих моделей образует особый цикл и соотносится с особым кругом народных верований о природе и человеке» (с. 9); во-вторых, модели «взаимно связаны, например, ткаческий календарь подчиняется и праздничному, и лунному, и демонологическому, и хозяйственному, и семейному регламенту» (Там же); в-третьих, полесский календарь, как, впрочем, и любой другой народный календарь, включает в качестве содержательной основы не христианскую, а мифоритуальную интерпретацию времени, уходящую своими корнями в языческое прошлое. Последний факт подтверждается многочисленными этнографическими и культурологическими исследованиями традиционного народного календаря¹.

Отмеченный симбиоз архаических и поздних (христианских) способов определения времени¹х параметров обнаруживается и в терминологии народного календаря. Этот особый языковой материал, «отягощенный» этнокультурными и pragматическими коннотациями, не может быть адекватно интерпретирован без учета языкового сознания личности, творящей эту «реальность». Принципиально важными являются наблюдения С. М. Толстой относительно характера функционирования терминологии народного календаря. В одной системе с собственно народными названиями существуют хрононимы церковного происхождения. Это требует соотнесения содержания хрононима с характером его восприятия, определяемого сложившейся традицией, pragматическими установками носителя языка, связанными с представлениями об устройстве окружающего мира. Судьба канонических хрононимов

¹ См., например: [Снегирев, 1837–1839; Терещенко, 1847–1848; Калинский, 1877; Селиванов, 1902; Виноградов, 1918; Чичеров, 1957; Пропп, 1963; и др.]. Ср.: «Календарь языческих молений слагался, во-первых, из четырех солнечных фаз: зимнее солнцестояние (святки), весенне равноденствие (масленица), летнее солнцестояние (купала, «зеленые святки»). Осенне равноденствие не праздновалось отдельно, а приурочивалось к празднику урожая. Во-вторых, годовой языческий цикл складывался из сезонных аграрных обрядов, часть которых впоследствии была приурочена к христианским праздникам» [Рыбаков, 1988, 164].

в народном календаре складывается по-разному, направления их приспособления к системе условно можно свести к следующему:

а) христианские хрононимы подвергаются адаптации и модификации, чаще всего формально-семантической, под влиянием народной этимологии (сближения слов по случайному звуанию). При этом ассоциативно и формально соотносимые слова не являются этимологически родственными [см.: Гридина, 1989]. Ср.: серб. *Вратолом*, букв. «ломающий шею», из *Вартоломей* (с. 10); полес. *Іван Присеча* – день усекновения главы Иоанна Предтечи, 29.VIII/11.IX (с. 114); *Маковей* – день памяти семи мучеников Маккавеев, 1/14.VIII – в Полесье повсеместно ассоциируется с маком (с. 138);

б) не меняя внешнего облика, канонические широко известные названия получают в народном сознании специфическое ритуальное или мифологическое осмысление. Ср.: *Благовещенье* ассоциируется с запретами на работы ткаческого и земледельческого циклов, *Воздвижение* – с «закрытием» земли на зиму, с уходом под землю гадов и отлетом птиц в *выреи*, *Троица* – с охранительными обрядами и культом растительности и т. п. (с. 17);

в) хрононимы церковного происхождения заменяются народными названиями, отражающими традиционное (архаическое) содержание обозначаемого: *Голодная кутыя* (= крещенский сочельник), *Іван Весновый* (= день Иоанна Богослова) (с. 17, 108).

«Сюжеты» традиционного народного календаря приурочены к определенному сезону. Однако, как указывает исследователь, «культурное осмысление получает только граница между зимой и весной, отмечаемая обрядами “проводов” или “изгнания” зимы и призывания, “встречи” весны, тогда как остальные границы сезонов … остаются в обрядовой практике и верованиях невыраженными» (с. 14). Это обстоятельство вписывает народный календарь Полесья в культурное пространство общеславянской календарной традиции.

Представленная далее обрядовая структура народного календаря и ее описание – образец комплексного исследования календарной обрядности, который можно рассматривать как методологическую базу для дальнейших этнолингвистических изысканий в области «славянских древностей».

Суммируя основные наблюдения, размышления и выводы автора, можно представить операциональную модель анализа народного календаря:

1. Хронологические комплексы, составляющие обрядовую структуру народного календаря, и оформление их границ.

2. Набор выделяемых на временной оси точек и их противопоставлений:

- а) различие будней и праздников,
- б) различие больших и малых праздников,
- в) различие календарно закрепленных и подвижных праздников,
- г) различие «святых» и «опасных» праздников,
- д) выделение канунов праздников и следующих за ними дней.

3. Семантические доминанты (ключевые мотивы, верования).

4. Ритуально-магическое «сопровождение».

5. Характер территориального варьирования элементов народного календаря.

Эта модель обладает объяснительной силой, позволяющей более глубоко интерпретировать уже освоенную с помощью других методов объективную, в том числе языковую (диалектную), психологическую, этнографическую, мифологическую и пр., реальность.

В качестве одной из форм такого описания С. М. Толстая предлагает этнолингвистический словарь, в котором реализуются разработанные автором принципы анализа народного календаря.

Основную часть работы закономерно (в соответствии с замыслом автора) составляют материалы к этнодиалектному словарю хрононимов «Полесская календарная терминология», обобщающие результаты более чем тридцатилетних полевых изысканий по специально разработанной программе.

Материалы словаря вписываются в широкий этнокультурный контекст. Это позволяет рассматривать составляющие народный календарь названия дней как «культурные знаки», а

их совокупность – как своего рода «культурный текст». Ср. в этой связи высказанное несколько лет назад замечание С. М. Толстой о том, что «определенную структурную или прагматическую функцию имеет, как правило, не индивидуальный, конкретный текст, а класс или тип текстов, обладающих общими семантическими и формальными (структурными) признаками» [Толстая, 1994, 96].

Каждый из хрононимов в отдельности в свернутом виде представляет информацию о традициях крестьянской культуры, а народный календарь природы в целом создает особое пространство, в котором по законам традиционной духовной культуры смоделирована «прагматика народного быта». При этом особенностью этнодиалектного словаря является широкое привлечение именно экстралингвистического материала, с помощью которого реконструируется реальное представление об образе годового порядка, сложившееся в сознании полешан.

При выборе стратегии лексикографического представления полесских хрононимов автору словаря необходимо было учитывать несколько позиций, определяющих как содержательные, так и чисто технические сложности.

1. Народный календарь имеет в основном устную форму бытования и лишь отчасти представлен в рукописных вариантах. В обоих случаях наблюдается существенное варьирование внешнего облика слова. Ср.: *Микола зимовая // зымова Мицюла // зимова Микола* (с. 146). Представляется приемлемой предложенная «унифицированная» (приближенная к современной орфографии, усредненная) запись заголовочного слова, не учитывающая регулярные фонетико-морфологические диалектные различия. При этом словообразовательные варианты выносятся в самостоятельную статью отыскочного типа:

ИВАН КУПАЙЛЫЙ. То же, что ИВАН КУПАЛА.

ИВАН КУПАЙЛЯНЫЙ. То же, что ИВАН КУПАЛА.

ИВАН КУПАЛА. Рождество Иоанна Крестителя, 24.VI/7.VII.

ИВАН КУПАЛЬНЫЙ. То же. Более распространенным названием для дня 24.VI/7.VII является *Купальний Иван*. Инверсия определяемого и определения, как правило, обусловлена потребностью выделить этот праздник из ряда других Ивановых дней в году. Вне такого контекста обычно говорят *Купалний Иван*.

ИВАН КУПАЛЬСКИЙ. То же, что ИВАН КУПАЛА (с. 110–111).

Подобным образом решается автором и вопрос введения в словарь лексикализованных наименований разного происхождения.

2. Единицы календаря неоднородны, это могут быть:

а) однословные и составные наименования, выступающие как номинативные варианты. В этом случае их помещают в разные словарные статьи, причем независимо от порядка расположения отсылка дается к однословному хронониму:

МАСЛЕНАЯ НЕДЕЛЯ. То же, что МАСЛЕНИЦА.

МАСЛЕНАЯ ПОЛИЗУХА. Вероятно, масленица.

МАСЛЕНИЦА. Последняя неделя перед великим постом (с. 139–141);

б) составные наименования, не имеющие однословных вариантов. В этом случае автор предлагает для выбора заголовочного слова учитывать устойчивость/подвижность зависимого компонента, что соответствует лексикографической традиции;

в) имена собственные и апеллятивы, которые в ряде случаев осознаются носителями языка (говора) как имена собственные. С этим связана проблема написания хрононимов (с прописной или строчной буквы). Собиратель и составитель словаря сталкивается с многозначностью (а в ряде случаев – семантической диффузностью) календарной единицы, что приводит к неоднозначной интерпретации ее лингвистического статуса. В качестве иллюстрации приведем лишь один пример: «...словосочетание *постная кутья* может быть явным хрононимом (ср. На Постную куть~~Б~~ вёник перерубают папалам и винять на улицу), но может быть обозначением самого обряда рождественского ужина (На постную куть~~Б~~ пекл~~А~~ пирог~~А~~), а может иметь синкетичное значение хрононима и ритуала (А в тай день [недели],

шо Пóсна кут̄о, нельз̄о с̄и́ пать у погреб). В первом случае, очевидно, название следует писать с прописной буквы, во втором – со строчной, а в третьем – либо с прописной, либо со строчной в зависимости от того, как его трактует собиратель» (с. 29).

3. В календарной терминологии наблюдаются существенные ареальные различия не только для отдельных славянских регионов, но и в пределах Полесья. Эта проблема решается автором посредством введения точной географической привязки хрононимов и семантизации этнокультурных реалий путем привлечения значительного иллюстративного материала, позволяющего однозначно интерпретировать содержание календарных единиц, а также их ритуальное «сопровождение».

4. Архаическая (язычная) система календарного выделения временных единиц обладает значительной устойчивостью. Словарные материалы включают разнообразные подтверждения этой устойчивости, которая проявляется:

- в наличии разных точек отсчета событий (по отношению к природным явлениям, к значимым фактам личной и общественной жизни и т. п.). Ср.: «МЕЖА. Фаза луны, предшествующая новолунию»; «МУЖСКИЕ И ЖЕНСКИЕ ДНИ. Дни недели, благоприятные или неблагоприятные для совершения хозяйственных работ или семейных дел» (с. 143, 92);
- в системе культурных и магических календарных регламентаций. Ср. аграрно-магические обряды, связанные с хрононимом *Иван Долгий*. День (8 мая) повсеместно известен как благоприятный для посадки огурцов: «Я бўду садж̄о́ть только на Дўгаго Ива́на – бўдут дўёгие агу́рц̄и» (с. 108–109)²;
- в наличии хрононимов, никак не соотносимых с названиями по христианским канонам (*Копотал* – день св. Пантелеимона), или праздников, не имеющих отношения к христианству. Ср.: «КОНСКИЙ ВЕЛИКДЕНЬ. Этот праздник народ установил в честь лошадей; он бывает в первый вторник после Троицыны дня; в этот день не употребляют лошадей для работ; в конюшнях вешают свечи на здоровье лошадей» (с. 125);
- в противопоставлении сакрально гарантированных и опасных для человека периодов [см. об этом также: Толстая, 1987; 1997].

Календарная обрядность вовлекает исследователя в круг фольклорных материалов, которые широко представлены в иллюстративных контекстах словарных дефиниций. Самостоятельную ценность поэтому имеет указатель календарной паремиологии, отраженной в словаре (составитель Е. Л. Березович).

Удобство пользования словарем определяется, кроме всего прочего, наличием алфавитного и хронологического индексов, а также предметно-тематического указателя.

Вторая часть книги – «Полесский народный календарь в этнокультурном контексте» – обобщает двадцатилетний (!) опыт ареального исследования автором календарной обрядности (первые работы по данной проблематике были опубликованы С. М. Толстой в 1984 г.).

Разработка модели описания обряда логично реализована применительно к купальскому и рождественскому обрядам, единство которых проявляется на уровне их мифологического содержания: оба связаны с сакрально негарантированными периодами годового цикла (зимним и летним солнцестоянием).

Картину традиционной календарной обрядности Полесья завершают отдельные исследовательские этюды: «Приглашение мифологических персонажей на рождественский ужин» (в соавторстве с Л. Н. Виноградовой), «Благовещение в славянских обрядах и верованиях» (в соавторстве с Н. И. Толстым), «Остатки пасхальной пищи и их ритуальное применение», «К соотношению христианского и народного календаря: счет и оценка дней недели», «Следы

² Ср. описанный Л. Леви-Брюлем, Э. Сепиrom, Дж. Фрэзером феномен партиципативной магии, основанной на «сопричастности» человека и сходных с ним в каком-либо отношении явлений окружающего мира, когда вещи, носящие одинаковые или сходные имена и обладающие сходными признаками, тесно связаны и влияют друг на друга.

древнеславянской апокрифической традиции в Полесском фольклоре: “Сказание о 12 пятницах”. Они не только вводят дополнительный материал, но и дают возможность осмыслиения важных теоретических проблем, предложенных автором для обсуждения:

- многодальность народной календарной обрядности, соотношение вербального и невербального компонентов обряда, органическое единство текста и ритуала;
- инвариантная структура и мифоритуальное содержание календарной обрядности и ее формальная и территориальная вариативность;
- принципы описания и интерпретации традиционного народного календаря;
- народный календарь как поле взаимодействия языческой и христианской традиций («культурных языков»).

Все это создает панорамное видение народного календаря Полесья как культурно значимого феномена.

Рецензируемая книга вносит значительный вклад в развитие этнолингвистического направления исследований в ономастике и, безусловно, будет востребована не только лингвистами, но и этнографами, фольклористами, психологами, культурологами и всеми, кому не безразлична традиционная духовная культура славян.

Виноградов Г. С. Материалы для народного календаря русского старожилого населения Сибири. Иркутск, 1918.

Гридина Т. А. Проблемы изучения народной этимологии: Учеб. пособие. Свердловск, 1989.

Калинский И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1877. Т. VII.

Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963.

Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М., 1988.

Селиванов В. В. Год русского земледельца. Владимир, 1902. Т. II.

Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суперъевые обряды. М., 1837–1839. Вып. 1–4.

Терещенко А. В. Быт русского народа. М., 1847–1848. Т. I–VII.

Толстая С. М. К понятию функции в языке культуры // Славяноведение. 1994. № 5. С. 91–97.

Толстая С. М. К соотношению христианского и народного календаря у славян: счет и оценка дней недели // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 154–168.

Толстая С. М. Мифология и аксиология времени в славянской народной культуре // Культура и история. Славянский мир. М., 1997.

Чичеров В. И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX вв. М., 1957.

Н. И. Коновалова, канд. филол. наук, проф. кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург)

Воробьев В. М. Тверской топонимический словарь: Названия населенных мест. – М.: Русский путь, 2005. – 472 с.

В последнее время не только в научных кругах, но и в обществе возрастает интерес к ономастике, особенно к антропонимии и топонимии. Это хороший знак и показатель оживления интереса к языку, к слову, к истории.

В области топонимии прежде всего радует появление региональных топонимических словарей, различных по объему и качеству. Их выпускают лингвисты, историки, географы и краеведы. Они бывают и общими, и выборочными, включающими названия только определенных объектов (рек, гор, населенных пунктов и пр.). Наибольший интерес у читателей вызывают словари ойконимов. Один из них обращает на себя внимание своим объемом и полнотой – «Тверской топонимический словарь» В. М. Воробьева. Автор, историк по образованию, с начала 1990-х гг. опубликовал серию статей по топонимии Тверской области, и словарь – определенный итог этой работы. В словарь включены названия всех населенных пунктов такого большого региона, как Тверская область.

Материал для словаря извлечен не только из многочисленных письменных (в том числе исторических) источников, но и в течение длительного времени (1969– 2003 гг.) собирался автором в экспедициях. Таким образом, уже сам материал является уникальным и представляет интерес не только для лингвистов, но и для историков, краеведов, географов и этнографов.

Богатая источниковая база позволила сделать словарные статьи полными и доказательными.

Построение словарной статьи – традиционное. Название дается с ударением, далее идет указание на вид объекта и географическая привязка. Приводятся также варианты названия – современные и исторические (с указанием источника): *Абаково*, д. (Кув. р-н, Пречисто – Каменский СО). На Карте Менде (45) – д. Жирошино; *Авангáрд*, д. (Стар. р-н, Луковниковский СО). На Карте Менде (45) – усад. Беклово; *Авдéево*, д. (З. – Двин. р-н, Баёвский СО). На Карте Стрельбитского (66) – д. Шкили.

Далее автор приводит этимологию топонима. Главная задача топонимического словаря – лингвистическая: установить, от какого слова образовано название. Но есть и другая задача – выявить причину, обстоятельства наименования. Иногда исторические источники и экспедиционные материалы помогают провести такой анализ. Эти словарные статьи наиболее доказательны и интересны:

ВЕРТЬЕ, д. От *веретье* – «возвышенная сухая грязь среди болота, на пойме, прибрежной низине (в половодье превращается в остров)» (М., 116–117). Деревня расположена на южном берегу небольшого озера, на водоразделе Крутца и его левого притока, бас. Волчины, занимая юго-западную оконечность невысокой грязи – вертья;

ВОРЁВСКОЕ, д. На Карте Менде (45) – д. Князево. В советское время с целью искоренения памяти об эксплуататорских классах переименована в честь В. В. Воровского, государственного деятеля, дипломата. Переименование дало неожиданный эффект, на который не рассчитывали его инициаторы: местные жители и туристы, не ассоциируя новое название с фамилией полуза забытого деятеля, возводят его к понятию «воры», «воровские люди», «воровское место», приводя убедительные легенды;

ПРОБЕЙКА, д. По гидрониму – р. Пробойка. Этимология гидронима – от *пробой* – «пролом в породе, в которой река пробила ложе» (М., 461). Деревня расположена на обеих сторонах Пробойки, образовавшейся в результате того, что р. Слотня пробила второе русло и, таким образом, имеет два направления стока.

В словарных статьях, описывающих ойконимы, образованные от некалендарных личных имён, раскрывается семантика имени и приводятся примеры конкретных носителей данных имён, а также отчеств и фамилий, встречающихся в русских документах до XVIII в.: «ЛУНЁВО, д. – От м. л. и. Лунь – из *лунь*, по породе птиц, в значении “седой” (Федосюк, 123, Унбегаун, 148). Ивашко Лунёв, христианин, 1455 год (Тупиков, 625). Григорий Антонович Лунь Новосильцев, вторая половина XV века; Давид и Иван Филипповичи Лунёвы, помещики, конец XIV века, Новгород (Веселовский, 186)».

Семантика некалендарных личных имён не всегда приводится в топонимических словарях (под предлогом, что это не является задачей топонимики), однако эта информация интересна для любителей словесности. Более того, В. М. Воробьев предлагает свои интерпретации семантики некалендарных имён, если они отсутствуют в опубликованных ономастиконах. При этом он обращается к многочисленным диалектным и историческим словарям: «*Аблáзино*, д. От м. л. и. Облаза/Аблаза, из *облаза*, *облазивый* – “пролаз, прохода, проходимец” [Даль, II, 592], “надменный, дерзкий” [Срезневский, II: 1, 515]».

Таким образом, в словаре собран богатый антропонимический материал, и его можно использовать и как источник по антропонимии Тверской области.

В приложениях приводится краткий терминологический словарь, а также авторский вопросник по сбору топонимических материалов, апробированный в течение ряда лет студентами исторического факультета Тверского государственного университета и учителями-краеведами Тверской области.

В целом высоко оценивая «Тверской топонимический словарь» и ту большую работу, которую проделал автор, позволим себе высказать ряд замечаний.

Многие статьи носят формальный характер: автор приводит несколько этимологий ойконима в порядке перечисления, не высказывая своего отношения ни к одной из них. В некоторых случаях, однако, исторические или географические данные могут подтвердить или опровергнуть ту или иную этимологию. Например, анализируя ойконим *Кедровка*, автор предлагает две версии: 1) от фамилии *Кедров*, 2) от посадок кедра. Известно, что кедры в Тверской области не растут, и если они действительно были посажены у деревни, то этот факт легко можно было бы проверить в экспедиции или по историческим документам.

Историческую информацию о населенных пунктах автор ограничивает сознательно. Во вступительной статье он пишет: «Сведения исторического характера о селениях не приводятся, что обусловлено тематикой словаря. Исключение составляет информация о сельских храмах, связанная со статусом селения, а нередко – и с его названием» (с. 3). Однако как историческая, так и любая другая информация может пролить свет на происхождение названия, и от нее вряд ли стоило отказываться:

• «*Калязин*, г. От 1) м. л. к. и Николай > Коляга/Каляга, 2) м. л. и. Каляга (см.: д. Калягино)». Однако Г. П. Смолицкая сообщает о том, что Калязинский Макарьево-Троицкий монастырь был основан в XV в. на землях Ивана Каляги. Слобода, возникшая около него, в 1775 г. была преобразована в уездный город Калязин [см.: Смолицкая, 2002, 140];

• «*Кувшиново*, г. От м. л. и. Кувшин < *кувшин*, имя по фигуре или форме и размерам головы». Ср. у Г. П. Смолицкой: по фамилии владельца местной фабрики Кувшинова [Там же, 176].

Автора можно упрекнуть в неточном цитировании источников, в частности словарей:

• «*Обрадово*, д. От м. л. и. Обрад – “милый, желанный, моленый, радость моя (детское имя)” [Даль, II, 613]». Но у Даля с этим значением приводится слово *обрадуша*;

• «*Ремчено*, д. От м. л. и. Ремча – “злобный, злопамятный, кто ненавидит, преследует” [Даль, IV, 92]». Но у Даля приводятся слова *ремство* и *ремствовать*. Семантика имени восстановлена верно, но, во избежание упреков в неточном цитировании, лучше было бы написать: от мужского личного имени *Ремча, ср. у Даля: *ремство* – «ненависть, злоба, досада или злопамятство», *ремствовать* – «ненавидеть, преследовать». А далее привести примеры других имен, образованных по этой же модели.

В словаре часто не объясняются фонетические и морфологические изменения, происходящие в топонимах и антропонимах, а так как они не прокомментированы, то вызывают сомнение: «*Калабирево*, д. От 1) м. л. и. Колобур > Калабрей, из *колобур* – “колобок” (твр.), в значении “неуклюжий, толстый”, но *колобровый* – “с густыми изогнутыми бровями”; 2) м. л. и. Кулибер > Калабрей, из *кулиберда* – “беспорядочность, бессвязность, чепуха”, *колобродить* – “напиваться пьяным, валять дурака, создавать беспорядок в доме”, “шататься без дела, паясничать”». См. также: *Мармузы* д. – от личного имени *Мормыш*; *Картунь*, д. – от *кóртом* ‘аренда земли, угодий, леса и пр.’; *Берлязино*, д. – от мужского личного имени *Берляз*, из *берлóга*; и др.

Производящий апеллятив подбирается автором достаточно произвольно: в частности, он не обращает внимание на основы апеллятива и топонима. Ойконим *Далёкуши* он производит от сущ. *далъ*, выделяя топонимический суффикс *-уш(a)*, но ведь основа топонима *далёк-*, следовательно, надо соотносить его с прил. *далёкий*. Ср. также: *Высóка* (*Высóкино*, *Высóково*, *Высокúша*), д. – от *высота* (почему не от *высокий*?); *Дремучево* – от *дремуха* (почему не от *дремучий* или даже не от антропонима?); *Заскóлье* (ист. *Заскалье*), д. – от *заскородить*,

заскородивший (почему не от предложно-падежной конструкции *за скалой*? Ср. соседние словарные статьи: *Заселье* < за селом, *Застолбье* < за столбом); *Конопёлки*, д. – от *конопляник* (почему не от *конопель* ‘конопля’?); *Пустая*, д. – от *пустошь* (почему не от *пустой*? и т. д.

Автор не делает различий между топонимическими суффиксами и суффиксами апеллятивов, от которых произведен топоним. Так, ойконим *Альшáники* (ист. *Ольшаники*) он связывает с *ольшаник* ‘ольховый лес’ и далее пишет: «расширенный суффикс *-ник-/ниц-* – служит для образования уменьшительных форм топонимов, произведенных от апеллятивов» (с. 14). Но в данном случае суффикс *-ник-* присутствует в апеллятиве, а топоним возник лексико-семантическим путем. То же самое мы наблюдаем при анализе топонима *Возжáнка* – от *возжанка*, *Ельники* – от *ельник*.

Вызывают сомнения и некоторые замечания В. М. Воробьева относительно значений топонимических суффиксов. Так, он считает суффикс *-к-* уменьшительным, однако еще В. А. Никонов писал о том, что функции суффикса *-к-* формализовались и он стал лишь средством субстантивации [Никонов, 1965, 73]. Говорить о дiminutivности суффикса можно лишь в соотносительных парах типа *Илим* – *Илимка*, р. (Свердловская обл.). В названиях же типа *Безымянка*, *Еремеевка* и др. вряд ли можно рассматривать данный суффикс как уменьшительный.

Еще более странным кажется отнесение к уменьшительным суффиксов *-ник-* и *-уха-*: *Межник*, д.; *Битуха*, д. Есть мнение, что *-уха-* имеет экспрессивную окраску пренебрежения, а *-ник-* рассматривают как субстантивирующий суффикс.

Типичными для топонимов, образованных от апеллятивов, автор называет суффиксы *-ан(e)/-ан(ы), -ович(i)*: *Лучáне*, д.; *Есенóвичи*, д. Однако это суффиксы, имеющие патронимическое происхождение, и первоначально обозначали не место, а его обитателей. Они типичны для отантропонимических образований, хотя встречаются и в отапеллятивных. Поэтому название *Есеновичи* скорее восходит к антропониму *Есения* [Унбегаун, 1989, 72], а не к апеллятиву *ясень*, как предполагает автор. По крайней мере, обе версии имеют право на существование.

Суффикс *-ат(a)/-ят(a)*, также имеющий патронимическое происхождение, автор не выделяет: «*Ванчата*, д. От м. л. к. и. Иоанн (стар.) > Иван > Ваньша. “Прилагательное с суффиксальным *-т-* образуют самые типичные фамилии. *-Т-* всегда предшествуют гласные *-а* или *-и...*”» [Унбегаун, 124]». Непонятно, какие прилагательные имеет в виду автор. Вероятно, он считает топонимы на *-ат(a)* производными от фамилий на *-атов*: *Ванчата* – от **Ванчатов*? Но существует традиционная точка зрения на происхождение топонимов: *Ванча* > его дети *Ванчата* > место их жительства.

Безаффиксные ойконимы типа *Венрь* автор считает образованными от апеллятивов, поскольку они «не оформлены патронимическим суффиксом» (с. 71). Однако отантропонимические безаффиксные топонимы встречаются на территории России повсеместно. О них писал Е. С. Отин в статье «Непереоформленные личные имена в гидронимии Дона» [1970], их анализировала И. А. Воробьева в монографии «Русская топонимия средней части бассейна Оби» [1973], таких топонимов много и на Урале. Не будем говорить обо всех возможных причинах их появления на различных территориях, но на Урале они появились в результате дезаффиксации первоначально производных топонимов: *Воробьи*, д. – исторически *Воробьевы*; *Мартъян*, р. – исторически *Мартъяниха* [см.: Иванова, 2001].

На наш взгляд, лучше было бы не останавливаться так подробно на словообразовании топонимов, комментируя лишь наиболее интересные случаи.

Семантические интерпретации топонимов, как правило, не вызывают сомнения. Позволим себе лишь несколько комментариев к отдельным статьям, которые, возможно, дополнят представления автора о семантических моделях топонимов.

Так, автор возводит ойконим *Веселкí* к мужскому личному имени *Василько*, ойконим *Веселúха* – к *Веселый*, а при анализе названия *Веселая Горка* пишет «контекст употребления термина *веселый* в топонимии не ясен» (с. 74). Однако топонимов, образованных от прил. *веселый* в России немало. На Русском Севере есть *Веселый мыс*, *Веселый остров*, *Веселая гора*; на Среднем Урале – *Веселые Горы*, которые местные жители называют *Веселки* [КТЭ].

Следовательно, топонимы *Веселки*, *Веселуха*, *Веселая Горка* надо понимать как оценочные: «красивые», «радующие глаз».

Если топоним можно соотнести как с антропонимом, так и с апеллятивом, то автор предпочитает антропонимическую версию, не упоминая другой: *Мáчехин конéц*, д. – от мужского личного имени *Мачеха* (почему не от апеллятива *мачеха*?); *Бáбье*, д. – от мужского личного имени *Баба* (почему не от прил. *бáбий*?).

Название д. Колокольня, расположенной в устье р. Холохоленки, автор соотносит сущ. *холуй* – «глубокое место, течение с омутами». В каком словаре зафиксировано слово с таким значением, он не указывает, но мотивирует свою этимологию тем, что «термин *колокольня* не продуктивен в топонимии» (с. 182). Однако в Костромской, Архангельской и Вологодской областях более десятка топонимов *Колокольня*, *Колокольна*, *Колоколенка* (горы, озера, деревни) [КТЭ].

При анализе субстратных топонимов возникает много спорных моментов, и это неизбежно. Но есть случаи, которые вызывают возражения.

При передаче графики нерусских слов встречаются неточности:

- «*Ёгна*, с. На карте Менде (45) – с. Иогны. От *jokki, jogi* – “река” [фин.]. (Фасмер, II, 7)».

Правильно – *joki*. Ошибочна и ссылка на Фасмера, который приводит совсем другие данные;

- *Кой*, с. Одна из этимологий, рассматриваемых автором, от «коин “волк” [фин-угр.]».

Правильно – *köön*. Желательно давать не общую помету «фин.-угр.», а приводить данные конкретных языков, здесь – коми-пермяцких.

В некоторых случаях автор явно недооценивает фонетическую сторону:

• «*Винокóлы*, д. Вероятно, из *venialazet kulat* – “русские люди” [карел.]»; «*Ви́жса*, д. Вероятно, из *venialane* – “русский человек” [карел.]». В обоих случаях фонетически невозможны подобные преобразования;

• «*Атемéжса*, д. По гидрониму – р. Атемеша, п. п. Мологи, на обоих берегах которой расположено селение. Ю. М. Смирнов выводит гидроним из *te* – “дорога”, *межс* – “лес” [фин.-угр.]». Действительно, фин. *tie*, вепс. *te* – ‘дорога’, фин. *metsä*, вепс. *mec* [СВЯ, 323], *mets* – ‘лес’. Но как фонетически объяснить *a* в анлауте?

Иногда нарушаются принципы этимологизации субстратных названий, а именно: производится сопоставление со словами тех языков, которые никогда не имели и не имеют отношения к рассматриваемому региону: *Кéмы*, с. – по р. *Кемка*, от «хем – “река” (древний сибирский (!) субстрат)»; *Кóги*, д. – «от *кога* “болото с истоком, внедряющееся в лес, с большим количеством кочек” (хант.!)».

Несмотря на сделанные замечания, мы высоко оцениваем большую работу, проделанную автором. Перед нами – серьезное и интересное ономастическое исследование.

Безусловно, «Тверской словарь» займет достойное место среди других региональных топонимических словарей и будет востребован читателем.

Воробьев И. А. Русская топонимия средней части бассейна Оби. Томск, 1973.

Иванова Е. Э. Историко-этимологические наблюдения над топонимией р. Чусовой // Этимологические исследования. Вып. 7. Екатеринбург, 2001. С. 141–147.

Никонов В. А. Введение в топонимику. М., 1965.

Отин Е. С. Непереоформленные личные имена в гидронимии Дона // Восточно-славянская ономастика. М., 1979. С. 131–154.

Унбегаун Б. О. Русские фамилии. М., 1989.

ФРС – Финско-русский словарь. М., 1975.

Е. Э. Иванова, канд. филол. наук, доц. кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького
(Екатеринбург)

Чагин Г. Н. Пермь Великая в топонимических доказательствах. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2004. – 100 с.

Известно, что географические названия содержат уникальные сведения о создавшем их народе, его миграционной и этнической истории. Поэтому обращение к топонимическому материалу не только лингвистов, но и историков является закономерным. Важнейшую историческую информацию можно почерпнуть как из современной топонимики, собранной в экспедициях, так и из топонимики, зафиксированной в письменных памятниках. Пермский историк Г. Н. Чагин, уже много лет изучающий историю Северного Прикамья, еще раз доказал это, выпустив книгу «Пермь Великая в топонимических доказательствах». В работе описывается история русской колонизации Чердынского уезда по данным топонимии XVI – начала XX в. Кроме географических названий, для выяснения этого вопроса используются и антропонимы.

В своей работе Г. Н. Чагин опирается на сведения, извлеченные из многочисленных письменных источников, хранящихся в рукописном отделе РГБ, в РГАДА, в ГИМе (Москва), в Институте истории РАН (Санкт-Петербург), в Чердынском краеведческом музее, а также опубликованных. Анализ материала производится с широким привлечением справочной литературы, словарей, списков населенных мест XIX–XX вв., карт XVIII–XX вв. и полевых экспедиционных данных, собранных автором в 1965–2003 гг.

После краткого обзора обширной литературы по изучению топонимии Чердынского уезда начиная с 60-х – 70-х гг. XVIII в. и до наших дней автор делает вывод: до сих пор нет полного анализа топонимии этого региона ни по одному периоду его истории. Выбор региона исследования мотивируется и тем, что развитие его топонимической системы протекало в русле тех этнокультурных и лингвистических процессов, которые были свойственны древней и новой истории Урала. Чердынский уезд был первым на Урале районом, заселенным русскими людьми, отсюда происходило дальнейшее освоение Урала и Западной Сибири. Здесь происходила смена языков и народов, и в местной топонимии отразились языковые контакты и исторические судьбы коми-пермяков, манси и русских.

Признавая топонимию ценнейшим историческим и лингвистическим источником, позволяющим прояснить историю этнических отношений народов, хозяйственного и культурного освоения территории, автор книги ставит перед собой ряд задач: проследить по топонимическим данным историю заселения и освоения Чердынского уезда; выявить районы расселения в нем русских в разные исторические периоды; определить степень освоения новых территорий в свете этнического взаимодействия народов и использования природной среды; установить последовательность трансформаций названий поселений.

Основная часть работы состоит из трех глав. Первая глава – «Топонимия Чердынского уезда в XVI в.» – содержит анализ самого древнего из дошедших до нас перечня местных топонимов и имен жителей Чердынского уезда по писцовой книге И. И. Яхонтова 1579 г. и актовым материалам XVI в. Эти источники отражают процесс освоения территории уезда во второй период русской колонизации Урала. Первый период колонизации (XI–XV вв.) в работе не исследуется, так как топонимические данные по этому периоду, полученные из летописей, очень немногочисленны.

Всего по рассмотренным автором источникам XVI в. в Чердынском уезде выявлен 301 топоним. Топонимы, подразделяются на два вида: местные (permские и угорские) и русские; русских топонимов – 82, что составляет 28 %. На основе картографирования сведений письменных источников выявлены районы наиболее интенсивного русского заселения территории уезда в XVI в. Эти материалы сопоставляются с данными археологии, позволяющими отметить места, освоенные в XII–XV вв. предками коми-пермяков, жившими на территории региона. В большинстве случаев русские поселения возникали в тех местах, где имелись древние местные поселения.

Исследование семантики чердынских топонимов с привлечением имеющихся в письменных источниках антропонимических материалов позволяет получить важную истори-

ческую информацию. В частности, это данные о связи названий ряда населенных пунктов с именами и фамилиями первопоселенцев (д. *Захарово* – жители *Митя да Панко Захаровы*, поч. *Нечаев* – житель *Нечайко Яковлев*), сведения о пришлом характере населения уезда (*Лобанко Приходец*, *Иванко Новоселов*, *Васко Верхокамец*), сведения о хозяйственных занятиях жителей (*Якушко Кузнец*, *Романко Рыболов*, *Иванко Ведерник*, *Тренка Кожевник*, *Истомка Плотник*).

Антропонимы и топонимы как русского, так и коми-пермяцкого происхождения выявляют реалии местной фауны и флоры: *Ери Ивакин*, *Барсук Михайллов*, *Трех Черемхин*; *Тарко* – коми-perm. ‘тетерев’, *Рака* – коми-perm. ‘ворона’, р. *Низьва* – коми-perm. *низ* ‘соболь’ и др.

Часть антропонимов и местных названий содержит непосредственное указание на этническую принадлежность населения: *Юшико Зырян*, *Лучко Пермин*, *Пермь Великая*, р. *Чудовка*, д. *Чувашево*.

Многочисленные отантропонимические названия озер, рек, пашен, лугов (луг *Данилов луг*, оз. *Игнатовское*) говорят о крестьянской по характеру русской колонизации Чердынского уезда.

Во второй главе – «Топонимия Чердынского уезда в первой половине XVII в.» – представлены сведения, извлеченные из писцовой книги М. Кайсарова 1623–1624 гг., переписной книги П. К. Елизарова 1647 г., межевой книги по Чердынскому уезду 1608 г., а также из актовых источников, более обширных, чем по периоду, рассмотренному в предыдущей главе. Проводится сопоставление данных этих источников с данными 1579 г., позволяющее проследить значительные изменения в размещении населения Чердынского уезда, отразившие успехи русской колонизации: увеличение численности населения и числа погостов (вместо 11 погостов уже 19 в 1623–1624 гг., 20 в 1647 г.), появление новых деревень и починков. Несмотря на то, что с 1640-х гг. границы уезда резко сократились (часть территории была передана в Усольский уезд), топонимические данные свидетельствуют, что русская колонизация Чердынского уезда успешно продолжалась за счет освоения ранее незаселенных мест.

Выясняется языковая принадлежность вновь появившихся топонимов: значительная их часть отражает освоение территории русским населением. Так, из 271 топонима, отмеченных в 1647 г., 171 являются названиями русского происхождения, что составляет 64 % их общего числа; в это же время возникают новые поселения с нерусскими (в частности, с коми-пермяцкими) именами.

Микротопонимы, зафиксированные в источниках первой половины XVII в., указывают – так же, как и в предыдущий период – на крестьянский характер русской колонизации уезда и свидетельствуют о развитии в нем подсечно-огневого земледелия.

На основе топонимических и антропонимических данных выявляются особенности процесса перемещения русских в пределах уезда в ходе освоения его территории и миграции чердынского населения за пределы уезда.

Как и в первой главе, исследуется семантика антропонимов и топонимов данного периода. Уделяется внимание именам, прозвищам и фамилиям, отражающим характер занятости населения, но дан лишь их общий краткий анализ (как пишет автор, «виду их многочисленности»), – в полном объеме этот материал, к сожалению, не приводится. Выявлено преобладание антропонимов, говорящих о развитии в уезде – и не только в его крупных селениях – ремесленной деятельности (*Кожевников*, *Плотник*, *Кузнец*, *Сапожник*).

Приведен список топонимов, запечатлевших ландшафт, флору и фауну региона; даны комментарии к некоторым местным географическим терминам (*падун*, *слуда*, *дуб*).

В этой же главе дается исчерпывающая информация о населенных пунктах, дворах и численности населения Чердынского уезда по данным переписной книги 1647 г.

Третья глава – «Топонимия Чердынского уезда во второй половине XVII в.» – представляет исследование разнообразных актовых материалов, а также переписной книги Ф. Ф. Бельского 1678 г. (в ней зафиксировано 340 топонимов, 229 из которых имеют русское происхождение). В результате раскрываются исторические процессы колонизации Северного Прикамья этого периода.

Автор продолжает рассмотрение дальнейшего заселения территории Чердынского уезда русскими, определяет границы русского освоения территории, прослеживает расселение русских на юг, север и северо-запад уезда. Он отмечает, что возникновение на территории крайних северо-западных и северных погостов деревень как с русскими, так и с коми-пермяцкими названиями свидетельствует о вытеснении местного коми-пермяцкого населения из центральных погостов на окраины Чердынского уезда; позже проникновение русских в верховья Вишеры привело также к оттеснению на север живших там vogulov.

На материале письменных источников XVII в. показаны торговые и культурные связи населения Северного Прикамья с Печорским и Вычегодским бассейнами, географический кругозор чердынцев.

По документам этого периода продолжается анализ зафиксированных в них фамилий, свидетельствующих о хозяйственной деятельности русских поселенцев. Отмечается (в отличие от предыдущих периодов) оформление фамилий окончанием *-ов*. На основе названий географических объектов, имен и прозвищ жителей прослеживается этнический состав населения Чердынского уезда: *пермяк, пермич, зырян, vogul, остяк, югрин*, – из них особенно частотным оказался этноним *зырян*. Распространение топонимов и антропонимов с этнографическими компонентами *зырян, югрин, остяк* представлено на отдельной карте. Обнаружены этнонимы *черемис, чуваши, башкир*, говорящие об участии и этих народов в освоении Чердынского уезда. Появление деревни Вотцкой связывается с проникновением сюда удмуртов.

Источники второй половины XVII в. выявляют миграцию населения в Чердынский уезд из Вычегодского и Печорского бассейнов, свидетельствуют о значительных миграционных процессах внутри уезда, о вытеснении коми-пермяков на окраины уезда, а также об изменении названий ряда поселений вследствие смены их этнического состава.

В этой же главе рассмотрен вопрос об устойчивости топонимов. Автор сопоставляет материалы письменных источников от XVI в. до наших дней и приводит интересные данные о степени сохранности топонимов на исследуемой территории. Устанавливаются районы наибольшей устойчивости местных названий. Для XVII в. это земли, расположенные вокруг самих погостов. Наблюдается исчезновение ряда прежних поселений и появление в XVIII – первой половине XIX в. новых в местах, прежде бывших совершенно не заселенными. Это позволяет говорить о дальнейшей успешной колонизации окраинных земель Чердынского уезда.

После кратких выводов, полученных в результате анализа топонимии XVII в. как источника информации по истории Чердынского уезда, автор подводит общий итог проведенному исследованию, позволившему рассмотреть процесс русской колонизации региона. Численность топонимов русского происхождения в Чердынском уезде XVI–XVII вв. показана в итоговой сводной таблице.

В приложении к работе, занимающем почти треть всей книги (с. 66–98) и озаглавленном «Материалы к словарю географических названий Северного Прикамья», представлены топонимы, собранные автором в полевых условиях в 1965–2003 гг. на территории бывшего Чердынского уезда. Эти материалы имеют самостоятельную ценность и могут быть использованы как источник для лингвистического и историко-культурного изучения топонимии Северного Прикамья и смежных территорий. Названия приведены в виде списка, располагаются по географическому принципу и сгруппированы по типам объектов. В ряде случаев топонимы сопровождаются дополнительными сведениями, позволяющими понять мотивировку возникновения названий; коми-пермяцкие топонимы иногда даются с переводом.

Книга Г. Н. Чагина «Пермь Великая в топонимических доказательствах» содержит интереснейший фактический материал по топонимии и антропонимии – информацию, полезную как для специалистов – языковедов и историков, так и для всех, кто интересуется историей Пермского края. Поскольку работа написана историком, материал, представленный в ней, рассматривается прежде всего в историческом аспекте, а его всесторонний лингвистический анализ еще предстоит сделать филологам.

В качестве замечаний отметим прежде всего то, что в работе, при всей многоаспектности проведенного анализа, на наш взгляд, не хватает полноты представления иллюстративного

материала. Она в большей степени показывает результаты, выводы, полученные в ходе исследования, а не сам топонимический и антропонимический материал.

К сожалению, в книге допущены терминологические ошибки и некоторые неточности.

Автором не различаются понятия «топоним» и «географический термин» (с. 11, 34), пожни названы «оронимами» (с. 25, 45). Вместо терминов «имя» (*Якушко Кузнец* и др. – с. 19) и «фамилия» (*Кожевник, Кузнец* – с. 21) лучше было бы употреблять термин «антропоним». Выражение «имя и фамилия служили географическим термином» (с. 33) неверно по существу и стилистически.

Одно и то же название д. Тюлелиево упоминается среди русских (с. 26) и нерусских (с. 31) топонимов; название поч. Якимка Ижитпелева (с. 29) дано в списке русских поселений, а поч. Гаврилки Третьякова сына Минина оказывается в списке поселений с нерусскими именами (с. 31). Неясно, какой ландшафт, флору или фауну отражает топоним д. Пятигорт (с. 41).

Высказанные замечания не умаляют достоинств рецензируемой работы, которая наглядно и убедительно показывает историю русского освоения Чердынского уезда и процесс становления и развития топонимической системы одного из интереснейших регионов Урала.

T. H. Дмитриева, канд. филол. наук, доц. кафедры
русского языка и общего языкознания Уральского
государственного университета им. А. М. Горького
(Екатеринбург)

Русская ономастика в энциклопедии славянской ономастики

Slowiańska onomastyka: Encyklopedia: W 2 t. Warszawa; Kraków, 2002–2003. T. 1. – 535 s.; T. 2. – 616 s.

Славянская ономастика давно нуждалась в обобщающем труде справочного характера, который мог бы стать и итоговым обзором достигнутого в различных славянских странах, и поводом для размышления о перспективах развития одной из отраслей лингвистики. Энциклопедия славянской ономастики, вышедшая в Институте польского языка Польской Академии наук под редакцией Е. Жетельской-Фелешко и А. Чесликовой при участии Е. Думы, сделала заявку на решение этой задачи, объединив в двух весьма солидных томах выполненные ономатологами всех славянских стран обзоры научных изысканий по различным вопросам ономастики, один перечень которых уже впечатляет. Приведем основную рубрикацию энциклопедии.

Первый том:

1. История ономастики.
2. Теория ономастики.
3. Методы исследования и их эволюция.
4. Ономастическая терминология.
5. Состояние исследований.
6. Этимология собственных имен.
7. Дославянские и славянские имена собственные.
8. Иноязычные влияния: субстратные, адстратные, суперстратные.
9. Имена собственные в пограничных районах (этнических и языковых).
- 10–13. Антропонимия (имена, фамилии, прочие).

Второй том:

14. Названия деревень и городов (оиконимия).
15. Местные названия (микротопонимия, аноиконимия).
16. Названия гор (оронимия).
17. Водные названия (гидронимия).
18. Названия внутригородских объектов (урбо-/урбанонимия).
19. Названия животных (зоонимия).
20. Хрематонимия.
21. Имена собственные и социальная проблематика.
22. Имена собственные в художественной литературе.
23. Имена собственные и проблемы религии.
24. Изменения в онимии XX века.

Обозначенные проблемы получают свое освещение для каждого из славянских народов на его собственном языке (исключение сделано только для славян, проживающих в Германии, которые пишут по-немецки).

В кратком вступлении, принадлежащем перу Е. Жетельской-Фелешко, подчеркивается, что это «первое на сегодняшний день систематизированное описание и анализ как современных, так и древних имен собственных, существующих в славянских странах» (с. XVIII). Общесистематизирующий тон подчеркивается и теоретическим пафосом вводной статьи Рудольфа Шрамека «Ономастическая теория в славянской ономастике» (с. XXX–XLIII), хотя видный ученый не предпринимает очередной попытки сформулировать постулаты общей теории ономастики, а лишь фиксирует свою позицию в оценке общего состояния славянской ономастической науки. И в целом очевидно, что систематизации подвергается не столько онимия, сколько взгляды на нее, что естественно, поскольку систематизация славянских собственных имен потребовала бы не двух, а многих томов. Заданный объем каждого раздела (несколько страниц, чаще всего не более двух-трех) диктует составителям либо краткий обзор, либо обращение к произвольно выбранным трудам на ту или иную тему.

Несомненно, изданная энциклопедия не раз еще станет объектом серьезного и вдумчивого анализа. Мы же обратимся лишь к вопросу об охарактеризованном в энциклопедии состоянии русской ономастической науки, просматривая ее русские главы, автором которых является профессор, доктор филологических наук А. В. Суперанская.

История ономастики. Судя по текстам, представленным в энциклопедии, история ономастики понимается как история внимания к собственным именам вообще. Российский автор сводит вопрос об изучении собственных имен к проблеме подачи их в толковых словарях, как литературных (начиная со «Словаря Академии Российской»), так и диалектных. Поскольку, по справедливому замечанию обозревателя, имена собственные в указанные словари не включались, делается весьма неожиданный вывод о том, что имена собственные остались «вне поля зрения филологов, у которых постепенно сложилось мнение, что имена собственные не заслуживают особого внимания, не нуждаются в лексикографировании и едва ли чем отличаются от прочих слов» (с. 12). Совершенно непонятно, каким образом автор постиг, что именно такое мнение о собственных именах сложилось у русских филологов. И что значит: «едва ли отличаются от других слов»? Почему же онимы тогда не включали в словари наряду с этими самыми «другими словами»? И почему невключение имен собственных в словарь апеллятивной лексики кому-либо может помешать воспринимать их специфику? Скорей уж наоборот – именно приданье именам собственным особого статуса заставляло избегать их лексикографической обработки в одном массиве с апеллятивами. А о том, что интерес к специальному изучению онимов существовал уже в конце XVIII – начале XIX в., свидетельствуют, например, и дневники русских путешественников (П. И. Рычкова, И. И. Лепехина, П. С. Палласа, Г. Ф. Миллера и др.), и знаменитый «Лексикон» В. Н. Татищева (1793). Да и А. Х. Востоков обращался к именам собственным не только (да, пожалуй, и не столько) в связи с «пробуждением интереса к русской старине» (см. далее), но и как к возможности апробировать на этом специфическом материале сравнительно-исторический метод [ср.: Востоков, 1812].

Определяя место ономастики среди других дисциплин (кстати, странно, что эта проблема рассматривается в данном разделе, но здесь, очевидно, вопрос следует отнести к составителям, поскольку такое построение едино для всех языков), автор постулирует постепенный приход ученых к мысли об ономастике как лингвистической науке. Начальный период изучения собственных имен почему-то связывается с «пробуждением интереса к русской старины» (с. 12), при этом утверждается, что «тяга к славянским древностям отразилась в массовом присвоении детям имен *Владимир, Игорь, Всеволод, Глеб, Юрий, Светлана, Людмила*». Не будем оспаривать истинность этих утверждений, которые нуждаются хотя бы в каком-то фактическом подкреплении. Но должны ли мы интерес к собственным именам различных классов (антропонимам, топонимам), возникший у географов, историков и т. п., рассматривать как возникновение самостоятельной науки? Ведь существование имен собственных – объективный факт, древний, как мир, а не следствие чьего-либо интереса. Вопрос не в том, кого интересуют собственные имена (а они интересуют всех), а в том, когда этот интерес становится научным, когда появляются специальные научные методы анализа ономастического материала. И ономастика как лингвистическая наука возникла не потому, что «некоторые ученые по своей инициативе занялись планомерным сбором ономастического материала» (с. 13), а потому, что именно лингвисты продемонстрировали способность извлечь из имен собственных информацию, важную и для историков, и для географов, и для самих себя.

Характеристика основных достижений в области российской ономастики в разделе фактически отсутствует. Что отмечено автором? Что была создана Топонимическая комиссия, что в некоторых городах страны выпускаются различные сборники и монографии, посвященные ономастике. Это все (см. с. 14–15). А чего добилась Топонимическая комиссия, о чем были сборники, как они развивали науку, не сказано ни слова. Что касается современного периода, то автору он представляется в черном свете: «молодежь перестала интересоваться ономастикой; появилось много псевдонаучных книг» (с. 15). Между тем ономастические центры в Барнауле, Волгограде, Вологде, Екатеринбурге, Перми, Петрозаводске продолжают существовать, ведется полевой сбор ономастического материала, изыскиваются новые источники изучения собственных имен, публикуются сборники и монографии, защищаются кандидатские и докторские диссертации по ономастике, проводятся конференции (в частности, регулярные конференции «Ономастика Поволжья»), совершенствуется методика сбора и анализа собственных имен. Зачем же на весь славянский мир демонстрировать свое незнание современного состояния ономатологии в России да еще и рисовать столь мрачную картину?!

Завершает раздел характеристика наиболее выдающихся ученых, в качестве которых представлены А. А. Реформатский (1900–1978), А. П. Дульzon (1900–1973) и Э. М. Мурзаев (1908–1998). Это действительно столпы отечественной науки, хотя назвать их именно ономатологами, определяющими направление развития ономастики, трудно. К тому же все трое ушли из жизни в прошлом веке.

В целом содержание данного раздела создает впечатление лишь о каких-то затаенных науки, проявляющихся в решении служебных задач: орфография, лексикография и т. п. Глухие упоминания о том, что где-то издаются какие-то сборники, не улучшают картину.

Ономастические теории. Упомянув несколько имен (А. А. Реформатский, В. Н. Топоров, А. В. Супранская, В. И. Болотов), автор сосредоточивается на типологии имен собственных, характеризуя ее на основании «Словаря русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской. Насколько вопрос о классах собственных имен решает и исчерпывает вопросы теории ономастики, предоставим судить читателю.

Методы исследования и их эволюция. Основная мысль автора в этом разделе – «все отрасли ономастической науки используют преимущественно лингвистические методы» (с. 68). Трудно спорить. Но в энциклопедии, посвященной ономастике, было бы более уместно выявить собственно ономастическую специфику. Между тем эта специфика никак не обнаруживается, ср.: «Ономастическая этимология выводит лексемы, входящие в состав

собственных имен на уровень апеллятивов (?). Сопоставительный метод позволяет сравнивать данные отдельных языков и территорий, выявлять мотивировку имен, их модели. Ареальный метод помогает выявлению распространения отдельных топонимов и топоэлементов. Ретрогressивный метод способствует реконструкции древнего фонетико-морфологического облика топонимов путем удаления их более поздних напластований» (с. 68).

Далее перечислены разделы ономастики, в том числе (наряду с теоретической, описательной, прикладной, литературной и исторической) упоминается «этническая ономастика», которая, судя по приведенному определению, должна быть посвящена изучению этнонимов (с. 67–68) – такое внимание именно к данному классу имен не вполне понятно: ведь и другие онимы могут исследоваться в интересах этнологии.

В этом же разделе предписывалось определить связь отечественных методов с достижениями ученых-ономатологов других стран. Автор ограничивается указанием на некоторые основополагающие философские и лингвистические труды, а именно работы Т. Гоббса, Г. В. Лейбница, А. Гардинера, Ф. де Соссюра, К. Бюлера, Л. В. Щербы, А. И. Смирнитского, Н. С. Трубецкого. Каким образом эти труды связаны с ономастикой, не раскрывается.

Ономастическая терминология. Поскольку автор считает возможным и необходимым говорить о терминологии в разделе, посвященном теоретической ономастике, тут ему остается только повториться.

Состояние исследований. Автор вновь обращается к истории ономастики, перечисляет исторические и толковые дореволюционные словари, в очередной раз сетя на отсутствие в большинстве из них ономастического материала и почему-то забывая о целом ряде специальных ономастических словарей, вышедших в XX в. (с. 104). Странно утверждение, что «в настоящее время основное внимание обращено на анализ письменных памятников» (Там же). Создается впечатление, что о существовании полевых сборов ономастического материала автор и не подозревает – по крайней мере, здесь об этом не упоминается.

Этимология имен. Если верить автору, этимология имен нереальна. Занимаясь ею, «исследователь ступает на зыбкую почву вероятностной ономастики» (с. 135). Судя по всему, автор не знаком с работами А. К. Матвеева, Ю. В. Откупщика, Ю. И. Чайкиной, Е. Н. Поляковой, да и А. П. Дульзона, В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева знает только по фамилиям. И само выделение данного раздела в энциклопедии кажется ему непонятным.

Дославянские и славянские имена. Про славянские имена автор не говорит вообще ничего. Очевидно, их нет. Или ввиду невозможности заниматься этимологией, их все равно не найти. Упоминаются балтийские гидронимы (со ссылкой на В. Н. Топорова), называются некоторые (турецкий, монгольский, финно-угорский) пласты неиндоевропейских топонимов и антропонимов. Как удалось провести работу по выявлению разнозычных пластов ономастики без этимологической интерпретации, автор не задумывается.

Иноязычные влияния: субстратные, адстратные, суперстратные. В принципе, разговор об этом уже был начат в предыдущем разделе (иначе что имеется в виду под «дославянскими именами»?) – это можно признать структурным просчетом составителей. В то же время вопрос о субстрате в ономастике нуждается в особом разговоре [ср., например: Матвеев, 1993]. Не совсем ясно, что автор понимает под суперстратными проявлениями: являются ли таковыми имена типа *Жюли* и *Александрин* или это факт адстрата?

Имена в пограничных районах (этнических и языковых). Из данного раздела мы прежде всего узнаем, что на Украине говорят по-украински и топонимы создают на том же языке. А в России все на русском языке. По-русски *большой*, по-украински – *великий*, по-русски *красный*, по-украински – *червоний*. Славяно-неславянские проникновения характеризуются на примере названий *Актюбинск*, *Семипалатинск* и *Семиречье*. Ну, а в целом «даже там, где русские компактно проживали 400 лет и более ... названия рек, озер, уроцищ, хотя и русифицированные, в основе своей не русские» (с. 231). Другими словами, автор, очевидно, считает такие названия как р. *Ольховка* или *Талица*, ур. *У Кривой Сосны* или *Веселые Горки*, оз. *Долгое* или *Глухое* русифицированными дославянскими? Стоит ли отказывать русскому народу в способности дать собственные имена окружающим его географическим реалиям? Тем более,

что любой полевой сбор обнаруживает неистощимое богатство русских микротопонимов, возникших в разные эпохи, в том числе в настоящее время. Думается, даже автор когда-нибудь выступал в роли создателя хотя бы одного микротопонима. А народу тут и карты в руки.

Политика и прагматика в области ономастики. Этот раздел, действительно новый для отечественной ономастики, в работе практически никак не представлен. Честнее было бы здесь написать, как это в таких случаях делается в энциклопедии, «*brak opracowania*». Текст изобилует бездоказательными утверждениями типа: «Прагматика была очень яркой в названиях внутригородских объектов (а в сельской микротопонимии нет? – *M. P.*)»; «Новые названия старых мест (*Краснотурьинск* Свердловской области, известный с XVIII в. как *Турьинские Рудники*, по р. Турья) создают впечатление, что это новостройки, т. е. искажают топонимическую и историческую картину» – а Краснотурьинск и есть новый город, выстроенный на месте старого поселения. Петр Первый тоже выстроил город на месте «приюта убогого чухонца», следовательно, он тоже искажил топонимическую и историческую картину, дав городу имя *Санкт-Петербург*?

Можно подытожить, что содержание российского компонента общих разделов энциклопедии основано на небольшом и, как правило, случайно скомпонованном корпусе ономастических исследований и ни в коей мере не отражает реальное состояние ономастических исследований в России.

Характеристика отдельных классов собственных имен, разворачивающаяся далее, создает естественные трудности у авторов энциклопедии: материал огромен, поэтому препрентировать его в весьма ограниченных рамках энциклопедической статьи нелегко – невольно в результате получается скороговорка популярного толка.

В разделе «Антропонимия I. Личные имена» автор пытается выделить основные этапы формирования современного именного антропонимикона. Поскольку антропонимы достаточно хорошо изучены и плоды этого изучения отражены в многочисленной популярной литературе, возражений изложение в основном не вызывает. Тем не менее, кажется не совсем удачным использование термина «древнерусские имена» вместо привычного «дохристианские имена» (ведь и христанские имена бытовали в Древней Руси). Не вполне корректно и утверждение о том, что именно «древнерусские имена стали самыми массовыми основами русских фамилий» (с. 328) – статистика фамилий у нас пока очень плохо разработана [ср.: Журавлев, 2005]; к тому же не совсем понятно, идет ли речь о частотности фамилий с определенными основами или о количестве основ. Вряд ли можно назвать орфографию имен «фонетической» (с. 331) – очевидно, автор хотел сказать, что при регистрации имен часто допускались ошибочные написания, отражающие особенности их произношения. Удивляет отсутствие ссылок на А. М. Селищева и Н. А. Петровского в подразделе «Изученность. Вклад отдельных ученых». В разделе «Антропонимия II. Фамилии» А. М. Селищев явно также заслуживает упоминания, равно как и О. Н. Трубачев, Н. А. Баскаков, Е. Н. Полякова, чьи словари фамилий широко известны и включают в себя оригинальный и умело интерпретированный материал.

Последний раздел первого тома – «Антропонимия III. Другие имена» – представляется неудачным по самому своему замыслу, поскольку в него включены слишком разные классы собственных имен. В частности, в России этнонимия традиционно рассматривается как особый класс онимов, но трудно упрекнуть автора в том, что он следовал общим принципам построения книги. Жаль, что «за бортом» остались коллективные прозвища, имеющие своих исследователей в России.

Первые пять разделов второго тома, посвященные топонимии, также излишне кратки. Работ здесь очень много, и все аспекты изучения одного из самых популярных среди ономатологов классов собственных имен в столь небольшом объеме охватить просто невозможно. Отметим все же некоторые странности. Прежде всего это касается безапелляционного утверждения: «В нашей стране очень мало сделано для изучения микротопонимии... Исследования ведутся благодаря энтузиазму отдельных ученых» (с. 154). Впрочем, данное мнение естественно для того, кто не подозревает о полевых сборах топонимического материала в

стране. Именно на микротопонимическом материале разрабатывались методы топонимических исследований А. К. Матвеева, методика извлечения этнокультурной информации из топонимии Е. Л. Березович, микротопонимия была в центре внимания И. А. Воробьевой, и эта традиция продолжается в трудах Л. М. Дмитриевой и ее учеников, интереснейшие примеры анализа микротопосистем мы находим в трудах пермских, вологодских, череповецких и петрозаводских лингвистов. Другое дело, что масштабы страны огромны, микротопонимия безбрежна и работа эта должна расширяться и продолжаться. А что при этом необходим энтузиазм отдельных ученых – таков общий закон научного прогресса, именно этот энтузиазм движет науку вперед.

Говоря об урбанонимах, автор откровенно сосредоточивается только на урбанонимии Москвы, к сожалению, упомянутая возможность сопоставления различных словарей городских объектов, вышедших в последнее время. Нет в разделе и упоминаний о неофициальной урбанизации, существовавшей всегда и весьма активизированной в последние годы.

Зоонимия во всех славянских странах является явно периферийным классом собственных имен. Россия не составляет исключения. Все же единственная упомянутая автором работа П. Т. Поротникова 1972 г. могла быть дополнена работами Н. П. Романовой по иппонимии.

Русская хрематонимия развивается весьма неравномерно, однако работы по прагмонимии (товарным знакам) и эргонимии уже достаточно многочисленны и могли бы найти отражение в статье этого раздела, в то время как описание других типов хрематонимов вполне можно было бы сократить. Отметим попутно, что вряд ли В. Мейерхольда можно назвать просто «известным драматическим актером» (с. 389).

Рассмотрением хрематонимов заканчивается обзор отдельных классов собственных имен. Можно пожалеть, что в энциклопедию не включены астронимы, достаточно активно изучаемые в таких славянских странах как Болгария, Польша, Россия, Украина.

В разделе «Имена собственные и социальная проблематика» ощущается некоторый повтор того, что уже рассматривалось в общих разделах первого тома. Автор русской главы привлекает весьма пестрый материал, в том числе не имеющий прямого отношения к собственным именам, например обращения (с. 419–420). Ряд утверждений просто непонятен. В частности: «Социальность имени собственного часто преувеличиваются, пытаясь отнести ономастику к общественным наукам» (с. 418) – во-первых, преувеличить социальность имени собственного невозможно, поскольку имя рождается в социуме, отражает особенности и ценностные установки социума, поддерживается или отрицается социумом (и, кстати, перечисляя типичные имена разных сословий, автор сам это подтверждает); во-вторых, почему социальность имени означает, что ономастика относится к общественным наукам? Есть ведь еще такая наука как социолингвистика... Еще пример: «...[имена, предпочтительные исламом] приобрели традиционные русские формы: *Ахмет, Магомет, Муслим, Муса, Лейла, Зулейка*. Но определить, к какой национальности принадлежит человек с таким именем, невозможно» (с. 421) – что здесь имеется в виду? Что невозможно определить, к какому тюркскому народу принадлежит человек, носящий такое имя? Или что такие имена могут носить русские люди? Иначе к чему разговор про «традиционно русские формы»? И в чем заключается эта традиционная «русскость»?

Рассматривая имена в художественной литературе (поэтонимы), автор почему-то избегает упоминаний имен современных ученых, занимающихся литературной ономастикой.

В разделе «Имена собственные и проблемы религии» речь идет прежде всего о теонимах и хрононимах, хотя проблемы религии так или иначе отражаются в каждом из разделов собственных имен.

Раздел «Изменения в онимии XX века» необычайно малосодержателен у всех славян. Отчасти это объясняется тем, что большинство особенностей нового времени уже отражено в других разделах, поэтому все статьи изобилуют ссылками.

Энциклопедия завершается библиографическими указателями для каждого языка. Для русской ономастики он катастрофически неполон. Очевидно, избирательность определяется

исходными установками составителей, однако в столь сжатом виде библиографический указатель просто теряет смысл. К тому же список русской ономастической литературы выглядит несколько устаревшим (из 35 указанных работ 26 вышли до 1990 г.).

Конечно, нельзя утверждать, что состояние отечественной (равно как и славянской в целом) ономастики прекрасно. Перед наукой о собственных именах стоит множество нерешенных проблем – как теоретических и методологических, так и прикладных. Однако все же современное положение далеко не так плачевно, как это представлено в русских главах обсуждаемой энциклопедии. Хочется надеяться, что адекватное описание состояния русской ономастики еще впереди. Тем более, что забытый автором первый опыт (хотя и не доведенный до завершения) энциклопедического словаря русской ономастики уже существует [Русская ономастика..., 1994].

Востоков А. Х. Задача любителям этимологии // Санкт-Петербургский вестник. 1812. № 2.
Журавлев А. Ф. К статистике русских фамилий // Вопр. ономастики. 2005. № 2. С. 126–146.
Матвеев А. К. Субстрат и заимствование в топонимии // Вопр. языкоznания. 1993. № 3. С. 86–95.
Русская ономастика и ономастика России: Словарь / Под ред. акад. РАН О. Н. Трубачева. М., 1994.

M. Э. Рут, докт. филол. наук, проф. кафедры
русского языка и общего языкоznания Уральского
государственного университета им. А. М. Горького
(Екатеринбург)

НОВЫЕ КНИГИ

История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси. Межвуз. сб. науч. работ. Вып. 1 / Отв. ред. Ю. И. Чайкина. – Вологда: Вологод. гос. пед. ун-т, 2002. – 250 с.; Вып. 2 / Отв. ред. С. Н. Смольников. – Вологда: Вологод. гос. пед. ун-т, 2002. – 228 с.

В сборниках, представляющих собой заявку на научную серию, представлены статьи, посвященные антропонимии, топонимии, астрономии и специальной лексике Русского Севера. Авторами рассматриваются календарные и некалендарные личные имена, фамилии, прозвища отдельных исторических эпох, прослеживается смена словообразовательных типов северно-русских антропонимов. В разделе, посвященном топонимии, помещены исследования метафорических географических наименований, мифологических представлений, выраженных в топонимии, а также работы по истории формирования отдельных топосистем. В разделе «История специальной лексики» обсуждаются вопросы становления, развития и функционирования диалектной промысловой и строительной терминологии, в том числе лексики художественного шитья.

Чайкина Ю. И., Монзикова Л. Н., Варникова Е. Н. Из истории топонимии Вологодского края. – Вологда: Вологод. ин-т развития образования, 2004. – 112 с.

Книга представляет собой монографическое описание большого пласта региональной топонимии. В первой главе предложены критерии классификации топонимов, рассмотрены принципы и способы номинации географических объектов, методы этимологизации названий, затронута проблема финно-угорского топонимического субстрата. Вторая глава посвящена истории топонимии Вологды, особенностям функционирования урбанонимической системы. В третьей главе, представлена типология местных названий микрообъектов, прослежены системные отношения в микротопонимии. В последней главе приведены конкретные методические разработки школьных занятий по топонимии родного края.

Мезенко А. М. Имя внутригородского объекта: Об урбанонимах Беларуси XIV – нач. XX в. – Минск: Изд-во «Вышэйшая школа», 2003. – 301 с.

Книга представляет собой словарь-справочник, в котором собраны и проанализированы названия внутригородских объектов, существовавших на территории Беларуси с XIV в. Словарю предпослан историко-лингвистический комментарий, освещивающий состояние топонимии Беларуси в каждую эпоху, закономерности ее развития и особенности структуры. Словарная статья включает топоним с указанием его вариантов, ссылки на карты и (или) цитаты из памятников письменности, в которых это название отражено. Далее следует перечисление всех населенных пунктов, в которых данный топоним функционировал с точной датой фиксации. Интерпретационная часть исследования представляет собой анализ урбонимии Беларуси в контексте истории, социальной организации, политических изменений, национальной культуры.

Карпенко О. П. Гідронімікон Центрального Полісся. – Київ: «КИЙ», 2003. – 317 с.

Гидронимия Центрального Полесья рассматривается в монографии в хронологическом, ареальном и этимологическом аспектах с целью реконструкции славянского гидронимического фонда. Эти-

мологическому описанию подвергаются «темные» названия рек и непроточных объектов, зафиксированные в «Словаре гидронимов Украины» (1979). Материал и его интерпретация представлены в виде словаря, состоящего из двух частей: в первом разделе рассматриваются гидронимы славянского происхождения, во втором – названия, для которых предполагается балтийское происхождение. Существенная часть названий вводится в научный обиход и этимологизируется автором впервые.

Кравченко Л. О. Прізвища Лубенщини. – Київ: «Факт», 2004. – 198 с.

Фамилии жителей Лубенщины второй половины XIX – конца XX в., к которым обращается автор, ранее не становились предметом комплексного изучения, и этот материал вводится в научный обиход впервые. Л. О. Кравченко рассматривает теоретические проблемы ономастики (в частности, языковой статус фамилий и проблему их классификации), а также историю изучения фамилий в украинском языкоznании. Фамилии изучаются как в синхронном, так и в диахронном аспекте. Автор обращается к истории становления украинских фамилий, реконструирует корпус собственных имен и апеллятивной лексики, участвующей в создании фамилий, выявляет мотивационные модели, предлагает классификацию словообразовательных структур, а также рассматривает орфографическую и акцентологическую вариативность фамилий и проблему адаптации иноязычных антропонимов. В монографии содержится обратный словарь и словарь фамилий, распространенных во второй половине XIX в.

Медвідь-Пахомова С. М. Екстрапінгальні фактори в контексті розвитку слов'янських антропосистем. – Ужгород: Вид. «Мистецька лінія», 2003. – 72 с.

Книга написана как пособие студентам-славистам, изучающим ономасиологию. В работе прослеживается эволюция антропонима в славянских языках с дописьменного периода и до наших дней. Автор рассматривает личные имена в социолингвистическом аспекте, реконструируя, с опорой на многочисленный корпус письменных источников, праславянскую антропонимическую систему и анализируя различные экстралингвистические факторы, оказавшие влияние на закрепление в славянских языках двух- и трехчастных формул официального именования. Эволюция имени прослеживается в контексте истории становления государств, языческих и христианских традиций, времени, учитываясь пол и социальный статус человека, а также «антропонимическая мода».

Студії з ономастики та етимології 2004. – Київ: Інститут української мови НАН України, 2004. – 316 с.

В сборнике представлены доклады И. М. Железняка, О. И. Илиади, О. П. Карпенко, С. М. Пахомовой, П. П. Чучки и других ономастов, прозвучавшие на международной конференции «Ономастика Карпатского региона» (Киев, 2004). Большинство статей украинских, польских и русских ученых посвящено изучению происхождения и функционирования онимов разных классов (топонимов, антропонимов, этнонимов, зоонимов) на территории Карпатского региона – архаичной славянской территории, затрагиваются теоретические проблемы ономастики и история ее становления. В сборнике содержатся также статьи, посвященные этимологизации апеллятивной славянской лексики, новые материалы по топонимии и антропонимии Украины. В разделе «Обзоры и рецензии» освещаются новые исследования польских и русских ученых в области ономастики.

Malec M. Imię w polskiej antroponimii i kulturze. – Kraków: Wyd. Naukowe DWN, 2001. – 134 с.

В книге М. Малец «Имя в польской антропонимии и культуре» решаются проблемы соотношения личных имен и других онимов, места имени в языковой системе, социальной коммуникации, ономастиконе культуры и ирреальном пространстве династических мифов, фольклора и литературы. М. Малец рассматривает польское личное имя с точки зрения происхождения, структуры, функционирования (выбор имени, его модификация, специфика употребления в официальной и разговорной речи), а также как источник для образования других групп онимов.

Nazwy własne w języku, kulturze i komunikacji społecznej / Pod red. R. Mrózek. – Katowice: Wyd. Uniwersytetu Śląskiego, 2004. – 260 s.

Сборник «Имена собственные в языке, культуре и социальной коммуникации», изданный под редакцией профессора Силезского университета Р. Мрузка, включает работы Э. Жетельско-Фелешко, М. Малец, Р. Мрузка, К. Рымута, А. Чесликовой и других известных польских ономастов. Статьи содержат не только информацию по теории имени собственного, анализ актуальных ономастических процессов и явлений, но и практическую интерпретацию отдельных разрядов ономастических единиц (антропонимов, топонимов, астронимов, зоонимов и прагмонимов). Имена собственные рассматриваются в мотивационном, историческом, функциональном, стилистическом, нормативном, культурологическом и других аспектах, что придает сборнику энциклопедический характер и делает его полезным для тех, кто хотел бы получить общетеоретические сведения об именах собственных (их разрядах, функциях, роли в языке, культуре, коммуникации, возможных направлениях изучения), а также представление о тенденциях развития современной ономастической системы.

Onomastica: Pismo poświęcone nazewnictwu geograficznemu i osobowemu oraz innym nazwom własnym. Rocznik XLVIII / Red. K. Rymut. – Kraków: Wyd. Instytutu Języka Polskiego PAN, 2003. – 340 s.

Очередной выпуск польского ежегодника «Ономастика» представлен статьями, рассматривающими различные группы имен собственных: топонимы, гидронимы, астронимы, антропонимы, этнонимы и прагмонимы. Среди статей – исследования этимологического характера (например, о топонимах *Mława* и *Мещовск*), работы, посвященные проблемам онимизации, апеллятивизации и трансонимизации (на примере названий растений и небесных тел), а также затрагивающие вопрос функционирования имен в тексте (например, еврейские фамилии в повестях Т. Манна, этнонимы в польских переводах Нового завета) и др. Кроме того, ежегодник содержит более 10 рецензий на ономастическую литературу, вышедшую в 2001–2004 гг. в Польше, Германии, Чехии, а также отчеты о проведенных в 2003 г. ономастических конференциях.

Słownik etymologiczno-motywacyjny staropolskich nazw osobowych. Część 7. Suplement. Rozwiążanie licznych zagadek staropolskiej antroponimii / Pod red. A. Cieślakowej. – Kraków: Wyd. naukowe DWN, 2002. – 662 s.

Седьмая часть этимологомотивационного словаря древнепольских личных имён состоит из двух разделов. В первом содержатся словарники личных имён евреев, армян, литовцев, живших в Средние века на территории Польши, а также антропонимов, образованных от латинских апеллятивов; каждая словарная статья включает этимологомотивационные комментарии. Этот материал может быть использован для дальнейшего исследования ономастики этнических групп XIV–XV вв., их культурного и языкового взаимодействия. Второй, более обширный раздел представляет собой индекс отсылок и дополнений – алфавитный перечень всех личных имён, упомянутых и прокомментированных в уже изданных шести частях словаря. Такой индекс, несомненно, облегчает поиск конкретного антропонима, поскольку в предыдущих частях авторы придерживались гнездового принципа подачи материала.

Skowronek K. Współczesne Nazwisko Polskie. – Kraków: Wyd. Naukowe DWN, 2001. – 216 s.

Монография Катажины Скворонек является когнитивно-статистическим исследованием современных польских фамилий и находится на стыке антропологии, психологии и лингвистики. Структурному, когнитивному и квантитативному анализу подвергнуты фамилии, зафиксированные в «Словаре современных польских фамилий» (*Słownik nazwisk współcześnie w Polsce używanych: W 9 t. / Red. K. Rymut. Kraków, 1992–1994*). Статистический учет, проведенный с использованием компьютерных технологий, охватывает более четырехсот тысяч номинативных единиц. Интерпретационная часть исследования предваряется теоретическим разделом, который посвящен статистике и когнитивизму в современных ономастических исследованиях. Монография снабжена иллюстративным материалом в виде таблиц.

Zawadzki J. M. 1 000 najpopularniejszych nazwisk w Polsce. – Warszawa: Świat Książki, 2002. – 304 с.

Книга Ярослава Завадского представляет собой словарь наиболее популярных фамилий, функционирующих в польском языке. В начальных разделах исследования перечислены основные типы польских фамилий. Каждая словарная статья снабжена краткими биографическими сведениями об известных исторических, культурных и спортивных польских деятелях, носивших или носящих конкретную фамилию. Словарь снабжен индексом, алфавитным сводом фамилий за 2000 г. с указанием количества их носителей, а также рейтингом популярности фамилий, позволяющим узнать место той или иной фамилии в ряду наиболее известных польских фамилий. Книга носит научно-популярный и общеобразовательный характер и рассчитана на самый широкий круг читателей.

Acta Onomastica. Ročník XLV. – Praha, 2004. – 284 с.

В очередном выпуске чешского ономастического ежегодника представлены работы по этимологии, лексическому анализу, проблемам стандартизации и адаптации географических названий, по этиологии некоторых фамилий, истории употребления личных имен. Также в сборнике дан обзор последних событий в мире ономатологии, представлены рецензии на новые ономастические исследования. Раздел «Хроника» посвящен научной деятельности крупных ученых, таких как Рудольф Шрамек (Rudolf Šrámek), Милан Майтан (Milan Majtán), Иван Люттерер (Ivan Lutterer) и др., даны библиографические списки ономастических работ этих исследователей.

Harvalík M. Synchronní a diachronní aspekty české onymie. – Praha: Academia, 2004. – 162 с.

Монография Милана Гарвалика представляет собой комплексный анализ чешской топонимии в синхронном и диахронном аспектах. Теоретическая часть работы посвящена истории и структуре чешской и мировой ономастики, ее методам, принципам и достижениям. Особое внимание уделяется преподаванию ономастики в высших учебных заведениях. В работе представлен анализ чешской урбонимии с лингвистической и экстралингвистической точек зрения, а также даны рекомендации по наименованию улиц в небольших городах. Исследование чешской микротопонимии предваряется рассмотрением взаимосвязи между ономастикой и диалектологией, методологии анализа отношений между апеллятивной лексикой и именами собственными. Отдельная глава посвящена проблемам адаптации иноязычных топонимов в чешском языке.

НОВЫЕ ДИССЕРТАЦИИ ПО ОНОМАСТИКЕ

Кузьмин Д. В. Ареальная дистрибуция топонимных моделей Беломорской Карелии. Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2003. 212 с.

27 мая 2003 г. на заседании диссертационного совета Д 212.116.01 в Марийском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации Дениса Викторовича Кузьмина на тему «Ареальная дистрибуция топонимных моделей Беломорской Карелии». Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, доцента И. И. Муллонен в секторе языкоznания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук, профессор А. Н. Кукин (Йошкар-Ола) и кандидат филологических наук А. Г. Мусанов (Сыктывкар). Ведущее учреждение – Петрозаводский государственный университет.

Современная ономастическая наука нацелена на изучение топонимных моделей на основе анализа элементов структуры географических названий отдельной историко-этнографической области и сопоставления их со словообразовательной парадигмой топонимов других областей. Сопоставление и анализ моделей, парадигм топонимов и апеллятивов уральских языков и моделей, парадигм современных прибалтийско-финских топонимов остается одной из важных задач исследования языкового прошлого уральских народов. Проведение такой операции сопряжено с рядом трудностей, преодолеть которые можно лишь при воспроизведении более древней формы топонима, выявлении его диалектных вариантов в пределах некоторой языковой общности, установлении модифицированных форм, возникших под действием неродственных контактирующих языков. Поэтому сравнение и сопоставление топонимных моделей должно опираться как на традиции исторической компаративистики, так и на достижения теории языковых контактов. Результаты таких исследований позволяют в какой-то степени откорректировать существующие спорные положения по теории этнологии финно-угорских и самодийских народов.

Диссертационная работа Д. В. Кузьмина представляет собой первое обобщающее исследование структурных моделей и лексико-семантических типов географических названий Беломорской Карелии. Необходимость неотложного сбора названий географических объектов северокарельского ареала и изучения механизмов их номинации продиктована исключительной значимостью топонимического материала для решения научно-практических задач прибалтийско-финского языкоznания, разработки общетеоретических вопросов ономастической науки и уточнения существующих положений по этнической истории карел, вепсов, саамов, еми, саволаксов, русских и проблем их внешней и внутренней миграции. Более того, из 130 карельских деревень и хуторов, находившихся в Беломорской Карелии до 1940-х гг., к настоящему времени осталось лишь 8, большая часть из которых являются этнически неоднородными. Исчезновение большого количества населенных пунктов и вместе с ними их названий, а также микротопонимов позволяет признать особо актуальной и своевременной тему диссертационной работы Д. В. Кузьмина.

Работа состоит из введения, основной части, включающей 3 главы, выводов. Библиографический список содержит 115 наименований, из них 59 на иностранных языках (с. 190–198). В приложении дается индекс рассматриваемых в исследовании топонимов (с. 199–212).

Композиция диссертации соответствует решению поставленной цели – выявлению ареальной дистрибуции топонимных моделей Беломорской Карелии и выяснению причин ее формирования. При этом в центре внимания находятся такие узловые вопросы, как выяснение способов топонимообразования; определение структурных и лексико-семантических моделей топонимов; установление временных срезов формирования моделей и их географической локализованности; выборка топонимных моделей, обладающих дифференцирующим признаком и их картографирование; исследование природы и закономерностей номинации; анализ особенностей северокарельской топонимии на фоне топонимикона родственных прибалтийско-финских народов с учетом структурных типов географических названий, частотности употребления топослов и их сочетаемости (с. 9–11).

Анализ материала проводился на основе методики ареальных исследований в топонимии с привлечением экстралингвистических данных (истории, археологии, этнографии), что позволило более убедительно объяснить специфику формирования тех или иных топонимных моделей Беломорской Карелии. Среди различных методов, применяемых для характеристики ареальной картины, ведущая роль принадлежит лингвистической компаративистике, см., например, сравнения топослов в таблицах 7, 9, 10 (с. 73–74, 79–80, 82) и данные других таблиц, иллюстрирующие исконные и чужеродные явления и содействующие определению механизма взаимодействия и особенностей контактирования диалектов близкородственных прибалтийско-финских языков. Достаточно эффективными оказались также методы и приемы современной контактологии, смыкающиеся с методами и приемами лингвистической географии. При необходимости и по возможности диссертант применялись картографический и количественно-статистические методы анализа топонимии. Общетеоретической и методологической основой работы явились труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные общим и частным вопросам топономастики.

Во введении (с. 2–11) содержится обоснование темы, дается общая характеристика работы, заявляется ее научная новизна, определяется практическая и теоретическая значимость, указываются основные методы и источники исследования, кратко, но весьма емко освещается история вопроса.

Говоря о выбранной территории для анализа топонимии и разработки вопроса об истории формирования беломорских карел – бассейне р. Кемь с ее основными северными и южными притоками, Д. В. Кузьмин отмечает, что на этой территории находились наиболее древние поселения Беломорской Карелии. Исследуемая территория, как полагает диссертант, является достаточно единой историко-культурной зоной (с. 5–6).

Первая глава «Методика ареальных исследований в топонимии» (с. 12–21) невелика по объему, но очень важна для дальнейшей разработки методического инструментария топономастики. В исследованиях такого плана, как правило, происходит наиболее органическое соединение проблем внутренней и внешней лингвистики. Топонимическая ареалология оперирует важнейшими структурными ярусами контактирующих языков (фонологией, грамматикой – с преимущественным акцентом на морфонологию – и лексикой в ее формальном и семантическом аспектах) с последующим прояснением истоков возникновения географических названий при строгом учете субстратных и адстратных явлений. Нетрудно при этом убедиться, что словообразовательный анализ субстратных топонимов без определения их языковой принадлежности и реконструкции фонетического облика праформы является весьма относительным, а в большинстве случаев предвзятым или неверным. Установить языковую принадлежность субстратной топонимии можно лишь на основе воссоздания языковой реальности старого ареала. Причем гипотетически восстанавливаемая этническая карта должна подтверждаться археологическими, палеоантропологическими и иными данными, которые не только не противоречили бы друг другу, но и находились бы в отношениях взаимной дополнительности.

Д. В. Кузьмин не без оснований подчеркивает, что выбор признака для номинации географического объекта обусловлен рядом обстоятельств, прежде всего природными особенностями реалии. Так, озеро может быть *круглое, долгое, черное, щучье*, и эта объективная информация отражается в его названии (с. 13). Рецензент внес бы некоторые уточнения в авторскую характеристику признаков номинации: слова *круглое, долгое* характеризуют очертания озера, *щучье* связано с фауной водоема, *черное* подчеркивает цвет грунта дна озера. Указанные слова являются составными частями некоторых лимонимов, вступая иногда в антонимические отношения в системе наименований озер. Ср., например, названия озер Республики Марий Эл: *Черное озеро* (Звениговский р-н), *Светлое озеро* (Юринский р-н).

Нельзя не согласиться с мнением диссертанта о том, что ареал распространения топонимов имеет большое значение при изучении истории заселения края, но при этом нужно помнить, что выводы, связанные с решением этого непростого вопроса невозможны делать на основании какого-либо отдельного топонима. Всегда необходимо учитывать названия аналогичного типа, встречающиеся на соседних территориях (с. 20). В связи с этим возникает вопрос: а как быть с изоглоссами в области топонимии? Они могут встречаться не только на смежных, но и на отдаленных территориях. Ср., например, гидронимы *Ронга* (Марий Эл) – *Ронга*, приток р. Оять (Ленинградская обл.); *Кундыш* (Марий Эл) – *Кундыши* (север Европейской части России).

Вторая глава «Характеристика структурных и лексико-семантических типов топонимии Беломорской Карелии» (с. 12–108) написана на высоком теоретическом уровне, на основе анализа значительного количества научной литературы и обширного топонимического материала.

Д. В. Кузьмин вполне справедливо отмечает, что класс простых топонимов неоднороден. Их можно разделить на несколько групп в зависимости от того, что выступает в качестве простого топонима: 1) appellativ; 2) appellativ или оним + суффикс (токоформант); 3) оним (топоним или антропоним) (с. 25).

Как явствует из наблюдений Д. В. Кузьмина, характерным для Беломорской Карелии является использование двух форм – простой и сложной – для одного и того же названия, ср., например: *Karango // Karangoniiyt, Kõunäs // Kõunäskoski* (с. 28). В связи с этим у диссертанта возник вопрос: какая из параллельно существующих форм является первичной? Однако ожидаемого ответа на этот вопрос в работе нет. Приведенные примеры, содержащие трансграфему < (развилось или перешло из...), свидетельствуют, что простые названия получились в результате эллипсиса, т. е. выпадения одного из компонентов сложного названия – атрибута или чаще детерминанта, ср.: *Piettämö < Piettämöjärvi, Syvä-Kauhie < Kauhiejärvet* (с. 28).

В результате анализа простых названий, образованных от appellativa или онима с суффиксом, диссертант выявлено 5 топонимообразующих постфиксов: 1) ойконимный формант *-la/-lä/-l'a*, выступающий во всех прибалтийско-финских топонимических системах; 2) формант *-o(u)šina*, встречающийся в наименованиях сельхозугодий; 3) гидроформант *-mo*; 4) формант *-ni*, развившийся из деминутивного суффикса; 5) формант *-t*, являющийся по происхождению показателем множественного числа и выступающий в топонимии в качестве суффикса (с. 32).

Рассматривая топонимы, возникшие в результате трансонимизации, диссертант подметил, что использование в номинации домов только имени человека является давней и распространенной традицией в Карелии (с. 37). Абсолютно такие же названия, содержащие только антропоним, встречаются и в наименованиях сельскохозяйственных и природных объектов, хотя намного реже (с. 38).

Диссидентом справедливо отмечено, что для прибалтийско-финской топонимии, в том числе и для карельской, основным структурным типом является словосложение (с. 39). Разумеется, сложные топонимы, т. е. композиты, представляют исключительный интерес для уральской топономастики. В этой связи интересно бы узнать, имеются ли сложные топонимы, состоящие из трех и более основ, в научной картотеке географических названий Карелии. Напрашивается и другой вопрос: встречаются ли в сложных названиях реликтовые основы, восходящие к уральскому и финно-угорскому периодам?

Проблема лексико-семантического анализа типовых атрибутивных элементов по существу не нова в топономастике. Однако она впервые в развернутом виде обсуждается в данной

работе. Помимо исследования структуры северокарельской топонимии, Д. В. Кузьмин пытается установить набор типовых карельских топооснов, которые свойственны только данной группе карельского населения (с. 46).

Обобщающие выводы, касающиеся эволюции топонимической системы Беломорской Карелии, получены в результате глубоких исследований, поэтому они достаточно убедительны и в большинстве случаев бесспорны.

На основе анализа значительного фактического материала диссертант приходит к выводу, что наибольшим числом комбинаций с атрибутивным элементом внутри топонима отличаются детерминанты, представленные родовыми терминами, которые отражают характер местности, физико-географические особенности обозначаемых ими объектов. В зависимости от этого выделено несколько основных групп детерминантов: гидрографические (*-joki* ‘река’, *-järvi* ‘озеро’, *-suo* ‘болото’); орографические, обозначающие положительные или отрицательные элементы рельефа земной поверхности (*-vuara* ‘возвышенность’, *-termä* ‘горка, холм’, *-alanko* ‘низина’); термины экономико-географические, в том числе: а) сельскохозяйственные (*-pelto* ‘поле’, *-niity* ‘покос’); транспортные (*-tie* ‘дорога’, *-matka* ‘путь, дорога’); географические термины, обозначающие типы и виды поселений и жилищ (*-kylä* ‘деревня’, *-huittori* ‘хутор’) (с. 93).

Завершая обзор данной главы, следует отметить, что весь анализируемый материал автором строго систематизирован, она богата ценностными сведениями о топонимии Беломорской Карелии.

Третья глава «Дифференцирующие топонимные типы Беломорской Карелии» (с. 109–182) состоит из 2 рубрик (разделов): «Отэтнонимические модели *Lappi-/Lappalaist-, Hämeh-, Karjala-/Karjalais-*» (с. 109–142); «Дифференцирующие модели карельского Беломорья: *Läpiäytävä, Oulu-, Kemi-, Haisuva-, Haisu-, Nilos-, Ryhjä-, Rautaveräjät, Hera-, Karsikko-, Kolmikanta-, Uarreh-, Kanto-, Kannus-, Törisevä-, Hoikka-, Kolmisoppi-, -Šina*» (с. 142–182). В этой главе имеются 22 прекрасно оформленные карты, иллюстрирующие ареалы распространения топооснов и топонимных моделей. Всего же в работе содержится 26 карт.

По мнению Д. В. Кузьмина, анализ рассмотренных топонимных моделей и их ареалов позволяет выявить пути, хронологию и условия освоения территории Беломорской Карелии различными этногруппами (с. 182). Не останавливаясь на детальном анализе третьей главы, следует отметить, что с основными положениями, изложенными в ней, нельзя не согласиться.

Теоретическая часть диссертации завершается заключением (с. 183–189), содержащим умело сформулированные выводы по трем главам.

Д. В. Кузьминым поставлены и решены важные вопросы карельской ономастики: впервые детально рассмотрена ареальная дистрибуция топонимных моделей, охарактеризованы структурные и лексико-семантические типы топонимов Беломорской Карелии, изучены дифференцирующие топонимные типы. Разработанная им методика ареальных исследований в топонимии, несомненно, будет использована при изучении географических названий других регионов России.

Исследование обширного материала, собранного диссидентом в полевых условиях, позволило ему сделать ряд тонких наблюдений, демонстрирующих специфику топонимообразования. Благодаря тщательной работе, Д. В. Кузьмину удалось сформулировать обобщающие выводы об особенностях топонимической системы исследуемой территории, о путях, хронологии и условиях освоения Беломорской Карелии разными этногруппами. Они, несомненно, могут быть хорошим подспорьем при создании полного реестра словообразовательных моделей топонимов Карелии, при составлении словаря топонимов данной территории, а также при разработке лекционных курсов по прибалтийско-финской топонимике и учебного пособия по региональной ономастике.

A. Н. Куклин, докт. филол. наук, проф. кафедры марийского языка и литературы Марийского государственного педагогического института им. Н. К. Крупской (Йошкар-Ола)

ДИССЕРТАЦИИ 2003–2005 гг.¹**2003²**

- 1. Годузо И. Г.* Акцентные особенности отглагольных фамилий Тамбовской области (на материале словаря-справочника «Фамилии Тамбовской области»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2003.
- 2. Давыдова Т. В.* Топонимика северных народов Сибири и Дальнего Востока России: историографический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.-Петербург. гос. ун-т СПб., 2003.
- 3. Карим Салим Муртада.* Заголовок-вопрос на газетной полосе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2003.
- 4. Кожевникова Л. Ю.* Онимия художественного текста в современном монгольском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ, 2003.
- 5. Манжуева Ю. Ф.* Гидронимия Циркумбайкальского региона: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ, 2003.
- 6. Маринина И. А.* Типология и функционирование номинаций персонажей в полифоническом повествовании (на материале романа М. Ф. Достоевского «Братья Карамазовы»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Самар. гос. ун-т. Самара, 2003.
- 7. Стародубцева В. В.* Номинация внутригородских предприятий и учреждений в современном русском языке (на материале ойкодомонимов г. Ульяновска): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. обл. ун-т. М., 2003.
- 8. Черногрудов Е. П.* Заголовки с прецедентными текстами в современной публицистике (на материале центральной, региональной и местной прессы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2003.
- 9. Шомахова Т. М.* Структурно-семантическая парадигма имени в разносистемных языках: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / РАН, Ин-т языкознания. М., 2003.

2004

- 1. Алтухова О. Н.* Ономастический контекст в постмодернистской литературе (на материале произведений В. Пелевина): Автореф. ... канд. филол. наук / Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2004.
- 2. Анисимова В. В.* Развитие русской антропонимики в современном русском языке (на примере личных имен): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Гос. ун-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. М., 2004.
- 3. Ахметзянов И. Г.* Историко-лингвистическое исследование тюркско-татарских географических названий в русских летописях (IX–XVI вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ин-т. яз., лит. и искусства им. Г. Ибрагимова АН Респ. Татарстан. Казань, 2004.
- 4. Багирова Е. П.* Эволюция антропонимона в текстах разных редакций романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тюмен. гос. ун-т. Тюмень, 2004.
- 5. Бадеева Е. Я.* Метонимия имени в общественно-политической лексике английского языка: когнитивный и pragматический аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Дальневост. гос. ун-т. Владивосток, 2004.
- 6. Гараева А. К.* Историко-лингвистический анализ топонимов Елабужского уезда: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тобол. гос. пед. ун-т им. Д. И. Менделеева. Елабуга, 2004.

¹ При составлении данного указателя использовались самые различные источники, в том числе Летопись авторефератов диссертаций: Государственный библиографический указатель Российской Федерации. М., 2003. № 1–12; М., 2004. № 1–12; М., 2005. № 1–12.

² Список авторефератов диссертаций за 2003 г. дополняет собой перечень, опубликованный в: Вопр. ономастики. 2004. № 1. С. 181–182.

7. Гарипова-Хасанина В. М. Поэтическая ономастика Гумара Баширова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Казан. гос. ун-т. Казань, 2004.
8. Дамбуев И. А. Ойкономия Циркумбайкальского региона: лингвокультурологический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ, 2004.
9. Данилова И. В. Система личных имен Смоленского региона в XX в. (динамический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Смол. гос. пед. ун-т. Смоленск, 2004.
10. Исакова А. А. Языковая адаптация прагмонимов английского происхождения в русском рекламном тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Сарат. гос. акад. права. Саратов, 2004.
11. Исакова Л. Н. Антропонимы в русских словарях науки, производства и социально-политической жизни России XVIII–XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Орлов. гос. ун-т. Орел, 2004.
12. Калашников А. В. Переводы значимых имен собственных: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. лингвист. ун-т. М., 2004.
13. Кондакова И. А. Образные средства, содержащие топонимы, в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Нижегор. гос. лингвист. ун-т им. Н. А. Добролюбова. Киров, 2004.
14. Копач О. И. Номинация водных объектов в белорусском и английском языках: ономасиологический аспект (на материале гелонимов Беларуси и США): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Белорус. гос. ун-т. Минск, 2004.
15. Кравченко Е. В. Деонимизация иноязычных имен собственных в английском языке (на материале антропонимов и топонимов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Дальневост. гос. ун-т. Владивосток, 2004.
16. Красникова И. Р. Прагматика окказиональных антрополексем в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Рост. гос. ун-т. Ростов н/Д., 2004.
17. Красноперова Л. С. Функционирование имени собственного в современном португальском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.-Петербург. гос. ун-т. СПб., 2004.
18. Кручинина А. В. Семантическое пространство обско-угорской и самодийской этнотопоними: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тюмен. гос. ун-т. Тюмень, 2004.
19. Крыкова И. В. Англоязычные эргонимы и словесные товарные знаки Японии как опосредованное отражение национальной культуры: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Дальневост. гос. ун-т. Владивосток, 2004.
21. Макарова Е. В. Региональная топонимическая личность (на материале русской топонимии Алтая): Автореф. ... канд. филол. наук / Алтайск. гос. ун-т. Барнаул, 2004.
22. Мальгасова М. И. Теонимическая лексика в русском языке (на материале художественной литературы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ставроп. гос. ун-т. Ставрополь, 2004.
23. Мухаева З. А. Топонимия территории пермского говора татарского языка (юга Пермской области): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Ибрагимова АН Респ. Татарстан. Казань, 2003.
24. Ниязова Г. М. Типы и структура ойконимов сибирских татар (на материале Тюмен. обл.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тобол. гос. пед. ун-т им. Д. И. Менделеева. Тюмень, 2004.
25. Пак С. М. Ономастикон как объект филологического исследования (на материале американского дискурса XIX–XX вв.): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2004.
26. Позднякова Е. Ю. Языковое пространство города Барнаула (на материале русской народно-разговорной речи горожан): Автореф. ... канд. филол. наук / Алтайск. гос. ун-т. Барнаул, 2004.
27. Солнцева Н. В. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этно-семантическом аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ин-т языкознания РАН. Омск, 2004.

28. Соловьева М. А. Роль аллюзивного антропонима в создании вертикального контекста (на материале романа А. Мердок и их российских переводов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2004.
29. Сувандиц Н. Д. Тувинская антропонимия: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / РАН, Ин-т языкоznания. М., 2004.
30. Фоменко И. Б. Библейское имя Каин в русской языковой картине мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Дальневост. гос. ун-т. Владивосток, 2004.
31. Ханичев Р. З. Сопоставительная характеристика процессов деонимизации в русском и английском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Рос. ун-т дружбы народов. М., 2004.
32. Хватова С. С. Этнокультурная специфика идентификации прецедентных имен носителями языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Твер. гос. ун-т. Тверь, 2004.
33. Шебалов Р. Ю. Ономастическая игра в художественном тексте (на материале ранних рассказов А. П. Чехова): Автореф. ... канд. филол. наук / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2004.

2005

1. Аксенова А. В. Транспозитивная деформация поэтического антропонима: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Твер. гос. ун-т. Тверь, 2005.
2. Андреев В. Н. Квазионимы в русском арго (семантика, функционирование и словообразование): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Нижегор. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Н. Новгород, 2005.
3. Барковская Ю. В. Мифологические и христианские имена собственные в поздних текстах Н. С. Лескова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. обл. ун-т. Москва, 2005.
4. Богомягкова Е. В. Этнонимы современного немецкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2005.
5. Дранникова Н. В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера: функциональность, жанровая система, этнопоэтика: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Архангельск, 2005.
6. Еремина Е. С. Отражение диалектных черт в современных русских фамилиях (на материале фамилий жителей г. Волгограда): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Волгоград. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2005.
7. Ермолович Д. И. Основания переводческой ономастики: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Моск. гос. ун-т. 2005.
8. Жапова Д. Н.-Д. Функциональная эволюция проприальной лексики (на материале антропонимии монгольских языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ, 2005.
9. Каскарова З. Е. Ононимы в хакасском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ин-т языкоznания РАН. М., 2005.
10. Кузьмин Д. В. Ареальная дистрибуция топонимных моделей Беломорской Карелии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ин-т яз., лит. и ист. Карел. науч. центра РАН. Йошкар-Ола, 2005.
11. Онькова Л. А. Функционирование имени деятеля в тексте (на материале французского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. пед. ун-т. М., 2005.
12. Смольников С. Н. Функциональные аспекты исторической антропонимики (на материале деловой письменности Русского Севера XVI–XVII веков): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2005.
13. Тимканова Г. Ф. Историко-лингвистический анализ личных имен татар г. Тюмени XX в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 2005.

ЭКСПЕДИЦИИ

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА*

Топонимические экспедиции Санкт-Петербургского университета выросли из традиций ларинской школы и больших коллективных тем, которые в разное время, начиная с 1945 г., разрабатывались СПбГУ [см.: Ларин, 1960; Герд, 1985, 2000]¹. Специальные отдельные топонимические экспедиции С.-Петербургского (Ленинградского) университета начались в 1970-е гг. параллельно с экспедициями по сбору материалов для «Словаря русских говоров Карелии» [см.: Герд, 1991, 1994].

Сбор топонимии проводится студентами, аспирантами, преподавателями. Отряд разбивается на микрогруппы обычно по 2–4 человека, выбирается опорный пункт, и группа должна обследовать участок около 25 км. В пределах 20–25 км на север, юг, восток и запад выясняются названия всех видимых объектов, в том числе устаревшие. При этом крайне важно, чтобы собиратель сам, своими глазами увидел этот объект (болото, ручей, озеро, покос, поле, скалу, развилку дорог и т. д.). Основное внимание уделяется микротопонимии, хотя в последние годы записываются и названия всех деревень, в особенности исчезнувших. Каждое название проверяется у 3–4 информантов, отмечаются его варианты, дублеты. В отдельных случаях записывается и апеллятивная лексика.

Руководитель в течение 20 дней два-три раза посещает каждую микрогруппу, на одного руководителя приходится не более 8–10 человек (4–5 пунктов).

В последние годы экспедиции снабжаются подробными картами до 300–500 м в 1 см.

С самого начала мы ориентировались на глубокое обследование отдельных микроузлов. Такими узлами последовательно стали Присвирье, Заонежье и Ингерманландия. Во всех этих узлах мы встречаемся с иноязычным населением (вепсы, карелы, водь, ижора, финны-ингерманландцы). И здесь главный принцип наших экспедиций состоит в том, что топонимия каждого ныне живущего народа записывается только на родном языке носителя: русская – по-русски, вепсская – по-вепсски, финская – по-фински и т. д. Принцип бесед только на родном языке носителя дает точность записи фонетических и словообразовательных вариантов названия, его морфологических форм.

Специфика полевого обследования Западной Ингерманландии заключается в том, что значительная ее часть находится практически в непосредственной близости от С.-Петербурга. Это урбанизированные территории, еще 10–15 лет назад относившиеся к Ленинградской

* Статья опубликована по плану и при поддержке гранта РФФИ 05–06–80094а.

¹ Специальная полевая практика по топонимике и сегодня (при переходе на 4 года обучения) сохранена в С.-Петербургском университете в учебном плане отделения прикладной лингвистики после 2-го курса обучения.

области, а сегодня уже к городу Петербургу или же находящиеся почти под полным его воздействием. Здесь сосредоточена основная часть финнов-ингерманландцев. Это, в частности, окрестности дворцовых пригородов: Пушкина (Царское село), Павловска, Красного села, Гатчины, Ропши, Ораниенбаума. На западе Ингерманландии (запад Ленинградской области) проживают ижорцы, воль, финны, переселенцы из районов г. Котка. Здесь ижорская и водская топонимия, как и языки, находятся под угрозой строительства новых угле-нефтяных портов на Балтийском море (Усть-Луга).

Как показывает история, диалекты исчезают не под влиянием радио, телевидения, языка Чехова, Паустовского или речи временных дачников, а вследствие отрыва местного населения от вековых промыслов, занятий и разрушения экологической среды его обитания. Те же процессы характерны для территории Крайнего Севера, Арктики и Субарктики. Ярким примером подобного разрушения одного из архаических русских диалектов являются среднерусские говоры в районе оз. Селигер. У бывших колхозников потеряна традиционная работа, занятия, заработка, идет бегство и люмпенизация коренного сельского населения и, напротив – массовое нашествие москвичей и петербуржцев, скучающих дома и землю.

Иная ситуация в Юго-восточном Приладожье и Присвирье. Здесь в силу территориальной оторванности и удаленности (250–300 км от С.-Петербурга) севернее р. Сясь уже слабее чувствуется влияние мегаполиса. Но разрушение сельского хозяйства привело к опустению многих старых деревень, как вепсских, так и русских.

Заонежье в Карелии – традиционно русский легендарный архаический этнографический район, который также сильно обездылел в результате бесконечных реформ с начала 1960-х гг.

Языковая ситуация на севере резко изменилась уже с 1960–70-х гг. Бесконечные реформы и перестройка тяжко ударили по деревне, по крестьянству, во многом разрушили этнолингвистический ландшафт. Тем более наш долг записать все, что еще можно узнать, услышать и проверить у носителей каждого диалекта из каждого села.

Перед выездом в экспедицию со студентами проводятся тренировочные занятия по методике опроса, они знакомятся с историей края, изучают «свой» квадрат по картам.

В разных микрозонах на первый план выступают разные типы объектов: это могут быть погосты на Севере, хутора, мызы, отдельные дома, как в западной Ингерманландии, озера, реки, пороги, горы, скалы, как в Карелии или, напротив, почти исключительно поля. При сборе топонимии особую роль играют беседы с лесничими, егерями, рыбаками, изучение схем полей, лесных массивов.

В поле студенты ведут две тетради записей: черновую и чистовую – и оформляют картотеку; средняя норма на пункт – 700 карточек, включая отсылочные карточки на компоненты словосочетаний и фонетические варианты.

В ходе экспедиции на каждый квадрат в поле составляется большая карта-схема, на которую наносятся все выявленные объекты и их названия. За 2,5–3 недели студенты должны проверить и все названия с карт. К сожалению, как раз на картах, даже на современных, много неточностей и искаженных названий.

С точки зрения углубления поиска немало могут дать и повторные экспедиции. Так, например, неоднократные обследования Заонежья, как экспедициями С.-Петербургского университета, так и Карельского научного центра РАН бесспорно привели к исключительному обилию материалов.

Каковы наши итоги? Одним из главных результатов полевого обследования Юго-восточного Приладожья (Присвирье), проведенного С.-Петербургским университетом совместно с Карельским научным центром РАН, стал выход в свет коллективного «Словаря гидронимов Юго-восточного Приладожья. Бассейн реки Свирь» (СПб., 1997). Совместно с Карельским научным центром подготовлен к печати и «Топонимический словарь Заонежья и Северного Прионежья».

Продолжается полевое обследование Западного Беломорья (в границах Карелии). На основе топонимической картотеки по Ингерманландии разрабатывается глубоко структуриро-

ванная автоматизированная база данных, в которой должны быть представлены источники (включая и карты) – русские, шведские, финские, начиная с XVI–XVII вв.

Результаты топонимических экспедиций отразились и в капитальном коллективном труде «Очерки исторической географии. Северо-запад. Славяне и финны» (СПб., 2001).

В экспедициях Петербургского университета в разное время участвовали преподаватели и студенты из Финляндии (Университет Йоэнсуу), в 2005 г. – из Эстонии (Таллиннский педагогический университет). Естественно, что во всей этой работе активное участие принимают студенты и аспиранты С.-Петербургского, Петрозаводского и Карельского университетов.

- Герд А. С. К 40-летию диалектологических экспедиций Ленинградского университета // Вестн. Ленинград. гос. ун-та. Сер. ист., яз. и лит. 1985. № 9.*
- Герд А. С. Советы диалектолога // Русская речь. 1991. № 5. С. 109–112.*
- Герд А. С. Советы диалектолога // Русская речь. 1994. № 5. С. 81–86.*
- Герд А. С. В чем же суть Петербургской лингвистической школы // Слово во времени и пространстве. СПб., 2000.*
- Ларин Б. А. Вопросник по собиранию топонимических материалов // Ларин Б. А. Очерки по истории языка. Т. 2. Уч. зап. ЛГУ. № 267, 1960.*
- Лебедева А. И. Топонимика Псковской области (Лингвистический анализ). Автoreф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1952.*
- Очерки исторической географии. Северо-запад. Славяне и финны / Под ред. Г. С. Лебедева и А. С. Герда. СПб., 2001.*
- Муллонен И. И., Герд А. С., Азарова И. В. Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья. Бассейн реки Свирь. СПб., 1997.*
- Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Под ред. А. С. Герда. СПб., 1994–2005. Вып. 1–6.*

А. С. Герд, докт. филол. наук, проф., зав. кафедрой прикладной лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Алексей Сильвестрович Стрижак (1925–2006)

29 марта 2006 г. ушел из жизни Алексей Сильвестрович Стрижак – один из ведущих украинских языковедов, старший научный сотрудник Института украинского языка НАН Украины, кандидат филологических наук, лауреат премии им. И. Я. Франко. В его жизни была война, работа на заводе, учительство, но по-настоящему он обрел себя в научной деятельности.

А. С. Стрижак родился 19 сентября 1925 г. в с. Спасовка Вильнянского района Запорожской области в крестьянской семье. С 1933 по 1941 г. учился в школе. В годы Великой Отечественной войны (1941–1944) работал в колхозе. В 19 лет был призван в армию, принимал участие в боях против немецко-фашистских захватчиков. Окончил военную службу в 1950 г., после чего до 1955 г. работал на заводе «Днепропетровсталь» в г. Запорожье.

В 1952 г. А. С. Стрижак поступил на филологический факультет Днепропетровского государственного университета, где изучал украинскую филологию. С 1955 по 1957 г. он преподает украинский язык в средних школах Чертковского района Тернопольской области.

В 1957–1960 гг. А. С. Стрижак учился в аспирантуре Днепропетровского государственного университета (руководитель – профессор В. С. Ващенко), после окончания которой получил направление в Институт языковедения им. А. А. Потебни АН УССР. Здесь А. С. Стрижак работал в отделе украинского языка (позднее – истории украинского языка) на должности младшего научного сотрудника, а с 1969 г. – на должности старшего научного сотрудника.

Работа А. С. Стрижака в отделе истории украинского языка – это период его становления как ученого-языковеда, период весомых научных достижений. В 1965 г. за диссертацию «Гидронимия Среднеподнепровского Левобережья» ему была присуждена научная степень кандидата филологических наук.

С 1975 г. А. С. Стрижак возглавляет ономастические исследования в Институте языковедения (руководит работой над четырьмя научными темами), параллельно исполняя обязанности секретаря, а с 1979 г. – заместителя председателя Украинской ономастической комиссии.

Научная многогранность Алексея Сильвестровича ярко проявилась в разных областях ономастики: ойкономике, гидрономике, хорономике, этнономике и т. д. Его работы уже давно обратили на себя внимание широкой научной общественности. А. С. Стрижак – автор 5 монографий: «Названия рек Полтавщины», «Названия рек Запорожья и Херсонщины», «О чём рассказывают географические названия» (отмечена поощрительным дипломом Всесоюзного общества «Знание» за лучшее произведение научно-популярной литературы), «Этнонимия Геродотовой Скифии», «Этнонимия Птолемеевой Сарматии». За последние две книги в 1992 г. автору присуждена премия им. И. Я. Франко. А. С. Стрижак был членом редколлегии и соавтором «Словаря гидронимов Украины», соавтором и ответственным редактором коллективного исследования «Гидронимия Украины в ее межъязыковых и междиалектных

связях». Под руководством и при непосредственном участии А. С. Стрижака создана уникальная работа – «Этимологический словарь летописных географических названий Южной Руси», выход в свет которого стало событием в отечественной ономастике.

Научное наследие А. С. Стрижака – это 165 научных публикаций, редактирование, членство в редколлегиях 13-ти коллективных работ, научных сборников и словарей. Этот весомый вклад в отечественную науку по достоинству оценили современники и оценят следующие поколения исследователей ономастики и смежных дисциплин.

С 1991 г. и до самой смерти А. С. Стрижак работал в Институте украинского языка НАН Украины. В последние годы он трудился над фундаментальным исследованием «Происхождение этнонимов Украины с древнейших времен до наших дней».

Всю свою жизнь А. С. Стрижак был предан своей работе, искренне переживал за судьбу Украины и ее народа. Память об Алексее Сильвестровиче Стрижаке навсегда останется в сердцах его родных, близких, коллег – всех тех, кто знал его, любил и уважал.

I. B. Ефименко, канд. филол. наук, науч. сотр.
Института украинского языка НАН Украины
(Киев)

СОКРАЩЕНИЯ

В географических названиях

Вель	Вельский р-н Архангельской обл.
В-Т	Верхнетоемский р-н Архангельской обл.
Вил	Вилегодский р-н Архангельской обл.
Вин.	Виноградовский р-н Архангельской обл.
Карг	Каргопольский р-н Архангельской обл.
Кон	Кондомский р-н Архангельской обл.
Котл	Котласский р-н Архангельской обл.
К-Б	Красноборский р-н Архангельской обл.
Лен	Ленский р-н Архангельской обл.
Леш	Лешуконский р-н Архангельской обл.
Мез	Мезенский р-н Архангельской обл.
Нянд	Няндомский р-н Архангельской обл.
Он	Онежский р-н Архангельской обл.
Пин	Пинежский р-н Архангельской обл.
Плес	Плесецкий р-н Архангельской обл.
Прим	Приморский р-н Архангельской обл.
С-Двин	г. Северодвинск
Уст	Устьянский р-н Архангельской обл.
Холм	Холмогорский р-н Архангельской обл.
Шенк	Шенкурский р-н Архангельской обл.

В названиях географических объектов

б. д.	бывшая деревня
д.	деревня
к. д.	куст деревень
н. п.	населенный пункт
поч.	починок
прит.	приток
с.	село
ур.	урочище

В названиях языков и диалектов

белор.	белорусский язык
булг.	болгарский язык
вепс.	вепсский язык
водск.	водский язык
готск.	готский язык
д.-в.-нем.	древневерхненемецкий язык
др.-исл.	древнеисландский язык
др.-новг.	древненовгородский диалект
др.-сакс.	древнесаксонский язык
др.-сканд.	древнескандинавский язык
др.-турк.	древнетюркский язык
колт.	колтовский диалект саамского языка
коми-perm.	коми-пермяцкий язык
костр.	костромские говоры русского языка
ливв.	ливвиковский диалект карельского языка

лит.	литовский язык
манс.	манскийский язык
новг.	новгородские говоры русского языка
perm.	permские языки
полес.	говоры Полесья
помор.	поморские говоры русского языка
приб.-фин.	прибалтийско-финские языки
саам.	саамский язык
саам. сев.	северно-саамский (норвежско-саамский) язык
самод.	самодийский язык
ср.-нидерл.	средненидерландский язык
твер.	тверские говоры русского языка
урал.	уральские языки
фин.	финский язык
хант.	хантыйский зык
чуваш.	чувашский язык

Прочие

acc	accusativus
dat	dativus
gen	genitivus
nom	nominativus
pl	pluralis
sing	singularis

Научное издание

ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ

2006. № 3

Редактор *Л. А. Феоктистова*
Корректоры *К. В. Пьянкова*
Компьютерная верстка *К. С. Верхотурова*
Л. А. Феоктистова

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС11-0310 от 15.07.05.
Учредители: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.
121019, Москва, ул. Волхонка, 18/2;
ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького».
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

План выпуска 2006 г., поз. 58.
Подписано в печать 22.09.2006. Формат 70 × 100 $\frac{1}{16}$.
Уч.-изд. л. 13,25. Усл. печ. л. 13,22. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ .
Издательство Уральского университета. 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ». 620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Требования к авторскому оригиналу

- Авторский оригинал предоставляется в электронной версии (на дискете или электронной почтой) с одной распечаткой текста. Параметры: Word 6.0/7.0 (формат *doc* или *rtf*), шрифт *Times New Roman*, кегль основного шрифта – 14-й, сносок – 12-й, интервал – 1,5, абзац 0,7 (установка через меню: *Формат – Абзац – Отступ – Первая строка 0,7*).
- Примечания – подстрочные, нумерация сквозная.
- Библиографические ссылки – затекстовые (алфавитный список). Форма связи ссылки с основным текстом – с помощью фамилии автора (названия книги) и года издания (страницы, если это прямая или косвенная цитата) в квадратных скобках.
- При наличии в статье авторских сокращений после списка литературы приводится их перечень.
- Языковой иллюстративный материал выделяется в тексте работы курсивом. Для выделения лексического значения используются одинарные кавычки (‘’), при цитировании – угловые («»), смысловые выделения можно подчеркнуть.
- Объем статей – до 1 уч.-изд. (авт.) листа (40 000 знаков).
- Для статей – резюме на английском языке (от 500 до 1 000 знаков).

Оформление библиографических ссылок

Оформление ссылок с помощью фамилии автора и года издания может различаться для разных видов цитируемых изданий. Например:

- Книга или статья одного, двух авторов: [Степанов, 1989, 28]; [Мамонтова, Муллонен, 1991, 52].
- Несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, оформляются добавлением буквенного индекса к году (как в самой ссылке, так и в списке литературы): [Михайлов, 1993а, 101].
- Сборник, коллективный труд, словарь, атлас и т. д. (в том числе – сокращенное название): [Уральские имена, 73], [МДС, 81], [ААЕ, 9].
- Архивные материалы: [ГААО, ф. 198, оп. 7, д. 68, 22] – курсивом выделен лист документа, все остальные элементы ссылки (указание на фонд, опись, дело) даются сокращенно и разделяются запятой.
- Карты, словники, картотеки и т. п. – с помощью сокращенного названия: [КСГРС].
- Многотомные издания и издания из нескольких выпусков: [СРНГ, 12, 270].
- Перечень библиографических ссылок дается в конце статьи в алфавитном порядке. Для сокращенных названий сначала приводится аббревиатура, а затем полное описание работы.

Общие правила

- К статье прилагаются краткие сведения об авторе (ФИО, место работы, должность и ученое звание, почтовый адрес, телефон, при наличии – электронный адрес).
- Статьи, уже опубликованные или направленные автором в редакции других журналов, не принимаются.
- Статьи не рецензируются и не возвращаются.
- Редколлегия письменно извещает автора о решении, касающемся публикации статьи.
- Денежное вознаграждение за публикацию не предусматривается.

Адрес редколлегии и редакции журнала

- 620083, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51,
Уральский государственный университет им. А. М. Горького.
Филологический факультет, редакция журнала «Вопросы ономастики».
Электронный адрес: fasmer@yandex.ru.

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Требования к авторскому оригиналу

- Авторский оригинал предоставляется в электронной версии (на дискете или электронной почтой) с одной распечаткой текста. Параметры: Word 6.0/7.0 (формат *doc* или *rtf*), шрифт *Times New Roman*, кегль основного шрифта – 14-й, сносок – 12-й, интервал – 1,5, абзац 0,7 (установка через меню: *Формат – Абзац – Отступ – Первая строка 0,7*).
- Примечания – подстрочные, нумерация сквозная.
- Библиографические ссылки – затекстовые (алфавитный список). Форма связи ссылки с основным текстом – с помощью фамилии автора (названия книги) и года издания (страницы, если это прямая или косвенная цитата) в квадратных скобках.
- При наличии в статье авторских сокращений после списка литературы приводится их перечень.
- Языковой иллюстративный материал выделяется в тексте работы курсивом. Для выделения лексического значения используются одинарные кавычки (‘’), при цитировании – угловые («»), смысловые выделения можно подчеркнуть.
- Объем статей – до 1 уч.-изд. (авт.) листа (40 000 знаков).
- Для статей – резюме на английском языке (от 500 до 1 000 знаков).

Оформление библиографических ссылок

Оформление ссылок с помощью фамилии автора и года издания может различаться для разных видов цитируемых изданий. Например:

- Книга или статья одного, двух авторов: [Степанов, 1989, 28]; [Мамонтова, Муллонен, 1991, 52].
- Несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, оформляются добавлением буквенного индекса к году (как в самой ссылке, так и в списке литературы): [Михайлов, 1993а, 101].
- Сборник, коллективный труд, словарь, атлас и т. д. (в том числе – сокращенное название): [Уральские имена, 73], [МДС, 87], [ААЕ, 9].
- Архивные материалы: [ГААО, ф. 198, оп. 7, д. 68, 22] – курсивом выделен лист документа, все остальные элементы ссылки (указание на фонд, опись, дело) даются сокращенно и разделяются запятой.
- Карты, словники, картотеки и т. п. – с помощью сокращенного названия: [КСГРС].
- Многотомные издания и издания из нескольких выпусков: [СРНГ, 12, 270].
- Перечень библиографических ссылок дается в конце статьи в алфавитном порядке. Для сокращенных названий сначала приводится аббревиатура, а затем полное описание работы.

Общие правила

- К статье прилагаются краткие сведения об авторе (ФИО, место работы, должность и ученое звание, почтовый адрес, телефон, при наличии – электронный адрес).
- Статьи, уже опубликованные или направленные автором в редакции других журналов, не принимаются.
- Статьи не рецензируются и не возвращаются.
- Редколлегия письменно извещает автора о решении, касающемся публикации статьи.
- Денежное вознаграждение за публикацию не предусматривается.

Адрес редколлегии и редакции журнала

- 620083, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51,
Уральский государственный университет им. А. М. Горького.
Филологический факультет, редакция журнала «Вопросы ономастики».
Электронный адрес: fasmer@yandex.ru.